

ФРАНЦИЯ И ГЕРМАНИЯ В «НОВОМ ЕВРОПЕЙСКОМ СТАРТЕ»: ПОИСК КОМПРОМИССА.

Если в 1945 г. у Франции в Европе не было врагов, кроме Германии, то в 1957 г. у Франции не было друзей, кроме Германии¹. Провал проектов Европейского оборонительного и Европейского политического сообществ бросил тень на «инициатора и вдохновителя» европейского строительства.

Однако большая часть надежд, возлагаемых участниками объединения на этот договор, оказалась в дальнейшем несбыточной. Потоки дешевого американского угля и дешевой нефти не могли не привести к возникновению серьезных конфликтов между ними, для урегулирования которых высшие органы объединения не имели властных полномочий, и их приходилось разрешать на межправительственном уровне. Это неизбежно вело к утрате органами объединения их наднационального авторитета и роли «нейтрального адвоката» в защите общих интересов. Ошибочным было и предположение, что сплетение экономических интересов автоматически приведет к политическому объединению. Процесс европейской интеграции замедлился.

Ж. Монне хотел продолжить «строительство» уже проверенными методами секторной интеграции, расширить компетенцию ЕОУС, включив транспорт и атомную энергетику. В феврале 1955 г. заканчивался срок полномочий Ж. Монне на должности президента Высшего руководящего органа ЕОУС. На заседании Общей Ассамблеи ЕОУС 9 ноября 1954 г. Монне заявил, что не желает продления своих полномочий, аргументируя свое решение желанием получить возможность свободно действовать с целью дальнейшего развития процесса интеграции. В завершение своего выступления Монне сказал, что «Соединенные штаты Европы – это не далекая мечта, а необходимость, которую надо стремиться осуществлять в ближайшее время»². Таким образом, получив «свободу действий», Монне вместе с Пьером Ури с февраля 1955 г. стал детально прорабатывать проект европейской организации, которая будет контролировать транспорт, все виды энергии, в том числе атомную. За период с февраля по март ими было подготовлено 8 предварительных проектов.

Идея «гражданской атомной Европы» была довольно популярна среди проевропейцев, ее поддерживал Р. Шуман, который занимал тогда пост министра юстиции в правительстве Франции, глава Кэ д'Орсэ Антуан Пине, но после отклонения Национальной Ассамблеей договора о ЕОС Монне не мог искать поддержку своих проектов у французского правительства. С февраля 1955 по январь 1956 г. председателем Совета министров был Эдгар Фор, который не имел четкой концепции европейской политики и принимал позицию то противников, то сторонников интеграции, поэтому Монне решил представить свои идеи весьма авторитетному европейскому политику, в то время министру иностранных дел Бельгии Полю-Анри Спааку. В Кэ д'Орсэ, знали, что Монне работает над новым проектом. Так, 1 апреля 1955 г. посол Франции в Брюсселе сообщил, что Монне и Спаак разрабатывают план «нового европейского старта»³.

Монне и Спаак ждали благоприятного момента для официального

---

¹ Bossuat G. L'Europe des français / G. Bossuat. - Paris, 1996. - P. 261.

² Novembre 1954. Débats de l'Assemblée commune. Compte rendu des séances. Journal officiel de la CECA. - Luxembourg, 1954. - P. 455-456.

³ Note 163, DDF, 1955, T.1. - Paris: IN, 1987.

представления нового проекта. 27 марта 1955 г. Совет республики ратифицировал Парижские соглашения 1954 г., в том числе положения относительно Саара. Спаак и Монне сочли этот момент подходящим для декларации нового проекта.

2 апреля 1955 г. Спаак направил письма министрам иностранных дел Франции, ФРГ, Италии, Нидерландов и Люксембурга, в которых излагал основные идеи проекта. 4 апреля 1955 г. Спаак сделал официальное заявление о программе нового европейского старта. Призыв бельгийского министра иностранных дел был быстро подхвачен. В этот же день Спаак получил меморандум министра иностранных дел Нидерландов Й.-В. Бейена о создании Общего рынка.

С апреля началась интенсивная работа над новыми проектами европейской интеграции. Монне, желая узнать позицию Германии, представил проект европейской организации в области атомной энергетики Карлу Фредерику Офульсу, директору европейского департамента в МИД Германии. После изучения проекта Офульс сказал, что Германия будет против организации, которая контролирует только атомную энергетику, но ФРГ примет проект, дополненный идеями единого европейского рынка⁴. К 13 апреля Монне и Ури подготовили новый компромиссный проект с учетом позиции Германии, в который вошли идеи Монне относительно организации в области транспорта и энергетики и Бейна – об общем рынке.

Франция после «исторического провала» не проводила активной и последовательной европейской политики, правительство Э. Фор выступало за проведение политики интеграции в широком смысле. В ответ на предложение Спаака Эдгар Фор 5 апреля заявил, что Франция поддерживает дальнейшее развитие интеграционных процессов. 7 апреля Кэ д'Орсэ направило меморандум, в котором отмечалось, что идеи, высказанные министром иностранных дел Бельгии, уже обсуждались в рамках Европейской организации экономического сотрудничества, в документе подчеркивалось важность проведения скоординированной политики в области энергетики во избежание конкуренции. С некоторыми оговорками говорилось о возможности введения «зоны свободного обмена. Всего несколько дней спустя, 13 апреля, Э. Фор заявил, что «Франция выступает за развитие атомной энергетики в военных целях без создания организации европейского экономического сотрудничества»⁵.

21 апреля проходила встреча министров иностранных дел Франции А. Пине и Великобритании Г. Макмиллана, в ходе которой они высказали желание содействовать развитию интеграционных процессов в Европе⁶. Подобное заявление французского министра иностранных дел можно расценить как формальную декларацию. Чуть позже 29 апреля 1955 г. Пине предложил Аденауэру план создания «конфедерального европейского совета», который также имел декларативный характер. План Пине был далек от создания общеевропейских структур наднационального характера, от конкретных планов и идей Монне.

В Управлении экономики Кэ д'Орсэ был создан Отдел кооперации и экономической интеграции, руководителем которого стал Франсуа Валери. Отдел занимался изучением и разработкой новых проектов европейской экономической интеграции. Франция была в меньшей степени заинтересована в создании европейского объединения, контролирующего транспорт, эта сфера затрагивала

⁴ Monnet Jean. Mémoires. – Paris: Fayard, 1976. – P. 492.

⁵ Note 181, DDF, 1955, T. 1. – Paris: IN, 1987.

⁶ Vol. 41. Pinay. Cabinet du ministres. Archives du MAEF.

почти в одинаковой степени интересы всех стран. Вопрос с энергетикой осложнялся слабостью взаимодействия в этой сфере между европейскими странами, европейской организации было крайне сложно контролировать крупнейшие нефтяные компании. Областью непосредственных интересов Кэ д'Орсэ в этот период была атомная энергетика, отрасль наиболее развитая во Франции по сравнению с другими европейскими странами. Франция хотела осуществлять контроль за развитием ядерных разработок в Германии, что было бы возможно в рамках специально созданной европейской организации, но эта организация не должна была сдерживать и ограничивать развитие атомной энергетики во Франции. Франсуа Валери считал, что надо предпринять новый шаг в европейской политике, в том числе для усиления позиции МРП в правительстве. Незадолго до заявления Спаака, 30 марта 1955 г., на заседании Комитета национальной обороны Франции было принято решение о необходимости содействовать созданию европейской организации, контролирующей развитие атомной энергетики, которая должна учитывать интересы Франции в этой области.

18 мая 1955 г. Спаак представил странам-членам ЕОУС «Меморандум стран Бенилюкса». Меморандум предполагал постепенное сближение экономик стран через механизм создания Общего рынка (Европейского экономического сообщества), а также образование Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом)⁷. Французское правительство не направило официального ответа на меморандум Бенилюкса. Позиция Кэ д'Орсэ заключалась в том, что Франция не готова к проведению глобальной экономической интеграции, возможным представлялось осуществление секторных проектов, которые предусматривают не столько расширение полномочий ЕОУС, сколько образование межправительственных советов под общим контролем Совета министров, наднациональный принцип может быть применим в исполнительных органах⁸. Франция занимала весьма сдержанную позицию в отношении меморандума. Директор Управления по экономическим вопросам Кэ д'Орсэ Оливье Вормсер считал целесообразным взаимодействие в области транспорта и атомной энергетики, был против «тотальной экономической интеграции»⁹. О. Вормсер видел в создании Общего рынка желание стран Бенилюкса снять таможенные пошлины и говорил об отрицательной позиции Франции в отношении открытия рынка для всех видов товаров.

Германия после Парижского договора 1954 г. не испытывала прежних сильных европейских настроений. В ответ на меморандум в отношении общего рынка ФРГ отметила, что поддерживает идею создания единого инвестиционного фонда, выступает за развитие интеграции в различных экономических сферах в значительно большей степени, чем области атомной энергетики. Италии импонировала идея создания инвестиционного фонда в целях поддержки и проведения секторной интеграции. Правительства европейских стран поддержали идею созыва конференции для обсуждения меморандума стран Бенилюкса. Первоначально эта встреча министров иностранных дел планировалась на 26 апреля 1955 г. в Люксембурге, но потом была перенесена по просьбе Аденауэра на более позднее время - после вступления в силу Парижских соглашений (5 мая

---

⁷ Mémoire des pays du Bénélux aux 6 pays de la CECA. Fonds Z. Europe, 1944-1960. Généralités. Archives du MAEF.

⁸ Note 228. DDF, 1955, T1. - Paris: IN, 1987.

⁹ Ibid. DDF, 1955, T1. - Paris: IN, 1987.

1995 г.). Министр иностранных дел Италии Гаэтано Мартино предложил провести конференцию в Мессине (Сицилия). 1-2 июня 1955 г. в Мессине собрались министры иностранных дел стран-членов ЕОУС: Поль-Анри Спаак (Бельгия), Антуан Пине (Франция), Вальтер Хальштейн (Германия), Жозеф Беш (Люксембург), Й.-В. Бейен (Голландия), Гаэтано Мартино (Италия).

Основной целью конференции было обсуждение Меморандума стран Бенилюкса и разработка на его основе договора о создании европейских сообществ. Французский министр приехал с намерением подписать договор об организации в области атомной энергетики и рассмотреть возможность создания общего рынка. В подготовке к конференции в Мессине участвовал Р. Шуман, который был в то время министром юстиции. «Большая Европа собирается с силами», - писала «Populaire» о конференции, отмечая, что именно Франция стала причиной этой болезни¹⁰. Пине в своем отчете о конференции писал, что «это первый шаг, сделанный после 30 августа 1954 г. в сторону европейского единства», настаивал на выработанном франко-германском проекте создания Общего рынка, при этом подчеркивая, что у принятой резолюции мало шансов для реализации¹¹. Жан Монне довольно высоко оценил результаты конференции, говорил о необходимости создания «Соединенных Штатов Европы» как фактора стабильности между Западом и Востоком. Монне не поддерживал проект глобальной интеграции – общего рынка, он считал его преждевременным. Монне отстаивал лишь идею европейского объединения в области атомной энергетики. В интервью газеты «Монд» со свойственным ему чувством юмора он сказал: «Европа – это федеральные полномочия плюс совместное мирное использование атомной энергии, как некогда говорили, что коммунизм – это Советская власть плюс электрификация всей страны»¹².

Для оказания воздействия на работу над европейскими проектами Монне создал 13 октября 1955 г. Комитет действия за создание Соединенных Штатов Европы, в который вошли представители европейских христианских демократов и социалистов. СФИО вступила в комитет Монне по единогласному решению директората. Комитет поддерживали известные политики, в том числе Вилли Брандт, Пьер Пфлимлин, Лео Тиндеманс, Пьер Вернер. Коммунисты назвали Комитет Монне «Вторым Священным Союзом капиталистов»¹³. Конференция в Мессине показала, что основной комплекс противоречий по-прежнему существует между Францией и Германией. В Мессине, в отличие от предыдущих европейских конференций, позиция Германии была существенно усилена в связи с подписанием и ратификацией Парижских соглашений и вступлением ФРГ в НАТО. Германия была очень заинтересована в создании общего рынка, при этом условием ее участия было присутствие в создаваемых сообществах Франции. Стремление обезопасить себя путем контроля над Германией в очередной раз толкало Францию на путь интеграции. Отношение Франции к проекту Общего рынка было более чем сдержанным, но она была крайне заинтересована в участии Германии в европейской организации в области атомной энергетики. Пине полагал, что надо сделать все возможное для того, чтобы Германия вступила в европейские

¹⁰ Le Populaire, 18 juin 1955.

¹¹ Vol. 41. Pinay. Cabinet du ministres. Archives du MAEF.

¹² Le Monde, 16 juin 1955.

¹³ Княжинский В.Б. Политика антикоммунизма и капиталистическая интеграция в Западной Европе, 1946-1966гг.: Автореферат дис. ... д.и.н. 07.00.03. / В.Б. Княжинский. - М., 1968. - 46 с.

организации. Таким образом, пути к компромиссу были найдены, был выработан франко-германский проект общего рынка. На конференции в Мессине европейская карта стала снова решением франко-германских противоречий - модель наднациональной интеграции и концепция общего рынка были приняты в принципе. В Кэ д'Орсэ уже стало аксиомой утверждение, что безопасность Франции стоит «европейской мессы».

Итогом январских выборов 1956 г. в Национальную Ассамблею Франции стала победа левых: 25,4 % получила французская компартия и 14,8 % - СФИО¹⁴. Правительство возглавил лидер социалистов Ги Молле. Европа довольно сдержанно и неоднозначно восприняла правительство Республиканского фронта во главе с Ги Молле. Бельгия боялась провала европейской политики во Франции, предвещала трещину в новом кабинете Молле - Республиканский фронт. Вместе с тем, Ги Молле в интервью «Монд» еще 28 декабря 1955 заявил, что Республиканский Фронт принимает в принципе проект Общего рынка. Министр иностранных дел в правительстве Молле Кристиан Пино утверждал, что Ги Молле является сторонником европейской интеграции во всех формах. Сложилась команда проевропейцев во главе с Ги Молле, в которую вошли К. Пино, Морис Фор, Робер Маржюлин, Александр Верре, Эмиль Ноэль, Пьер Ури. Ги Молле выступал за проведение активной политики европейского строительства в рамках программы Мессины, но приоритетным направлением считал создание Евратома, а не Общего рынка¹⁵. С приходом к власти Ги Молле Франция обрела способность выступать с инициативой в области европейской интеграции, которую она потеряла с провалом ЕОС в период правительства Мендес-Франса. Франция была безусловным лидером в Европе в области атомных исследований, и соответственно ей принадлежала ведущая роль в создании Евратома. Проект Евратома поддерживали социалисты, МРП, независимые во главе с А. Пине и даже мендесисты, присоединившиеся к Республиканскому Фронту¹⁶. Основной комплекс проблем был связан с характером организации – военным или мирным, а также вопросом о монополии Евратома на производство и распределение ядерного сырья.

В центре франко-германских противоречий в отношении создания Евратома были вопросы о собственности на ядерное сырье и способе контроля за использованием ядерных разработок в военных целях. Франция настаивала на том, чтобы государства сами могли решать вопрос об использовании ядерного сырья. Германия также была против монополии Евратома на собственность ядерного сырья, но ее больше беспокоили вопросы поставки, а не распределения. Германия настаивала на том, чтобы государство имело право на покупку сырья, если продукция, поставляемая Евратомом, не будет ее удовлетворять¹⁷. Таким образом, Франция выступала за предоставление возможности свободно распоряжаться ядерным сырьем, в то время как Германия не хотела зависеть исключительно от материалов Евратома. Франция настаивала на проведении национальных атомных исследований в военных целях при осуществлении максимального контроля за развитием атомной промышленности Германии. Германия также хотела

¹⁴ Наринский М.М. Борьба классов и партий во Франции 1944-1958 / М.М. Наринский - М., 1983. - С. 252.

¹⁵ Vol. 2. Pineau Cabinet du ministres. Archives du MAEF.

¹⁶ Наринский М.М. Указ. соч. - С. 218-220.

¹⁷ L'énergie nucléaire en Europe, des origines à Euratom. Textes réunis par M. Dumoulin, P. Guillen et M. Vaisse. – Bern: Peter Lang, Collection Euroclio, 1994. – P. 46-49.

использовать в национальных интересах ядерные исследования, в том числе для достижения паритета, включая военный.

Французское правительство пыталось компенсировать разногласия с Германией через развитие франко-германского военного сотрудничества. В меморандуме французского правительства от 28 апреля 1956 г. говорилось о «необходимости содействовать выработке совместной франко-германской политики в области вооружения» и создании для этой цели Европейского агентства по вооружению в рамках ЗЕС и НАТО¹⁸. Германия довольно скептически отнеслась к предложению Франции, так как оно не затрагивало вопросы сотрудничества в области атомной энергетики и использования ядерного оружия. Этот меморандум продолжал политику, проводимую с 1955 г. Мендес-Франсом с целью «интегрировать Германию в группу европейских стран в той форме, которая возможна»¹⁹. 11 мая 1956 г. проходило первое заседание франко-германского экономического комитета, на котором правительство Франции внесло в повестку дня пункт о промышленном сотрудничестве в области вооружений и атомной энергии. Эти дебаты вызывали некоторое беспокойство среди правительственных и военных кругов Германии. Монне попытался убедить Аденауэра пересмотреть позицию Германии по отношению к Евратому, он предложил ввести временную (на 5 лет) собственность Евратома на ядерное сырье и по истечении этого периода принять окончательное решение.

Проект Евратома разрабатывал Комитет действия за создание Соединенных Штатов Европы Ж. Монне. Монне считал, что Евратом должен быть единственным собственником атомного сырья. В ходе заседания 18-19 января 1956 г. была принята резолюция, в которой указывалось на необходимость создания Евратома, действующего исключительно в мирных целях²⁰. Это положение вызывало резкую критику как со стороны Франции, так и Германии. Франция видела в нем прежде всего попытку помешать созданию ядерное оружия. Министр обороны ФРГ Франц-Йозеф Штраус был категорически против организации, запрещающей производство ядерного оружия, он считал, что данное ограничение направлено, главным образом, на осуществление контроля и сдерживания атомной энергетики Германии. Штраус предложил вариант гибкого Евратома без монополии на покупку ядерного сырья, открытого для стран-членов ЕОЭС. Главной задачей для Франции было скорейшее подписание договора о Евратоме. Германия, заинтересованная в большей степени в создании общего рынка, настаивала на одновременном подписании и ратификации проектов Евратома и Общего рынка. К маю 1956 г. позиция Франции относительно Евратом не была выработана окончательно.

Большинство в правительстве и высших эшелонах власти было против вступления Франции в Общий рынок. Заместитель генерального директора Управления экономики Кэ д'Орсэ считал, что «вместо того чтобы ввести либерализацию для того, чтобы интегрироваться, не стоит ли прислушаться к тем идеям, которые уже давно высказывают французские эксперты – вначале интегрироваться, чтобы затем получить возможность либерализации. Интегрироваться – это значит подписать серию специализированных договоров

¹⁸ Vol. 376. Allemagne. Fonds Z. Europe, 1944-1960. Généralités. MAEF.

¹⁹ Vol. 72. P.Mendes France. Cabinet du ministres. Archives du MAEF.

²⁰ Monnet Jean. Mémoires. – Paris: Fayard, 1976. – P. 499-502.

между рядом крупных европейских фирм»²¹. В Кэ д'Орсэ увидели в проекте Спаака «настоящее наднациональное экономическое правительство». Кэ д'Орсэ настаивал на принятии более осторожного графика создания Общего рынка, Франция была пока готова в лучшем случае к первому этапу. Комитет Верре высказывал свои пожелания французской делегации в Брюсселе, призывал к более взвешенным шагам относительно будущих европейских институтов.

Франция опасалась возможного лидерства Германии в Общем рынке. Для усиления роли Франции в Общем рынке Гастон Деффер, министр по заморским территориям, выступил с идеей создания Общего евро-африканского рынка, т.е. вступление заморских территорий в Общий рынок, что должно быть оговорено специальными статьями. Госсекретарь по экономическим вопросам Кэ д'Орсэ Жан Массон рассматривал вхождение заморских территорий как способ расширения влияния Франции в Общем рынке и, соответственно, уменьшения влияния Германии и США. Франция выступала за создание Европейского инвестиционного фонда, который будет предоставлять кредиты бывшим колониям в размере 220 млрд. франков в год. Франция настаивала прежде всего на вхождение своих бывших колоний, в том числе Алжира, но партнеры Франции не были расположены делить с ней эту ношу. Министр обороны Жак Шабан-Делмас был против одновременного рассмотрения двух проектов. Франция стремилась затянуть переговоры по Общему рынку, используя необходимость подготовки общественного мнения во избежание провала проекта, как это произошло с ЕОС.

Все условия вхождения Франции в Общий рынок были окончательно сформулированы 12 октября 1956 г. и направлены в межправительственную комиссию по Общему рынку. Проект создания Евратома обсуждался 20-22 октября 1956 г. на конференции министров иностранных дел стран-участников в Париже. К. Пино заявил, что Франция не будет полностью отказываться от проведения ядерных исследований, она может только их приостановить на определенный срок, нерешенными остались разногласия в вопросе о собственности на атомное сырье. В ответ на это Дуглас Диллон, посол США во Франции, сообщил о готовности предоставить в распоряжение Франции тактическое ядерное оружие в рамках НАТО, рассчитывая, что в этом случае Франция согласится на мораторий на производство ядерного оружия. 17 ноября 1956 г. Эйзенхауэр заявил о снижении на 25% цены на вывозимый из США уран-235. Министерство обороны Франции было готово принять мораторий на производство ядерного оружия на 3-4 года, но после этого в одностороннем порядке получить свободу действий, рассчитывая таким образом самостоятельно вести ядерные разработки, так чтобы по истечению срока действия моратория практически создать ядерное оружие²². Спаак сомневался и в реальных возможностях, прежде всего в финансовых, и политической воле французского правительства для проведения ядерных разработок в военных целях²³.

Монне также уверял американских дипломатов в том, что «французская военная ядерная программа не более чем миф». Вместе с тем, начиная с апреля 1956 г., правительство Ги Молле разрабатывало программу генерального развития атомной энергетики Франции, которая предусматривала развитие ядерных исследований без проведения экспериментов до 1961 г. Для этой цели выделялись

²¹ Note 293. DDF, 1956, T1. - Paris: IN, 1988.

²² Note 430. DDF, 1956, T1. - Paris: IN, 1988.

²³ Note 431. DDF. Op. cit.

средства в размере 225-235 миллиардов франков в год в период с 1956 по 1961 гг. для развития исследовательских центров Саклей, Шатийон, Гренобль, а также образования новых центров для создания ядерных реакторов для электростанций, подводных лодок, производства урана, плутония и тория. Министерство обороны дополнительно выделяло 73 миллиардов франков для работы Комитета по атомной энергии, 76 миллиардов франков на исследовательские программы, таким образом, Комитет по атомной энергии располагал средствами в размере 374 миллиарда франков в год²⁴.

Программа генерального развития атомной энергетики Франции на период до 1961 г. была принята 30 ноября 1956 г. Таким образом, можно констатировать, что в 1956 г. французское правительство приняло решение проводить национальные ядерные исследования в военных и гражданских целях. Ги Молле не исключал возможности предоставления французской ядерной бомбы в распоряжение общей организации в рамках НАТО. Технологические достижения являлись наилучшим способом усилить позиции Франции как в НАТО, так и в системе международных отношений. После провала ЕОС положение Франции в НАТО было ослаблено, Франция не имела доступа к секретным ядерным разработкам, что особенно не устраивало правительство Ги Молле. Молле выступил за создание более тесной, чем в рамках Альянса системы обороны Европы, за достижение евро-американского паритета в НАТО. Ги Молле хотел поднять влияние Франции в НАТО через развитие национальной программы ядерных исследований и лидерство в Евратоме.

После принятия Программы генерального развития атомной энергетики Франции США вынуждены были согласиться на Евратом «а la Молле», а не «а la Монне». Принятие национальной программы ядерных исследований, которая, по мнению США, обладала двумя недостатками - «была слишком серьезной и слишком независимой от США» - заставило их скорректировать свою позицию²⁵. США больше не говорили о заводе по разделению изотопов американского происхождения, речь шла о помощи в строительстве европейского завода, они предпочитали оказать содействие в строительстве завода в рамках Евратома, чем допустить дальнейшее расширение программы ядерных разработок во Франции. Можно говорить о кризисе внутри «Шестерки» осенью 1956 г., который был вызван позицией Франции по отношению к проекту Общего рынка. Требования Франции имели цель максимально затянуть принятие договора о ЕЭС, большая их часть была неприемлема для партнеров. Наиболее напряженными были отношения Франции и Германии в октябре 1956 г. Франция и Германия преследовали противоположные интересы при принятии двух европейских проектов. Для выработки компромиссного решения Аденауэр в своем выступлении в межправительственном комитете в Валь Дюшес 25 сентября 1956 г. предложил проводить каждый месяц встречи министров иностранных дел, ввести систему «Шестерки», «Семерки» (ЗЕС), «Двойки» (Франция –Германия) и «Тройки» (Франция – Германия - Англия), таким образом, через постоянные совместные обсуждения принятие решений станет «обычным делом» и послужит основой для выработки общей политики²⁶.

---

²⁴ Vol. 2. Pineau Cabinet du ministres. Archives du MAEF.

²⁵ Note 334. DDF, 1956, T3. - Paris: IN, 1990.

²⁶ Note 123. DDF, 1956, T3. - Paris: IN, 1990.

31 октября 1956 г. Ги Молле обратился к Аденауэру с заявлением о «готовности вместе строить Европу»²⁷. В течение месяца продолжался закрытый диалог между Морисом Фором и Людвигом Эрхардом, министром экономики ФРГ. Эрхард выступал против политики протекционизма, отстаивая необходимость развития свободной конкуренции, он был против проведения гармонизации социальной политики в той форме, на которой настаивала Франция. Значительное влияние на развитие франко-германского диалога оказало возвращение Саара. После провала референдума 25 октября 1955 г. о европейском статусе Саара, в ходе которого 67,7% жителей Саара высказались против, предпочитая присоединение его к Германии. 27 октября 1956 г. в Люксембурге было подписано франко-германское соглашение относительно Саара²⁸. Политическое присоединение Саара к Германии произошло 1 января 1957 г., окончательное экономическое - 1 января 1960 г. Решение саарского вопроса дало возможность прийти Франции и Германии к компромиссу по ряду вопросов европейского строительства.

Осенью 1956 г. наметились пути к урегулированию противоречий между позициями Франции и Германии в отношении создания Евратома. Силовые министры ФРГ - министр обороны Бланк и министр по атомной энергетике Ф.-Й. Штраус, также как и их французские коллеги, отклоняли исключительно мирный характер Евратома, который запрещал бы странам-членам создавать ядерное оружие. В ходе посещения осенью 1956 г. ядерной лаборатории Франции Саклей Штраус сказал, что создание «нейтрального Евратома поставило бы Европу в положение вассала второго класса по отношению к США и Англии»²⁹. Он поддерживал французские исследования по созданию ядерной бомбы, так как рассчитывал на то, что они могут быть использованы в дальнейшем Германией.

25 сентября 1956 г. французское правительство направило германскому правительству меморандум о возможности сотрудничества в области вооружений. В рамках программы сотрудничества предполагалось продажа ФРГ французского оборудования, возможная передача баз в Бретини и Монт-де-Марсан в распоряжение германских частей с целью тренировки, взаимодействия в области исследований и производства вооружения в будущем, в частности, в области танкостроения (создание 30-тонного танка), в авиации – совместное создание тяжелых вертолетов Везером (группа Круппа) и Хенкелем, Кетером. Правительство Франции предложило создать на базе исследовательской лаборатории Сен-Луи франко-германский исследовательский институт, оказывать содействие германской промышленности в области вооружений, самолетостроения, в проведении совместной программы подготовки специалистов.

Внешнеполитический провал Франции и Англии в Суэцком кризисе в ноябре 1956 г. подтолкнул европейские страны к необходимости создания единой Европы. Суэцкий кризис показал высокую степень зависимости Европы от США, что стало еще одним аргументом французского правительства в пользу создания Евратома: Европа должна иметь военный паритет по отношению к США и СССР. 6 ноября 1956 г. состоялась решающая встреча Ги Молле и К. Пино с К. Аденауэром в отеле Матиньон. «Теперь, наконец, надо создать Европу», - сказал Аденауэр в кабинете Ги Молле после объявления А. Иденом о провале операции в Египте³⁰. Главы

²⁷ Note 127. DDF. Op. cit.

²⁸ Note 235. DDF, 1956, T2. - Paris: IN, 1989.

²⁹ Bossuat Gérard. L'Europe des français. - P. 309.

³⁰ Pineau Ch. Rimbaud Christine. Le grand pari (l'aventure du traité de Rome) / Ch. Pineau. -Paris, 1991. – P. 223.

государств собрались с намерением решить накопившиеся противоречия в создании новых европейских сообществ.

Аденауэр и Молле пришли к соглашению относительно мирного использования атомной энергии. Главы государств обратились к Спааку с предложением создать специальный комитет для окончательной разработки проекта, в который войдут эксперты Этцель, Арман, Жиордани. Была достигнута договоренность в отношении собственности Евратома: Аденауэр согласился на то, что Евратом не будет контролировать использование ядерного сырья в военной сфере, что в свою очередь даст возможность для продолжения работы над созданием французской атомной бомбы типа А. Германия приняла принцип централизованного распределения радиоактивных материалов через Евратом в ограниченный период времени, за исключением тех случаев, когда Евратом не сможет обеспечивать потребности стран или цены на материалы окажется слишком высокими. Договор о создании Евратома не содержал ограничений на продолжение ядерных исследований странами-участниками сообщества, кроме Германии. Под давлением военных кругов, Комитета по атомной энергии, Министерства обороны Франции был снят 4-летний мораторий на проведение ядерных испытаний³¹. Германия согласилась на еще одно принципиальное требование Франции - осуществление контроля за развитием мирного атомного производства ФРГ³².

В ходе встречи 6 ноября 1956 г. Германия согласилась на образование общего аграрного рынка – «зеленой Европы». Вместе с тем, вопросы общей аграрной политики и вхождения колоний не были решены окончательно. По вопросам социальной политики была принята в основном позиция Франции, в свою очередь, Франция согласилась на 40-часовую рабочую неделю для всех стран-членов ЕЭС без обязательства ее немедленного введения. Франция получила разрешение сохранять высокие тарифные ставки на ввозимую продукцию и в одностороннем порядке проводить политику протекционизма в случае дефицита платежного баланса. Одна из важных уступок Германии заключалась в изменении принципа голосования в Совете Министров ЕЭС, согласно которому по истечении переходного периода вступало в силу правило принятия решений квалифицированным большинством, т.е. отменялось право вето, оговоренное Францией на первые годы существования Общего рынка. США в официальном заявлении от 11 декабря 1956 г. поддержали проект Общего рынка, особенно им импонировало введение зоны свободного обмена.

Таким образом, встреча в верхах 6 ноября оказалась решающей для дальнейшего развития интеграционного процесса в Европе, на ней был урегулирован основной комплекс разногласий. Франция согласилась на одновременное подписание двух договоров, Ги Молле говорил даже о возможности их подписания в 1956 г. Встреча Молле – Аденауэр способствовала франко-германскому сотрудничеству в области вооружений, в том числе ядерных. Как и в 1950 г., двигателем европейского интеграционного процесса стал франко-германский тандем.

И.В. Форет

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ ФРАНКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (1960-1990-Е ГГ.)

³¹ Note 316. DDF, 1956, Т3. - Paris: IN, 1990.

³² Note 138. DDF. Op. cit.

Хотя Франция вышла из Второй мировой войны лишь наполовину победительницей и не участвовала в Ялтинской конференции, положившей начало разделу Европы, она все-таки в течение очень короткого периода времени вновь стала ключевым актором в послевоенных международных отношениях. Наряду с Великобританией, США и Советским Союзом, Франция приняла участие в оккупации побежденной Германии и с 1945 года является постоянным членом Совета Безопасности ООН. Сразу после Второй мировой войны это была вторая по величине колониальная империя в мире. Правительства IV Республики осознавали, что Франции нужно избавляться от образа слабой державы; вследствие этого было решено проводить активную и независимую внешнюю политику во всех сферах международной жизни. Одним из основных элементов французской внешней политики в послевоенный период являлась политика, направленная на примирение с Западной Германией¹. При этом Франция поддерживала развитие европейской внешней политики ровно настолько, насколько это соответствовало ее первостепенным приоритетам. А за период президентства во Франции Ф.Миттерана тема франко-германского сотрудничества стала настолько популярной, что этой проблемы политические деятели стали касаться почти ежедневно².

Франко-германский союз является главным звеном Европейского Союза, не смотря на все противоречия и различия во мнениях, которые появляются между двумя странами по тем или иным вопросам. Министр обороны Франции, Жан-Пьер Шевенман, писал: «На самом деле, особый характер взаимоотношений объединяет Францию и Германию; не является ошибочным и тот факт, что, помимо прошлого, явившего собой исключительную цепь событий, обе страны нуждаются и в продолжение своего союза: Франция - для подтверждения своего присутствия на мировой арене, а Германия – для обретения в будущем стабильного равновесия сил. Необходимо также приложить все усилия, чтобы немецкая идентичность совпадала с идентичностью французской и, чтобы вместе они прогрессировали. Только при достижении взаимопонимания Франция и Германия смогут выжить на мировой политической арене»³. Если мы обратимся к «Мемуарам о войне» и «Мемуарам надежды» основателя V Республики Шарля де Голля⁴, то станет очевидным, что мнение Ж.-П. Шевенмана в данном случае полностью совпадает с голлистской концепцией. В послевоенный период, а особенно в 1980-е годы, политика Франции стала все больше и больше определяться ее участием в Европейском Союзе, принимающим форму экономического, валютного и военно-политического союза и тесным сотрудничеством с Германией. Динамика этих отношений в большой степени повлияла на французские внешнеполитические приоритеты и во многом именно она объясняет европейскую политику V Республики. В 1980-е годы надежным партнером Миттерана в европейской политике стал Гельмут Коль, занявший пост канцлера ФРГ в 1982 году. Именно совместные усилия французской и западногерманской дипломатии позволили перейти в 1983 - 1985 гг. к решающей фазе подготовки концепции Европейского

---

¹ Spoltore F. France and Germany at the crossroads / F. Spoltore // Federalist. - 1996. - Y.38. - No 3. - P.203.

² Gorce P.-M. de la. Les deux grands décideront-ils du sort de la défense européenne / P.-M. de la Gorce // Monde diplomatique. - 1987. - A.34. - No 404. - P.5.

³ L'Allemagne: parlons franc. - Paris, 1996. - P.72.

⁴ См.: Голль Ш. де. Мемуары надежд. Обновление 1958 – 1962. Усилия 1962 / Ш. де Голль. - М., 2000.

Союза, нашедшей отражение в «Едином европейском акте» 1986 года⁵. А в 1986 - 1987 гг. Миттеран сосредоточил свои усилия на упрочении «оси Бонн-Париж» как политического стержня единой Европы⁶.

Франко-германское примирение явилось результатом дипломатических усилий многих политических деятелей, самые видные из которых: К. Аденауэр, Р.Шуман, Ж. Моннэ, Ш. де Голль. Это примирение было непременным условием объединения западной Европы и краеугольным камнем и основой Европейского сообщества. Примирение осуществилось в разгар холодной войны, в тени американского ядерного зонтика и атлантического альянса. Можно выделить две основные фазы во взаимоотношениях двух стран, начиная с раздела Германии: с одной стороны, фаза примирения, а с другой, фаза дружбы и сотрудничества, которая дебютировала в 1963 году⁷.

Вместе с подписанием Елисейского договора⁸ в 1963 году был совершен качественный скачок во взаимоотношениях Франции и ФРГ; было положено начало периоду дружбы и привилегированного сотрудничества, который, с приходом к власти в Париже В. Жискара д'Эстена в 1974 г. и в Бонне Г. Шмидта, породил знаменитые франко-немецкие «танделы». Придя к власти одновременно, эти два политических деятеля и покидают свои посты практически в одно время, уступая место другому «биному» в 1981-1982 годах, президенту Миттерану и канцлеру Колю. Именно в период 1963 – 1989 союз Париж-Бонн становится мотором интеграции европейского содружества. Наиболее значительными результатами франко-германских инициатив можно назвать: в 1974 году - создание Европейского Совета⁹; в 1978 году - рождение европейской валютной системы; в 1979 году – всеобщие прямые выборы в Европарламент¹⁰; в 1986 году - подписание Единого европейского акта; в 1989 году - принятие решения о создании экономического и валютного союза¹¹ и, наконец, решение создать политический и военный союз, нашедших свое юридическое отражение в Маастрихтском договоре 7 февраля 1992 года¹².

На первый взгляд кажется, что отношение самого Миттерана к франко-германскому партнерству также было двойственным. В 1958 году он заявлял: «Франко-германское примирение жизненно необходимо; Европа должна концентрироваться на оси Париж-Бонн»¹³. В утверждении Миттерана не было

⁵ Подробнее о Едином европейском акте, а также его полный текст см. в: The reactivation of WEU: statements and communiqués 1984 to 1987. - L., 1988. - P. 5-15; Единый Европейский Акт. Договор о Европейском Союзе // Малая библиотека Европейского Союза на русском языке. Документы Европейского Союза. - Т.2. - М. - 1994. - С. 229 – 251.

⁶ Коломийцев В. Ф. Франсуа Миттеран: политик и человек / В. Ф.Коломийцев // Новая и новейшая история. - 1999. - № 1. - С. 177.

⁷ Adam-Schwaetzer I. Germany and France and European Integration / I. Adam-Schwaetzer // Studia diplomatica. - Vol. 41. - No 1. - 1998. - P. 38.

⁸ Текст договора см.: Traité de l' Elysée, 22 janvier 1963 (extraits) // Le couple franco-allemand et la défense de l'Europe / Sous la dir. de K. Kaiser et al. - Paris, 1986. - P.332.

⁹ Подробнее см.: Борко Ю.А. Что такое Европейский Союз? / Ю.А. Борко. - М., 2000. - С. 10 – 11, 16.

¹⁰ Там же. - С. 10, 17 – 18.

¹¹ Подробнее о создании и функционировании экономического и валютного союза см.: Буторина О.В. Экономический и валютный союз: новые горизонты и проблемы / О.В. Буторина // Европа: вчера, сегодня, завтра. - М., 2002. - С. 333 – 355.

¹² Параллельно франко-германские связи постоянно углублялись: военное сотрудничество, речь Франсуа Миттерана в Бундестаге в 1983 году во время кризиса евроакет, рукопожатие в Вердене в 1984 году с Г.Колем, празднование 25-ой годовщины подписания Елисейского договора и подписание двух дополнительных протоколов.

¹³ Nay C. Le noir et le rouge, ou l'histoire d'une ambition / C. Nay. - Paris, 1986. - P.266.

ничего необычного или оригинального - в те годы это было довольно распространенное мнение. Однако такое мнение казалось интересным в свете усилий, направленных на укрепление франко-германской оси в самом начале правления социалистов (1981-1986 гг.), а также в свете реакции Миттерана на Елисейский договор 1963 года. Миттеран выступал категорически против договора: «Примирение Франции и Германии положительно и необходимо само по себе... Но я не могу утверждать, что было действительно необходимо проявлять столько излишних усилий для более близкого взаимопонимания двух государств, Франции и Германии, особенно в контексте шести государств (членов ЕС). По крайней мере, четыре из пяти стран, которые ассоциировали себя с Францией в Европе, обеспокоены и огорчены»¹⁴.

Данная позиция демонстрирует протест Миттерана выводу Франции из НАТО, а также логическое продолжение его неодобрения независимой политики ядерного сдерживания и еще одну возможность противопоставить себя де Голлю. Когда Миттеран пришел к власти в 1981 году, он постарался освободиться от столь тесного франко-германского партнерства, созданное Шмидтом и Жискард д'Эстеном, отчасти из-за неприязни, порожденной негативным отношением социал-демократов к французской социалистической партии и отчасти потому что Миттеран противился самой идее зависимости Франции от такого специфического соседа. К тому времени, как Коль победил на выборах в 1983 году, Миттеран осознал, что экономическая взаимозависимость обеих стран должна восприниматься положительно и решил, что необходимо связать Германию узами европейской интеграции всеми возможными средствами, и не позволить последней стать независимой силой.

С 1963 по 1989 годы союз Франции и Германии давал хорошие результаты, но с исчезновением конфликта Запад-Восток и, соответственно, биполярной системы альянс начал испытывать трудности. До середины 80-х годов во французской внешнеполитической программе преобладало стремление сохранить особые отношения с ФРГ, а также желание играть ведущую роль и поддерживать независимость от США, хотя предпочтения европейских партнеров Франции, в том числе и ФРГ, значительно отличались от французских. Хотя франко-германская ось была важна для обеих сторон, по мере углубления интеграционного процесса между партнерами возрастало напряжение. Германия являлась сторонницей, как расширения ЕС, так и дальнейшего углубления интеграционного процесса¹⁵, Франция же все еще с осторожностью относилась к установлению многих договоренностей, в том числе и по вопросу обороны в рамках политического союза¹⁶.

Система холодной войны и международная биполяризация, появившаяся в результате советско-американского соперничества, также наложила свой отпечаток, в некоторой степени совершенно механически, и на отношения Париж-Бонн по следующим основным причинам: непреклонность, несгибаемость альянсов и основ биполярного мира; слабость правительства Бонна в дипломатической свободе действий; раздел Германии на два государства и их стремление к

¹⁴ JO Débats. Assemblée National. - 1963. - Novembre, 18.

¹⁵ Europe's Franco-German engine / eds. D.P. Calleo, E.R. Staal. - Washington, 1998. - P. 63.

¹⁶ Ibid. - P. 65 – 66.

объединению; франко-германская заторможенность в области безопасности, по вопросам Атлантического союза и его реформирования, роли ядерного оружия¹⁷.

Именно расхождение во мнениях победителей во Второй мировой войне повлекло за собой разногласия среди побежденных, раздел Германии и Европы на два противоборствующих блока. Восточно-западное соперничество поставило ГДР и ФРГ в самое сердце холодной войны: эта война была и рождена, и окончилась в Берлине. Такое положение завершилось 9 ноября 1989 года – дата, положившая начало объединению Германии и примирению двух Европ¹⁸. Франко-германский союз должен был сам перестраиваться и одновременно включаться в процессы обновления, которые происходили на Западе.

Крах Берлинской стены перевернул все основные политические, дипломатические, стратегические и экономические положения, основанные во времена идеологического конфликта Востока и Запада. Г. П. Шварц, специалист по истории Германии, так описывает последствия объединения и возвращения единой Германии: «Огромная немецкая мощь, запечатленная в истории, находится в трудном положении и не может раствориться в Европе подобно кусочку сахара; эта мощь неприятна ни соседним странам, ни даже самим немцам, которые боятся собственной силы и враждебности более слабых народов; но немцы не смогут избежать своей судьбы»¹⁹.

Крушение Берлинской стены в ноябре 1989 года и последовавшее объединение Германии вызвали шок во Франции²⁰. Вновь возникла такая же напряженная ситуация какая была в послевоенное время; президент и общественность выражали опасения по поводу возможного экономического и политического доминирования Германии. Несмотря на все заверения канцлера Коля²¹, преобладающее большинство французов считало, что если Германия не будет сдержана рамками союза, то однажды она вновь может стать экспансионистской и агрессивной державой²². В дополнение этого, налицо было явное опасение, что Германия может потерять всякий интерес к европейской интеграции и обратить свое внимание и приоритеты на страны Центральной и Восточной Европы²³.

Президент Миттеран опасался, что объединенная Германия больше не будет нуждаться во французской поддержке на международной арене. Тридцатилетний опыт партнерства с Германией, как казалось правительству V Республике, находился под угрозой. Подобные страхи спровоцировали огромное число политических акций со стороны правительства Франции, которая время от времени президентствовала в ЕС. Сначала Миттеран, казалось, стремился сдержать процесс объединения Германии. Затем последовало его предложение о создании

¹⁷ Adam-Schwaetzer I. Germany and France and European Integration. - P. 32.

¹⁸ Президент ФРГ, Р. Вейзахер, коротко и точно заметил: «Германский вопрос будет оставаться открытым пока Бранденбургские ворота будут закрыты».

¹⁹ Agir pour l'Europe. Sous la direction de l'Ifri. - Masson, 1995. - P.123.

²⁰ Boniface P. Heinsbourg F. La puce, les homes et la bombe: l'Europe face aux nouveaux défis technologiques et milit / P. Boniface, F. Heinsbourg. - Paris, 1986. - P.201.

²¹ Uwah G. O. Mitterrand's second term: the election of a monarch? / G.O. Uwah // Contemporary review. - 1989. - Vol. 254. - No 1478. - P. 124.

²² Boniface P. Heinsbourg F. La puce, les homes et la bombe... - P. 201.

²³ Guyomarch A., Machine H., Richie E. France in the European Union / A. Guyomarch, H. Machine, E. Richie. - N.Y., 1998. - P.118.

панъевропейской конфедерации.²⁴ Этот проект, который также отчасти являлся и ответом на возрастающее влияние НАТО в странах Восточной Европы, состоял из 2 частей: во-первых, речь шла об углублении европейской интеграции посредством развития Европейского валютного союза (ЕВС) и общей внешней политики и политики безопасности и, во-вторых, о дальнейшем продвижении по пути расширения. Эти предложения, однако, не встретили поддержки со стороны британского и датского правительств, а также Германии, которая имела экономическую и стратегическую заинтересованность в скорейшем расширении ЕС на Восток²⁵.

Миттерану пришлось отказаться от идеи конфедерации вследствие острой критики проекта со стороны восточно-европейских стран. Он пришел к убеждению, что лучший способ сдержать Германию - это выступать за скорейшую интеграцию²⁶. Таким образом, Миттеран и Коль вступили в фазу интенсивных переговоров с целью интеграции объединенной Германии в ЕС. Миттеран был все еще озабочен вопросом дальнейшего расширения ЕС, которое, по его мнению, может поставить под угрозу создание сильной Европы и привести к доминированию Германии. Коль же выступал за поддержку импульса европейской интеграции вовсе не для того, чтобы развеять страхи французов и других европейских партнеров о возрождении германской экспансии.

Наконец, начали интенсивно развиваться франко-германские торговые отношения, приближая обоих партнеров к ЕВС и политическому союзу²⁷. Франция была привержена ЕВС, но при этом признавала, что Германия может занять ведущие позиции в этой области. Французское правительство с недоверием относилось к политическому союзу, в особенности к вопросу о развитии наднациональной структуры на уровне ЕС, но было готово поддержать эту инициативу в целях включения Германии в рамки союза. Германское правительство положительно относилось к созданию ЕВС и политического союза, но оно также осознавало, что для этого требовались французская поддержка и финансирование. Впоследствии, во время Маастрихтских переговоров между позициями двух стран возникли серьезные политические разногласия, но взаимное стремление реализовать проект способствовало преодолению всех трудностей²⁸.

Урегулирование и перестройка франко-германских отношений началась прямо с возвращением суверенитета объединенной Германии и десоветизацией стран Центральной и Восточной Европы. После холодной войны билатерализм исчерпал себя: отныне он должен был комбинироваться с мультилатерализмом. Именно в этом франко-германский союз вновь обрел свой динамизм. Знаменитый американский политолог Дэниэл Бэлл относительно роли государства в период роста взаимозависимости и глобализации отметил: «Франко-германский союз очень велик для решения маленьких проблем и очень мал для урегулирования больших»²⁹.

²⁴ François Mitterrand face aux bouleversements du monde (Un débat entre A. Finkielkraut, P. Hassner et H. Védrine) // Commentaire. - 1997. - Vol.20. - No 79. - P.651.

²⁵ Spoltore F. France and Germany at the crossroads. - P.209.

²⁶ Mitterrand F., Wiesel E. Mémoire à deux voix / F. Mitterrand, E. Wiesel. - Paris, 1995. - P. 71.

²⁷ Подробнее см.: Ifestos P. European political cooperation: its evolution from 1970 to 1986 and the Single European Act / P. Ifestos // The Journal of European integration. - Fall, 1987. - Vol. 11. - No 1. - P. 49; Common foreign and security policy: the records and reforms / ed. M. Holland. - L., 1997. - P.15.

²⁸ The unseen treaty: Treaty on European Union. - Oxford, 1992. - P.42.

²⁹ Цит. по: Colard D. Le partenariat Paris-Bonn: un couple modulable / D. Colard // Défense nationale. - 1996. - No 12. - P. 65.

Подобные взаимоотношения между Парижем и Бонном заставляет нас говорить о развитии «дифференцированного партнерства» или же о «изменяющемся союзе», центральная идея которого состоит в том, чтобы придать гибкость двустороннему франко-германскому альянсу. При этом возникает дополнительный вопрос: существовала ли потребность пересмотра Елисейского договора, нужно ли было приступать к преобразованиям, как предлагали некоторые, начиная с 1991 года? Эти преобразования не являлись необходимыми, поскольку в Елисейском договоре содержатся рамочные положения многостороннего сотрудничества. В 1988 году этот договор подвергся ревизии, в результате чего он был дополнен; при этом франко-немецкое партнерство не должно было ограничивать сотрудничество с другими странами, и оно не должно быть закрытым³⁰.

После окончания холодной войны свобода действия государств стала намного больше, а союзы - более разнообразны. С 1990-х годов Франция и Германия начали осознавать значимость нового подхода, особенно при определении последствий политики, полностью направленной на стабильность и безопасность континента. Здесь будет нелишним привести отрывок из Белой книги, касающийся проблем безопасности ФРГ, опубликованный 5 апреля 1994 года впервые после объединения: «Рассматривая географическое положение ФРГ в сердце Европы и ее членство в ООН, участие в ОБСЕ, членство в Атлантическом альянсе, Европейском Союзе и ЗЕС, ФРГ всегда будет жертвой стратегического развития. И, тем самым, будет вынуждена в нем участвовать. Следовательно, Германии необходимо проводить политику безопасности, направленную на будущее и способную внести вклад в решение вопросов, возникающих в Европе, в сердце международного сотрудничества»³¹. Тот же Елисейский договор включает в себя раздел, посвященный двустороннему франко-германскому военному сотрудничеству, контекст которого, однако, больше говорит о многостороннем партнерстве³².

«Би-мультилатерализм» может принимать многочисленные формы в франко-германском союзе в зависимости от природы сотрудничества и географической сферы применения. На самом деле, формы сотрудничества многообразны и могут быть распространены как на ЕС, так и вне его пределов. Это двойное предназначение позволяет лучше понять роль франко-германского союза. С помощью нескольких примеров рассмотрим весь спектр и разнообразие форм сотрудничества Франции и Германии. За пределами Европейского Союза сотрудничество трех государств, или «трилатерализм», развивается в положительном русле в следующих формах: Париж-Бонн-Вашингтон, Париж-Бонн-Москва или Париж-Бонн-Варшава³³. Легко прослеживается общность франко-германских интересов в рамках дружественных связей с США, Россией и Польшей³⁴. Однако это не исключает ни конкуренцию, ни разнообразие взглядов и мнений, ни противоречия между каждым членом подобного треугольника. Вашингтон, Варшава и Москва могут также отдать предпочтение Бонну или

³⁰ Traité de l' Elysée, 22 janvier 1963 (extraits) // Le couple franco-allemand et la défense de l' Europe / Sous la dir. De Kaiser K. et al. - P., 1986. - P.332.

³¹ Livre blanc sur la Défense. - Paris, 1994. Цит. по: NATO and collective security / ed M. Brenner. - L, 1998. - P.52 - 53.

³² Traité de l' Elysée, 22 janvier 1963 (extraits) // Le couple franco-allemand et la défense de l' Europe / Sous la dir. De Kaiser K. et al. - P., 1986. - P.332.

³³ Colard D. Le partenariat Paris-Bonn: un couple modulable. - P. 63.

³⁴ Remaking the hexagon: the New France in the new Europe / ed. G. Flynn. - Boulder, 1995. - P. 93 – 95.

Парижу в этой игре. США и Россия играют ключевую роль в реорганизации западной системы безопасности: во-первых, поскольку реформа НАТО не может быть развернута без них, во-вторых, потому что панъевропейская стабильность и безопасность зависят от взаимоотношений, сложившихся между Западом и Россией.

Треугольник «евро-трио» сформировался в 1992 году после нормализации германо-польских отношений; франко-германская модель вдохновила Бонн и Варшаву³⁵. Вот почему участие в этом союзе Франции кажется совершенно естественным. Польша является наиболее важной страной в Центральной и Восточной Европе: она самая большая по территории и самая густонаселенная. Варшава присоединилась к франко-германскому союзу с целью участия в западных структурах безопасности. Таким образом, трехсторонние отношения стали служить сохранению стабильности и расширению Европейского Союза³⁶. Более того, франко-германский альянс может выступать вместе с другими государствами в многочисленных международных межправительственных организациях в Европе (ОБСЕ, Совет Европы, НАТО). На старом континенте именно Европейский Союз представляет собой мощную структуру сотрудничества, что приводит нас к следующим размышлениям.

Начиная с 1989 года, каждая столица, Париж и Бонн, принимает, во имя равного сотрудничества, открытого вовне, национальную историю другого государства, геополитическую и геостратегическую ситуацию. Это взаимное признание не может не иметь следствием определение нового партнерства в новой Европе и в мире, где роль и место политической географии были полностью пересмотрены. При этом франко-германский союз остается важнейшим звеном Европейского Союза, который основывается, прежде всего, на экономической и валютной интеграции, внешней политике и политике безопасности и сотрудничестве в области внутренних дел и правосудия.

Вопрос о германском объединении повлек за собой следующий пересмотр франко-германских отношений. До октября 1990 года экономическая взаимозависимость казалась приемлемой для Франции из-за ее политического господства над Германией, выступавшее как наследие Второй мировой войны. Объединение уменьшило политическую зависимость Германии от Франции, следовательно, встала необходимость поиска новых путей связывания Германии узами европейской интеграции. Миттеран был способен положить часть французского суверенитета на алтарь германского проекта политического союза, если бы это еще больше связало Германию с европейской интеграцией. Такая безотлагательность отодвигала в сторону настоящие Миттерана на включении вопроса о ЕВС в Договор о Европейском Союзе (Маастрихтский договор) в представлении, что это может придать более высокий политический уровень перед лицом противостояния Бундесбанку.

Изменение германской составляющей во франко-германском уравнении, в результате чего ослабла вера Германии во франко-германский «мотор» Европейского Союза, также отчасти являлось причиной французских инициатив относительно восточно-европейских стран. Одним из вариантов сдерживания

---

³⁵ Colard D. Le partenariat Paris-Bonn: un couple modulable. - P. 64.

³⁶ Agir pour l'Europe. Sous la direction de l'Ifri. - Masson, 1995. - P.138.

могущественной Германии заключался в формировании альянса с восточными соседями³⁷.

В заключение можно отметить, во-первых, появление новых параметров, как качественные, так и количественные, франко-германского союза, обозначившихся после холодной войны в Европе, которая стала более масштабной и более многообразной. Во-вторых, два партнера с привилегированными и показательными отношениями отныне должны были учитывать панъевропейскую взаимозависимость, посткоммунистические преобразования, сглаживать нестабильность и конфликты, являющиеся неизбежными после исчезновения ялтинской системы. Наконец, если необходимо сближать французскую и немецкую идентичность для того, чтобы сделать их более прогрессивными, поскольку две нации «спасутся вместе, лучше понимая друг друга»³⁸, этот союз должен превзойти самого себя, так как именно у него в руках находятся ключи европейского объединения. На самом деле, мощь Бонна и влияние Парижа вместе могут максимизировать «эффект рычага», о чем говорит ЕС. Этот оригинальный союз остается замечательной модулирующей лабораторией, чьи идеи увековечены межправительственной конференцией в Турине с целью адаптации Маастрихтского договора к вызовам XXI века.

Л.В. Табуницкова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОНО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ДВУХ МИРОВЫХ ВОЙН.

На протяжении всего XX века мы дважды встречаем явление, которое можно охарактеризовать как доно-германские отношения. Однако эти события, отстающие друг от друга по времени, при некоторой внешней схожести, принципиально отличаются. Первый опыт казачье-германских отношений действительно можно охарактеризовать как доно-германские отношения, поскольку субъектом отношений было государство – Всевеликое Войско донское, на политическом и дипломатическом уровнях называемое Доном (сродни Украине и Кубани). Взаимоотношения велись на уровне государств, хотя мы должны признать, что казачье государство было построено на принципах сословной диктатуры и не отражало воли всего населения.

Взаимоотношения между Доном и Германией в 1918 году – следствие обстоятельств, в которых проходило формирование донского казачьего квазигосударства. Само развитие событий в период восстания толкало донское правительство на поиск помощи извне. В результате подписания третьего марта 1918 г. Брест – Литовского мирного договора Россия вышла из войны. По договору между Радой и Четверным союзом его войска вступили на территорию Украины. При отсутствии связей со странами – бывшими союзниками России, при невозможности получить поддержку со стороны других, слабых и расплывённых антисоветских сил, помощь могла прийти только со стороны Германии, войска которой к тому времени уже выходили к границам области.

Из письма начальника штаба генерала Мамонтова Краснову от 20 мая: «...продовольствие на исходе. Скоро не будет ни хлеба, ни зернового фуража; последнее меня мало беспокоит, так как перейдём на подножный корм. Но

³⁷ Morgan R. French perspectives of the new Germany / R. Morgan // Government and opposition. – 1991. - Vol. 26. - No 1. – P.108.

³⁸ L'Allemagne: parlons franc. - Paris, 1996. - P.72.

отсутствие хлеба, крупы и картофеля может привести к уничтожению войска внутренним разложением. Дух начинает колебаться от недостатка патронов и винтовок. Был уже случай военного мятежа. ... Поэтому очень прошу вас призвать на помощь от немцев материальные средства борьбы или самих немцев. Всё-таки немецкое господство будет выносливее и дешевле господства русского мужика разбойника, именуемого красногвардейцем. Ещё дешевле было бы купить у немцев пушки, снаряды, винтовки, патроны хотя бы торговым договором. Лучше потерять часть, чем всё имущество и даже честь или жизнь»¹.

Восставшие казаки станиц Гундоровской, Казанской напрямую обратились за помощью к командованию 22-ой германской бригады и получили оружие в обмен на продовольствие. Факт получения оружия от немцев отмечался и у казаков Усть-Медведицы. В 20-х числах апреля германские части вошли в пределы области в районах станции Иловайская, Дебальцево, восточнее Луганска и вблизи Таганрога, заявив, что занимают только территорию Украины, и что в донскую область пойдут только по приглашению казаков².

Атаман не хотел, чтобы германское командование имело хотя бы какой-нибудь намёк, что оно имеет влияние на управление Доном. Поэтому никаких миссий, никаких представителей от немцев в Новочеркасск допущено не было. «Дон считается с фактом занятия части территории германскими войсками, смотрит на них не как на врагов, но как на союзников в борьбе с большевиками и старается использовать их для вооружения и снабжения всеми средствами борьбы своей армии», – сказано было в приказе №1 от 4 мая 1918 года³.

«Вчерашний внешний враг, австро-германцы, вошли в пределы войска для борьбы в союзе с нами с бандами красногвардейцев и водворения на Дону полного порядка». «Как ни тяжело для нашего казачьего сердца, я требую, чтобы все воздержались от каких бы то ни было выходок по отношению к германским войскам и смотрели бы на них так же, как на свои части. Зная строгую дисциплину германской армии, я уверен, что нам удастся сохранить хорошие отношения до тех пор, пока германцам придётся оставаться у нас для охраны порядка и пока мы не создадим своей армии, которая сможет сама охранить личную безопасность и неприкосновенность каждого гражданина без помощи иностранных гостей»⁴.

Для организации и ведения внешней политики в правительстве был создан Отдел иностранных дел (ОИД). Его управляющий представлял своё ведомство в высшем исполнительном органе ВВД – Совете управляющих отделами ВВД и периодически отчитывался о работе перед Войсковым кругом и Донским атаманом. Приказом донского атамана Краснова от 4 мая 1918 г. перед Отделом иностранных дел ставились следующие задачи:

1. Войти в немедленные дипломатические сношения с Киевом, Екатеринодаром и Москвой;
2. Установить связь с главным Германским командованием на Воронежском, Царицынском, и Ростовском направлениях, а также с Добровольческой армией генерала Деникина⁵.

¹ Щепкин Г. Донской атаман генерал от кавалерии П.Н.Краснов / Г. Щепкин. - Новочеркасск. 1918. - С.33.

² Донской край. - 15 мая. - 1918. - С.2.

³ Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское / П.Н. Краснов // Белое дело. Дон и Добровольческая армия. - М., 1992. - С.32.

⁴ Щепкин Г. Указ. соч. - С.16.

⁵ ГАРО.Ф.857, О.1, Д.156, Л.1.

5 июня 1918 года правительство выпустило специальную декларацию, в которой декларировалось следующее:

1) впредь до образования в той или иной форме Единой России, войско Донское составляет самостоятельную демократическую республику.

2) на основании ранее, 21 октября 1917 года, при атамане Каледине заключённых договоров, Донская республика, как часть целого, входит в состав Юго-Восточного союза.

3) относительно установления точных границ и торговых и иных отношений между Донским войском и Украиной ведутся переговоры, для чего послано посольство в лице Черячукина и Свечина.

4) донское войско не находится ни с одной из держав в состоянии войны, но держа нейтралитет, ведёт борьбу с разбойничьими бандами красновардейцев, посланных в войско советом народных комиссаров.

5) впредь Донское войско желает жить со всеми народами в мире на основе взаимного уважения прав и законности и соблюдения общих интересов

6) Донское войско предлагает всем государствам признать его права, впредь до образования в той или иной форме единой России, на самостоятельное существование, и государствам, заинтересованным в торговых или иных отношениях прислать в войско, в его столицу Новочеркасск, своих полномочных представителей, или консулов.

7) В свою очередь, Донское войско пошлёт в эти государства свои «зимовые станицы», т.е. посольства, для установления дружеских отношений.

Наблюдалась и попытка установить дипломатические отношения с советской Россией: 4 мая 1918 года в Москву был отправлен Падалкин с предложением заключить мирный и торговый договор, но с условием отторжения в пользу Дона Камышина и Царицына. Миссия, однако, оказалась безуспешной⁶. Отношения с немцами, по образному выражению современника, являлись тем узлом, «который заплетали личные и партийные интересы и интересы общественные, внешней безопасности и обороны края»⁷. 8 мая атамана посетила делегация генерала Кнерцера, командующего немецкими войсками в Таганроге, которая заверила его в мирных намерениях немцев относительно казаков. 5 июня у атамана был майор Стефани от имени командующего немецкими войсками генерала Эйхгорна, передавший признание атамана германскими войсками. 14 июня представились атаману в Новочеркасске генерал Арним, командующий немецкими войсками в Ростове и его начальник штаба майор Шлейниц.

На установление контактов с немцами толкала вся логика борьбы с большевиками. Во-первых, это был наиболее сильный и наиболее близкий потенциальный союзник, могущий оказать реальную, а не номинальную (как в случае с «союзниками») помощь. Так, в целях разрешения ряда важнейших вопросов общеполитического характера от штаба армии в Киеве 27 июня был командирован в Ростов постоянным представителем Генерального штаба майор Кохенгаузен и два офицера для связи с Новочеркасском. С ним были заключены следующие соглашения: выпущены в обращение на Дону германские марки по курсу 75 коп. за 1 марку; налажен обмен ружей и патронов на хлеб (одна русская

⁶ Падалкин А.П. Поездка в Москву к Ленину с письмом Донского Атамана П.Н. Краснова / А.П. Падалкин // Донская летопись. - Белград. - Т.3. - 1923-24. - С.261-267.

⁷ Каклюгин К.П. Донской Атаман П.Н.Краснов и его время / К.П. Каклюгин // Донская летопись. - Белград. - Т.3. - 1923-24. - С. 76.

винтовка с 30 патронами – один пуд ржи или пшеницы); заключён договор на поставку аэропланов, орудий винтовок, снарядов; заключено соглашение, по которому при совместных боевых действиях половина добычи передавалась донскому войску; выработан и проведён в жизнь план совместных военных действий против большевиков под Батайском; немцы оставили Донской округ; в Ростове образована Донно-Германская экспортная комиссия, которая установила товарообмен с Украиной и должна была наладить товарообмен с Германией⁸.

Как считал один из первых исследователей истории гражданской войны Н. Какурин, «контрреволюционный Дон извлёк для себя гораздо больше пользы от соседства с германской оккупационной зоной, чем Украина, захваченная ею»⁹. Кроме того, роль, которую отводили Дону немцы в своей политике, устраивала казачество, по крайней мере его значительную власть: немцы были заинтересованы в Доне как буферном государстве, что совпадало с общим настроением донской армии не выходить за пределы своей территории¹⁰.

Краснов в своей политике на посту атамана старался наилучшим путём реализовать то, к чему стремилась основная масса казачества: получение от немцев оружия, прикрытие ими западной границы, достижение международного признания.

Взаимоотношения между Доном и Германией, несомненно, отличались принципами равноправия: немцы использовали казаков, казаки в той же мере использовали немцев. Во многом это было определено сложившимся балансом вооружённых сил: при Донской армии в 90 тысяч человек, немцы держали на Дону не более 40 тысяч (на соседней Украине немцев было 400 тысяч)¹¹.

Нельзя так же утверждать, что Донское правительство слепо проводило навязываемую немцами политику. О достаточной самостоятельности в области принятия решений говорят следующие действия: передача части оружия, получаемого у тех же немцев, добровольцам, настроенным враждебно к «германской ориентации»; отказ бороться с чехословаками; попытки создания неподконтрольного немцам Доно-Кавказского союза и пр. Таким образом, главным итогом доно-германских взаимоотношений стали: дипломатическая поддержка; помощь оружием и военной техникой и открытая военная поддержка на начальной стадии общения.

Сам Краснов важнейшим результатом считал то, что немцы, начиная с мая и до конца 1918 года, прикрывали Всевеликое Войско Донское с Запада.

Второй период рассматриваемого нами процесса принципиально отличался от первого. Дон здесь является не государственным образованием с самостоятельностью в области внешней политики, а исторической областью, разделённой между областями Советского Союза. Сама система отношений лишь в какой-то мере повторяла предыдущий опыт. Отношения, в которых были задействована незначительная часть населения (в сравнении с 1918 г.), были инспирированы Германией, роль диктующей стороны целиком была у немцев. Возникшие местные образования, хотя и брали на себя функции выражения воли

⁸ Каклюгин К.П. Указ. соч. - С. 79.

⁹ Какурин Н. Как сражалась революция / Н. Какурин. - М., 1925. - С.15.

¹⁰ Краснов П.Н. Указ. соч. - С.75.

¹¹ Скоропадский П.П. «Украина будет!...» / П.П. Скоропадский // Минувшее: Исторический альманах. - Вып. 17. - М., 1995.

всего казачества, на самом деле были инспирированы немцами и параллельно находились под контролем НКВД¹².

Говоря о «второй войне казачества против Советской власти», необходимо отметить, что её организация имела два начинания. Первое начинание можно охарактеризовать как немецкую инициативу, т.е. инициативу, исходящую от некоторых офицерских кругов Вермахта, гораздо позже получившую официальную поддержку А. Розенберга. Немецкие усилия в этом направлении с осени 1941 г. привели к возникновению в составе Вермахта отдельных казачьих сотен, батальонов; в марте 1943 г. начала формироваться 1-я Казачья дивизия, с середины 1944 начавшая разворачиваться в 15 Казачий кавалерийский корпус.

Вторым начинанием явилось стихийное формирование на оккупированных территориях, в первую очередь Всевеликого Войска Донского, Кубанского и Терского, добровольческих казачьих сотен и полков, объединившихся весной 1944 г в полувоенно-полугражданское передвижное поселение – Казачий Стан. Во многом эти начинания оказались противопоставлены друг другу и должны рассматриваться как две самостоятельные тенденции при исследовании истории казачества во Второй Мировой войне. Антисоветское казачье движение, проявившееся повторно в годы Великой отечественной войны выразилось в участии донских, кубанских, терских казаков в рядах германской армии.

Большое значение имеет вопрос о количестве казаков, принявших участие в вооружённой борьбе. Второй вопрос - об источниках формирования этих частей. Источники можно разделить по принципам формирования на следующие группы: 1) Воинские части, сформированные при штабах немецких объединений, соединений и частей, а так же Центром формирования казачьих частей в Виннице, Славуте и Щепетовке; 2) Сформированные на территории казачьих областей в период немецкой оккупации; 3) Особо выделяется 1-й казачий полк русского охранного корпуса, сформированный из эмигрантов по линии «Российского общевойскового союза» в Сербии с разрешения немецкого командования.

Воинские части, сформированные немцами преимущественно из военнопленных при штабах и Центром, достигали численности примерно в 35 тысяч человек. Части, сформированные на территориях казачьих областей в период немецкой оккупации, составляли примерно 4 тысячи человек. 1-й казачий полк русского охранного корпуса в 1944 г. состоял из 2214 человек. Таким образом, из казаков, принявших участие в боях на стороне Германии наименьшее количество составили белоэмигранты, второе место по численности занимали казаки добровольцы, вступившие в ряды войск на казачьих территориях после прихода туда немцев. И подавляющее большинство составляли люди, попавшие в экстремальную ситуацию (военнопленные), согласившиеся вступить в ряды германской армии¹³.

В ходе военных действий шёл своеобразный отсев, во время отступления 1943 г. наиболее боеспособные части (из разных источников формирования) были сведены в 1-ю Казачью кавалерийскую дивизию, а затем в 15-й Казачий кавалерийский корпус. Прочие части с примкнувшими к ним беженцам впоследствии составили полувоенное полугражданское формирование «Казачий стан». Общая численность «Казачьего стана» - 31463 человека, из которых

¹² Архив УФСБ РО. П.-30446, Т.1, С.30.

¹³ Архив УФСБ РО, П.-30446, Т.2, С.-303-304; Русский Корпус на Балканах во время Второй Великой войны 1941-1945 гг. - Нью-Йорк, 1963. - С.14-15.

строевых 16485 человек. Численность 15-го Казачьего корпуса к моменту окончания войны достигала 40 тысяч человек. Что же касается качественного состава, то ситуация здесь складывается прямо противоположным образом. Наиболее последовательными и активными борцами с большевизмом явились сравнительно немногочисленные представители эмиграции, в массе своей являвшиеся участниками гражданской войны, сохранившими за годы вынужденного изгнания враждебное, жёстко непримиримое отношение к советской власти¹⁴.

Что касается контингентов, формируемых из советских военнопленных, то, даже допуская наличие среди них несомненного процента идейных борцов с большевизмом, в силу разного рода обстоятельств (в первую очередь – проблема выживания), в рядах казачьих формирований большинство всё-таки составляли люди, случайно оказавшиеся в их рядах. Однако нельзя не признать, что наиболее активная, руководящая и организующая роль приходилась на долю людей, поставивших себе жизненной задачей свержение советской власти. Причём большинство данной категории составляют лица, начавшие борьбу с ней ещё в годы гражданской войны, а затем пострадавших от последующих репрессий. Верхушка донской казачьей организации, возникшей в 1942 г., почти целиком состояла из агентов НКВД. Таким образом, само движение на территории Дона было спровоцировано (вольно или невольно) компетентными органами, попытавшимися навязать немцам свою игру. Безусловно, на территории казачьих областей сохранялся определённый процент активистов, идейных борцов с большевизмом, однако, как было заявлено на X-м Пленуме Ростовского обкома ВКП (б): «В целом, наше донское казачество оказалось преданным советской власти, Коммунистической партии и лично товарищу Сталину»¹⁵, хотя и было признано, что «...какую-то долю элементов разложения в сознании некоторой части казачества фашисты, несомненно, оставили»¹⁶. Численность казачьих формирований, состоящих как из идейных противников советской режима, так и несравненно большей группы людей, лишённых всяких политических убеждений, была невелика и не являлась показателем настроений «советского» казачества, в массе своей выступившего на фронтах Великой Отечественной под лозунгами «За Родину! За Сталина!», хотя поводов ненавидеть советскую власть у донского казачества было предостаточно.

Политика Германии по отношению к покорённым народам довершила дело: та часть населения, первоначально относящаяся к немцам индифферентно или с робкой надеждой, была разочарована последующим поведением нацистов. Таким образом, политика Третьего Рейха в отношении казачества делится на два чётко делимых периода: 1941 – 1943, и 1943 – 1945. На первом этапе администрация Третьего рейха, занятая планами колонизации и экономического ограбления «восточных пространств, не собиралась решать казачий вопрос. Казачьи соединения формировались в очень ограниченном объёме, исключительно по инициативе самого казачества, преодолевая сопротивление немецкого командования, считавшего недопустимым получение оружия любым из покорённых народов. К формированию относительно крупных соединений (1-я

¹⁴ Дробязко С.И. Казаки в Вермахте 1941-1945 гг. / С.И. Дробязко // На казачьем посту. - №2-3. - октябрь 1997 - январь 1998. - С.13.

¹⁵ ЦГДНИРО Ф.9, О.1, Д. 356, Л.25-об.

¹⁶ Там же. Л.73.

Казачья кавалерийская дивизия, а затем 15 Казачий Кавалерийский Корпус) немецкое командование приступило только после Сталинградской катастрофы, когда мечты немцев о блицкриге окончательно рухнули.

В целом, говоря об участии казачества на стороне вермахта, необходимо признать, что численность казачьих формирований, состоящих как из идейных противников советской режима, так и несравненно большей группы людей, лишённых всяких политических убеждений, была невелика и не являлась показателем настроений «советского» казачества, в массе своей выступившего на фронтах Великой Отечественной под лозунгами «За Родину! За Сталина!», хотя поводов ненавидеть советскую власть донского казачества было предостаточно.

Объяснение сложившемуся положению, видимо, надо искать в событиях ещё гражданской войны, когда часть наиболее активных, передовых, если придерживаться терминологии Л.Н. Гумилёва, пассионариев была выбита, другая часть была вынуждена либо эмигрировать, либо остаться в родных краях, но тоже уйдя в своего рода эмиграцию – т.н. «внутреннюю», для которой характерна политическая пассивность, приоритет узкосемейных бытовых проблем, подчёркнуто равнодушное отношение к политике. Однако и эта часть лишилась своего пассионарного заряда, попав под последующие репрессии, вместе с вернувшимися в результате реэмиграции, а оставшиеся были морально, а часть и физически уничтожены последующей коллективизацией, когда казачество, уже не являясь исключительной целью репрессий, разделило общую судьбу российского крестьянства.

Таким образом, говорить о преемственности событий 1918 года и 1941-45 гг. не представляется возможным.

М.Б.Корчагина

ЕЩЕ РАЗ О НАШЕМ ОТНОШЕНИИ К ПРОШЛОМУ.

Группа российских студентов, общаясь со сверстниками из Германии, была неприятно поражена тем, что они не признают себя виновными за «коричневое» прошлое своей страны. Думается, в этом проявилось типичное для нашей политики памяти смешение понятий «государство», «общество», «народ», отождествление феноменов национал-социализма и сталинизма, влияние тезиса о коллективной вине и коллективной ответственности за прошлые преступления. Сказалось и то, что мы с начала гласности оказались под гипнозом достижений Германии в деле проработки и преодоления прошлого.

Прежде всего, «память» и «знание» — это не одно и то же. «Память, — пишет немецкий исследователь Х.Вельцер, — абсолютно оппортунистична: она берет то, что ей полезно и отбрасывает то, что представляется ей лишним или неприятным»¹. Речь идет об индивидуальной памяти как психофизиологическом процессе, благодаря чему человек живет и ориентируется в настоящем. Она лежит в основе передаваемой из поколения в поколение семейной истории, через нее осуществляется преемственность глубинных критериев оценок и приоритетов. Чем прочнее этот фундамент, тем противоречивее процесс формирования массового исторического сознания.

¹ Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы / Х. Вельцер // Неприкосновенный Запас. - 2005. - № 2-3. Специальный выпуск «Память о войне 60 лет спустя — Россия, Германия, Европа» совместно с «Osteuropa». - С. 33.

Политика памяти апеллирует к знанию, ссылается на факты и события, на мнение видных деятелей и ученых прошлого и настоящего, но при этом так же «берет то, что ей полезно и отбрасывает то, что представляется ей лишним или неприятным», лавируя между актуальными политическими и идеологическими интересами и традиционными представлениями и стереотипами. Ее цель — обеспечение авторитета власти и сплочения вокруг нее народа. На страницах своей книги «Искупление» А.И.Борозняк неоднократно подчеркивает: людьми с ослабленной или искаженной исторической памятью управлять гораздо проще. Напротив, выходящий за дозволенные рамки контакт с прошлым, стремление составить возможно более полное представление об истории позволяет человеку понять себя нынешнего.

Самый последний пример — празднование 60-летия Победы в Великой отечественной и Второй мировой войне. В странах Европы 8-9 мая — день памяти и скорби и только в СССР, а теперь и в России, история войны оказалась подмененной историей победы. На героическом полотне, в свое время, с трудом нашли себе место труженики тыла, и по-прежнему «чужими» на празднике остаются военнопленные, узники концлагерей, «остарбайтеры», узники ГУЛАГа. «В этот понедельник в Москве будут думать не об окончании Второй мировой войны, не о том, что в Европе закончилась стоившая миллионы жизней бойня, но о Победе советских войск в Великой отечественной войне ..., — писала «Berliner Zeitung». — Героизация оттесняет память о миллионах разрушенных судеб русских людей. ... Там, где призывают к общей судьбе, отдельные судьбы обесцениваются»². Еще определеннее высказалась «Frankfurter Allgemeine»: «Организаторы (торжеств — М.К.) мало заботились о том, чтобы чествовать народ. ... Им было гораздо важнее продемонстрировать россиянам, что Россия во главе с Путиным, как и прежде принадлежит к великим державам мира, а также с помощью воспоминаний о Победе Советского Союза сплотить нацию Российской Федерации вокруг Кремля»³.

В России и Германии память о прошлом и его преодоление вписаны в разные идейные и социально-политические контексты. Речь идет о разных тоталитаризмах, на что не раз указывали, в частности, Я.С.Драбкин и А.И.Борозняк. Поэтому немецкий опыт в его карательной части не мог быть применен в нашей стране, как того требовала антикоммунистическая оппозиция в конце 1980-х годов. В 1992 г. КС РФ подтвердил антиконституционный характер КПСС и КП РСФСР, и тем все дело ограничилось. Оказалось также, что знание фактов и событий без понимания исторического процесса таит известную угрозу. Вызванная перестройкой и гласностью середины 1980-х годов волна зачастую сенсационных разоблачений, связанных с Октябрьской революцией и сталинизмом, спровоцировала кризис идентичности и вызвала идейно-политический раскол общества: под сомнение был поставлен смысл 70-летнего развития под знаком социализма, смысл жизни и жертв многих и многих.

Между тем, не востребованными остались те уроки немецкого опыта, которые собственно и являются сутью преодоления прошлого. Это, прежде всего просвещение. Правда о национал-социализме далеко не сразу стала предметом широкой общественной дискуссии. Х.-Х.Нольте в послесловии к книге А.И.Борозняка «Искупление» предупреждает об иллюзиях относительно роли

² Berliner Zeitung // Internet Artikel vom 9. Mai 2005.

³ Frankfurter Allgemeine Zeitung // Internet Artikel vom 9. Mai 2005.

демократических институтов в деле воспитания и просвещения граждан и отмечает, что «общественное мнение способно достаточно долго замалчивать злодеяния прошлого», а стремление переломить господствующую, освященную авторитетом власти тенденцию требует от историка личного мужества⁴. В ФРГ нацизм уже давно признан частью германской истории, в то время как у нас призыв М.Я.Гефтера признать частью нашей истории Сталина и тем самым освободиться от сталинизма вызвал в обществе отчуждение⁵.

Надо отметить, что в Германии систематическое обращение к истории национал-социализма не сводится к изучению режима, военной истории или истории повседневности. Существует обширная литература о «другой Германии» — движении Сопротивления, многообразного по формам, социальному составу участников и по содержанию. Такие исследования, очевидно, поддерживают самосознание народа, доказывают, что противостояние даже гитлеровскому режиму возможно. Комплексное изучение террора, покорности и сопротивления является важным моментом становления демократического сознания.

Наконец, следует обратить внимание на то, что просвещение граждан это не только и даже не столько распространение исторических знаний, но политическое воспитание в духе демократии, прежде всего через Федеральный центр политического образования. В новой России деидеологизация предполагала отказ от просвещения и воспитания народа. Эмоционально окрашенный антисталинизм, моральный протест против диктатуры, позволяли идентифицировать российское государство как демократическое, но основанное преимущественно на эмоциях, с трудом достигнутое антисталинистское общественное согласие уязвимо и не может стать действительно анти тоталитарным, т.е. способным воспрепятствовать тоталитаризму в настоящем и будущем.

Другой урок из немецкого опыта заключается в том, что прорыв в общественном сознании Федеративной республики и поворот к критическому осмыслению истории национал-социализма и войны произошел в условиях беспрецедентного для того времени подъема демократического движения второй половины 1960-х годов. Тогда молодежь — «поколение 1968 г.» — обратилась к старшим с вопросом, как стал возможен нацизм. Молодые люди не были виноваты в том, что Гитлер пришел к власти, но они видели, что те, кто прямо или косвенно способствовал этому, служил диктатору, и в новой Германии оказались на видных постах в экономике, политике, высшей школе, в органах юстиции, а основанная в 1964 г. неонацистская Национал-демократическая партия между 1966 и 1968 годами добилась ряда побед на выборах в ландтаги и рвалась в бундестаг. И все при равнодушии со стороны большинства населения. Этого было достаточно, чтобы объявить Западную Германию «предфашистским» государством и объявить ему войну. Ими двигало чувство не вины за прошлое, но ответственности за настоящее.

В России не случилось встречного движения исторической науки и демократической общественности, моральный протест против советской системы не перерос в критическую общественную дискуссию о прошлом и настоящем. Во многом это объясняется тем, как произошла «смена вех» в развитии страны. С.Аверинцев писал, что имел место «компромисс между советской элитой и

⁴ Нольте Х.-Х. Послесловие современника-немца к книге российского историка / Х.-Х. Нольте // Борозняк А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления прошлого? / А.И. Борозняк. - М., 1999. - С. 282-283.

⁵ Гефтер М.Я. Сталин умер вчера ... / М.Я. Гефтер // Из тех и этих лет. - М., 1991. - С. 235-264.

оппозиционной частью общества», когда в уплату за мирное и бескровное освобождение от тоталитарной идеологии «прежнее начальство, в общем, остается на своем месте»⁶.

Наконец, третий вывод состоит в том, что преодоление прошлого не сводится к наказанию преступников, установлению демократии, признанию вины и неких моральных и политических обязательств, вытекающих из преступлений того или иного режима. Это — задача, к решению которой каждое поколение подходит по-своему. Накануне 9 мая в немецкой прессе подробно писали о мемориале Холокоста — «Памятнике убитым евреям Европы», который официально был открыт в центре Берлина 10 мая. Само его сооружение и дискуссия вокруг него подтверждают вывод немецкого политолога Х.Кёнига о том, что сегодня происходит «изменение форм представления и обращения» с прошлым: «По сути, речь идет теперь только о символическом действии, о нормах коммуникации и об эстетической репрезентации, в то время как непосредственных политических выводов из национал-социалистического прошлого делается все меньше»⁷. В ходе обсуждения мемориала как рефрен повторялись вопросы: что же памятник означает для потомков? какой будет память после того, как уйдет из жизни последний участник событий, последний выживший? о чем будут вспоминать? пробудят ли эмоции интерес к тому, что увековечил этот мемориал? «Frankfurter Allgemeine» отмечает, что если это напоминание о злодеянии, то «нынешнее поколение уже не может признать себя причастным к нему». Газета продолжает: «Мемориал удовлетворяет потребность определенного поколения немцев в исповеди и в том, чтобы подкрепить ее широким жестом. Однако через 60 лет после окончания войны и через 15 лет после падения Стены Берлину нужно что-то другое, и молодое поколение требует, чтобы в немецкой столице попытались воссоздать общую картину преступлений немцев»⁸. Журнал «Der Spiegel» приводит мнение историка Михаэля С.Куллена: памятник больше говорит о тех, кто его воздвиг, нежели о преступниках и жертвах, а также «о времени, когда он был сооружен, нежели о том времени, от возвращения которого он хочет нас уберечь»⁹.

Судя по материалам немецких СМИ, сегодня в качестве одной из основ коллективной идентичности в объединенной Германии выдвигается история жертв и страданий всех немцев в конце войны, в условиях советской оккупации и диктатуры СЕПГ, которая была якобы едва ли не страшнее нацистской. Однако объяснимая с точки зрения текущей политики интерпретация прошлого оказывается рискованной для основанной на антинацистском консенсусе демократии, и без того ставшей сомнительной в условиях глобализации. Возникает угроза нормализации того, что не может и не должно считаться нормальным.

Как показывают опросы общественного мнения в России, необходимость изменения подходов к оценке прошлого становится настоящей и у нас. Социолог А.Левинсон отмечает: «Взгляды либеральные, демократические, в 1990-е годы разделявшиеся многими, порой всем обществом, давно уже начали терять популярность. Они остаются в общественном сознании в качестве следов,

⁶ Аверинцев С. Преодоление тоталитаризма как проблема: попытка ориентации / С. Аверинцев // Новый мир. - 2001. - № 9. - С. 146.

⁷ Кёниг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании Федеративной Республики Германии / Х. Кёниг // Неприкосновенный Запас. - 2005. - № 2-3. - С. 102.

⁸ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 7. Mai 2005.

⁹ Der Spiegel. 9. 05. 2005. - S. 38.

отдельных усвоенных фрагментов. ... Напротив, консервативно-фундаменталистские взгляды и подходы все чаще становятся общепринятыми, само собой разумеющимися. И особенно ясно эти тенденции проявляются в оценках и переоценках прошлого»¹⁰. В частности, он ссылается на результаты социологического опроса Левады-центра на тему «Какие войны вы считаете справедливыми для России, какие нет», проведенного в феврале 2005 г. Надо было оценить 8 войн, начиная с русско-японской 1904–1905 гг. и кончая второй чеченской, начавшейся в 1999 г. «Я прихожу к заключению, — пишет А. Левинсон, — что справедливой наши соотечественники признали только ту войну, которая принесла большие приращения территории, продолжала “собираание земель”. Прочие войны “несправедливы” в том смысле, что были либо неуспешны, либо, по сути, нетерриториальны, не умножали владений»¹¹. Только примерно пятая часть респондентов посчитали, что «все войны несправедливые, поскольку всегда сопровождаются насилием и жестокостью с обеих сторон», но «время, когда их подход будет преобладающим, еще не вернулось»¹².

Своей тревогой по поводу состояния умов в России поделились и участники дискуссии «Память о войне в российских СМИ», организованной журналом «Неприкосновенный Запас» при участии журнала «Osteuropa» в октябре 2004 г. «Будем откровенны, — сказал главный редактор московского бюро Русской службы Би-би-си К.Эггерт, — сегодня история советского периода — это пустыня. Говорить хорошо, скажем, о Сталине неприлично даже для тех, кто относится к нему не так плохо. Что касается брежневского периода, то, конечно, жили неплохо, не было концлагерей, массовых убийств и так далее, но и гордиться особенно нечем... А вот война — это единственное, чем можно гордиться. Поэтому в обществе существует тенденция “не допустить пятен на единственном светлом моменте нашего прошлого”»¹³. Писатель и публицист А.К.Симонов подчеркнул, что «нельзя больше говорить о войне..., возвращая историю к тому жанру, в котором она воспроизводилась 50 лет, категорически нельзя. Нельзя потому, что она способствует новому авторитаризму, новому тоталитаризму, если хотите. Такое возвращение истории войны, в ее блистательных мифах — очень большая опасность для сегодняшнего и будущих поколений»¹⁴. На необходимость «погрузить память о войне в широкий исторический контекст» и «научиться замечать в истории войны что-то общечеловеческое» указал журналист и издатель С.Пархоменко¹⁵.

Но, есть и другая тенденция — собственно, сами участники дискуссии ее представляли — тенденция к тому, чтобы знать о войне всю правду. Однако, как заметил К.Эггерт, в масштабах общества она незаметна — «с одной стороны, конечно, потому, что политическая элита не хочет выводить это на массовый уровень, а с другой стороны, потому что общество будет отторгать это»¹⁶. Может быть потому, что собственное участие в Великой Отечественной войне или причастность к ней являются фактом биографии сотен тысяч людей в нашей

¹⁰ Левинсон А. Война и земля как этические категории / А. Левинсон // Неприкосновенный Запас. - 2005. - № 2-3. - С. 104.

¹¹ Левинсон А. Указ. соч. - С. 107.

¹² Там же. - С. 107.

¹³ Память о войне в российских СМИ // Неприкосновенный Запас. - 2005. - № 2-3. - С. 357.

¹⁴ Память о войне в российских СМИ // Неприкосновенный Запас. - 2005. - № 2-3. - С. 356.

¹⁵ Там же. - С. 358.

¹⁶ Там же. - С. 357.

стране? Тем примечательнее то обстоятельство, что корректировка исторической памяти — ее гуманизация происходит в общении поколений, на уровне семейной истории.

В 1999 г. общество «Мемориал» объявило ежегодный исторический конкурс для старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век». С тех пор было получено 15000 школьных работ, большинство авторов которых — ребята из российской глубинки, внуки и правнуки рядовых, реже младших офицеров. Сочинения проанализировала И.Щербакова, руководитель образовательных программ общества «Мемориал» и координатор проекта «Школьный конкурс»¹⁷. Остановимся на трех моментах.

Первое, она отмечает двойственность представлений современных юношей и девушек о войне: «С одной стороны, война для них — нечто абстрактно-застывшее, лишенное какой бы то ни было, пусть даже мифологизированной, но живой памяти, набор клише из брежневской эпохи, заученных формул, вроде: “великий подвиг советского народа”, “никто не забыт и ничто не забыто”, ...“памяти павших будьте достойны”..., и повторение их — просто обязательное ритуальное действие, предваряющее любой разговор о войне. .... Другая неофициальная, неказенная народная память о войне возникает в их сознании в основном через призму семейной истории»¹⁸.

Во-вторых, характерно то, что большинство историй записаны со слов бабушек и прабабушек, и поэтому в сочинениях «сравнительно мало фронтовых эпизодов, а описания боев полны казенной риторики и мифологии. ... Большинство историй, которые они слышат, — о жизни в тылу, под оккупацией, о бегстве, пережитом их бабушками, о разбомбленных эшелонах, о потопленных баржах. Это истории угнанных в Германию остарбайтеров, это очень тяжелая правда о партизанском движении..., это картины непосильного фактически принудительного труда и постоянных репрессий в тылу...». То есть имеет место деидеологизация войны. Главным становится то, как проявляли себя люди в тех экстремальных условиях, сопереживание с тяжестью перенесенных испытаний и возмущение поведением «своих» то ли в отношении бывших узников концлагерей и угнанных на работы в Германию, то ли в связи с бессмысленными жестокостями в армии¹⁹. И, в-третьих, отмечается совершенное отсутствие пафоса мести: «Скорее можно увидеть стремление дифференцировать, улавливать все, что не входит в рамки лубочных образов. Проявление человеческих чувств и даже иногда взаимной жалости не вызывает удивления и воспринимается порой как нечто само собой разумеющееся. ... Иногда даже возникает ощущение, что векторы и смысл войны тоже теряются — нет реального врага, воюют два тоталитарных режима, и война осуждается вообще, как некое абстрактное зло». Правда автор статьи вынуждена признать, что «в самые последние годы такая позиция у школьников встречается реже и реже»²⁰. Оно и понятно...

Итак, преодоление прошлого — это многотрудный, подчас болезненный волнообразный процесс. Знание полной правды о прошлом необходимо, но, думается, не затем, чтобы превратить историю в более или менее скучный, в более или менее мифологизированный нарратив. Еще в 1956 г. отцы «общей модели»

¹⁷ Щербакова И. Над картой памяти / И. Щербакова // Неприкосновенный Запас. - 2005. - № 2-3. - С. 108-115.

¹⁸ Щербакова И. Указ. соч. - С. 109.

¹⁹ Там же. - С. 110-111.

²⁰ Там же. - С. 112-113.

тоталитаризма К.Фридрих и З.Бжезинский констатировали, что «тоталитарные государства, по-видимому, являются просто преувеличением, логическим завершением технологической обусловленности современного общества»²¹. Сегодня все большее внимание историков, социологов, политологов, экономистов, философов привлекает связь тоталитарных режимов с современной демократией. Появились даже понятия «тоталитарная демократия» или «демократический тоталитаризм», указывающие на всеобщность созданной с начала нового времени системы, миропорядка, все части которого взаимосвязаны. Так что «вся правда» или «полная правда» о прошлом предполагает не только знание фактов и событий, но и понимание исторического процесса.

Б.С. Орлов

РУССКИЕ И НЕМЦЫ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

С самого начала мне хотелось бы сказать, что обозначенная в моем докладе тема – трудная для рассмотрения. Объективный подход к ней ставит перед необходимостью коснуться болезненных проблем, с которыми сталкивается современная Россия, находясь в сложном переходном периоде. Но как ученый-историк я исхожу из того, что чем больше мы, то есть немцы и русские, будем по-настоящему понимать друг друга, а не приукрашивать прошлое и настоящее, тем больше будет предпосылок для подлинного, а не мнимого партнерства.

Находясь в этот день, 9 мая, в Германии, далеко от Москвы, я, как и многие мои соотечественники, пытаюсь представить себе то, что происходит на Красной площади в Москве. Центральное событие празднества – выступление ветеранов войны. На прошлых парадах они – мужчины и женщины – проходили строевым шагом через площадь мимо Мавзолея. Это было волнующее зрелище. Многим из них было уже за 80, но они старались держаться бодро, поддерживая друг друга руками, чтобы не упасть. Смотреть на это без слез было невозможно. В этом году они уже поедут на грузовиках, построенных в годы войны.

В этот день будет много музыки. И среди победных маршей и песен времен войны будет выделяться мелодия песни русского поэта грузинского происхождения Булата Окуджавы со словами: «У нас на всех одна победа. Одна на всех – мы за ценой не постоим».

В этих словах поэту удалось выразить главное, что нравственно, психологически объединяет всех в России вне зависимости от политических взглядов. Победа 45-го года – это событие в многовековой истории России, которое выделяет его своей масштабностью, своей значимостью. Главное в этом событии – это момент не самовосхваления, не чувства злорадства над побежденными, а чувство самоутверждения. Это обстоятельство я хотел бы выделить особо.

Известно, что историческое самосознание русских во многом основано на мифологии, на преувеличенном значении побед в прошлом. Таково отношение к битве новгородского князя Александра Невского с рыцарями из Ордена крестоносцев в 1241 году, которая ныне рассматривается как решительный отпор немецкой агрессии, хотя на самом деле это был один из проходных эпизодов,

²¹ Цит. по: Соловьев Э.Г. Концепция тоталитаризма в западной политологии: перманентный кризис или вечный поиск истины / Э.Г. Соловьев // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. - 1998. - № 1. - С. 13.

* Выступление в Обществе германо-зарубежных связей. Киль, 9 мая 2005 г.

упомянутый в летописи. Таково отношение к сражению на поле Куликовом московского князя Дмитрия Донского с ордынским военачальником Мамаем в 1380 году, которое ныне воспринимается как нанесение сокрушительного удара по господству Золотой Орды, хотя на самом деле оно продолжалось еще сто лет, и сам этот режим развалился из-за внутренних неурядиц. Таковой оценивается и битва близь подмосковного селения Бородино в 1812 году, после которой русским войскам пришлось оставить Москву, а уже из объятых пламенем столицы войска Наполеона бежали, не будучи готовыми ни к русским морозам, ни к условиям партизанской войны.

В войне 1941-1945 годов, названной Великой Отечественной, танковые соединения Гудериана за несколько месяцев подошли к самой Москве, а затем войска гитлеровского вермахта захватили огромную территорию, подойдя к берегам Волги и к отрогам Кавказа. Но затем, после того, как в тылу, перебазировавшемуся за Волгу и дальше на Урал, удалось развернуть оборонительную промышленность, Красная Армия стала теснить противника все дальше на Запад, пройдя через такие грандиозные по масштабам сражения, как битва под Сталинградом, Курская танковая битва, другие сражения. В конце концов удалось победить противника с его дисциплинированной армией, опытными военачальниками, противника, который к этому времени мог опираться на потенциал 12-ти оккупированных стран Европы. Понимание совокупности всех этих обстоятельств и вселяет в каждого гражданина России простую мысль: если мы смогли одолеть такого противника, то мы, как нация, как страна, что-то значим. В сегодняшней нестабильной России это воспринимается особенно остро.

Конечно, при такой оценке вспоминаются слова из песни Окуджавы «Мы за ценой не постоим». И в самом деле, цена за эту победу была заплачена огромная. При жизни Сталина, да и позже, цифры наших потерь старались занижать. Но вот последние расчеты профессора Бориса Соколова из Российского государственного социального университета показывают, что общая убыль населения за годы войны составила 43,3 млн. человек. Общие потери Третьего рейха за этот же период профессор Соколов оценивает в 7 млн. человек. Что касается непосредственно потерь на Восточном фронте, то они оцениваются в соотношении 1:10. На фронтах погибло 22,4 млн. человек, из 6,2 млн. советских военнослужащих, попавших в плен, погибло 4 млн. человек. Общая цифра – 26,4 млн.1.

О том, как эти цифры воспринимаются в различных кругах в сегодняшней России, мы поговорим позже. Здесь же отметим, что эти страшные потери не сказались на энтузиазме населения, принявшего залечивать раны, нанесенные войной. А раны были весьма масштабными. Каток войны прошелся туда и обратно по наиболее заселенным территориям СССР, захватив Балтию, Белоруссию, Украину, северо-западные области Российской Федерации, южные районы, примыкающие к Кавказу и к берегам Волги. Согласно официальной статистике, в ходе войны были разрушены 1710 городов и поселков, более 70 тысяч деревень. Были сожжены 82 тысячи школ, 43 тысячи библиотек, 6 тысяч больниц, 427 музеев.

На оккупированных территориях до войны проживало 88 миллионов человек, то есть 45% всего населения страны.

В такой обстановке и пришлось налаживать послевоенную жизнь. При этом к 1946 году число трудоспособных работников снизилось на 30%. К концу войны под ружьем находилось 11,4 млн. человек. Не будем забывать, что после войны

СССР все еще оставался преобладающе крестьянской страной. Даже в 1950 г. из 178 млн. граждан СССР 110 миллионов проживало в деревнях.

Тем не менее, довоенный уровень в промышленности был достигнут в 1948 году, в сельском хозяйстве к 1950 году.

Медленно, но улучшался уровень жизни населения. В декабре 1947 года была отменена карточная система. С 1947 по 1950 год происходило массовое снижение розничных цен в городах – всего пять раз. Снижение было небольшим. Однако оно оказывало психологическое влияние на горожан – каждое снижение как бы обозначало динамику движения в сторону улучшения уровня жизни.

В общем и целом можно сказать, что программа восстановления была осуществлена весьма успешно в относительно короткий отрезок времени. Но не будем забывать и о теневых сторонах этого процесса, которые не принимались во внимание теми, кого устраивала официальная пропаганда. Начнем с того, что в ходе восстановления, особенно на строительстве крупных объектов – электростанции, заводы, угольные шахты – активно применялся фактически бесплатный труд заключенных. После войны в лагерях ГУЛАГа находилось 5 миллионов человек. Целый континент, который описал в своем труде «Архипелаг ГУЛАГ» писатель Александр Солженицын.

Фактически бесплатно трудились и в колхозах крестьяне, которые к тому же находились в бесправном положении, не имея паспортов, без которых нельзя было податься в город.

Широко использовался труд военнопленных. И сегодня в Москве можно обнаружить дома – по внешнему виду, по добротности, – которые строили немецкие военнопленные.

Кстати, в одной из книг я обнаружил такие цифры. Вклад военнопленных в возрождение промышленности в период 1943-1949 гг. оценивается в 50 млрд. рублей в тогдашнем исчислении. На долю немцев как военнопленных приходится 38 млрд. рублей².

В обществе царил своеобразная атмосфера подъема и даже энтузиазма, сочетаемая со страхом. В пособии для поступающих в вузы, вышедшем в 2002 г., двухтомнике «История России», его автор эту ситуацию охарактеризовал следующей фразой: «По-прежнему вся власть концентрировалась в руках И.В.Сталина, опирающаяся на мощный репрессивный аппарат»³. Это прежде всего почувствовали на себе советские воины, оказавшиеся в немецком плену и освобожденные в 1945 г. Многие из них из одних лагерей – нацистских – были переправлены в другие – большевистские, в тот же ГУЛАГ.

Из Германии к концу 1945 года было возвращено 5,2 млн. мирных граждан. Они тут же были взяты под особый контроль, получив характеристику «спецпереселенцы», или «пораженцы в правах». С этого времени в анкетах, а их заполнял каждый, поступал ли он на работу или в учебное заведение, была помещена графа «Находились ли Вы или Ваши ближайшие родственники на территориях, временно оккупированных в годы Великой Отечественной войны». У тех, кто оказался в оккупации и был вынужден признавать это, возникали определенные трудности, как будто это была их личная вина в том, что Сталин допустил оккупирование советских территорий вплоть до берегов Волги.

В этот период началась усиленная идеологическая обработка населения. Сталин написал брошюру «Вопросы языкознания», и вся страна на уроках политучебы вынуждена была осваивать сталинские положения о

материалистической природе возникновения языка как такового. Как будто не было у страны более важных тем для обсуждения в ходе восстановления экономики. Затем страна от мала до велика принялась изучать «Краткую биографию И.В.Сталина», а чуть позже – «Краткую историю ВКП(б)» и еще один труд Сталина «Экономические проблемы социализма». Сегодня трудно себе представить всю специфику этой ситуации, которую я про себя позже охарактеризовал как «коллективную шизофрению». Но мы прошли через это, в том числе и я.

Помню, когда в 1949 году я поступил в Институт международных отношений (меня приняли в виде исключения как представителя «рабочего класса», поскольку я работал лаборантом на заводе в подмосковном городе «Электросталь») я тут же окунулся в атмосферу борьбы с космополитизмом. Седовласые ученые каялись публично в прегрешениях, и их поучали юные комсомольские карьеристы. То был, если хотите, малый вариант нашей «культурной революции», которая затем масштабно развернулась в Китае.

Такие деятели, как Трофим Лысенко, громили кибернетику, генетику как лженауки. А между тем уже возникло пресловутое «дело врачей», в котором обвинялись известные врачи еврейской национальности, подготавливался вопрос о массовом переселении всех евреев на Дальний Восток, и уже составлялось соответствующее воззвание с обоснованием необходимости такого переселения, подписываемое известными деятелями культуры еврейской национальности.

Массовым репрессиям подверглась и сама партия. В 1949 году возникло так называемое «ленинградское дело», в ходе которого были расстреляны такие видные деятели партии как академик Н.А.Вознесенский, член Политбюро ЦК КПСС, сыгравший большую роль в организации экономического процесса в годы войны, другие видные деятели ленинградской партийной организации. Это был еще один знак того, что ни один человек, какими бы высокими заслугами он ни обладал и какие бы высокие посты ни занимал в той же правящей партии, не застрахован от сталинского произвола.

Многие признаки указывали на то, что, создавая атмосферу всеобщего страха, Сталин возвращался к чисто внешним атрибутам Российской империи, которые после революции 1917 года подчеркнута исключались из жизни. Теперь же вместо наркоматов Сталин ввел министерства, и служащие в них люди должны были носить определенную форму. Вместо командиров Красной Армии теперь восстанавливалось звание офицера, полковника, генерала, вводилась новая форма с погонами, а сама армия называлась уже Советской Армией. По старым российским традициям школы разделялись на гимназии, женские и мужские. Уже в самом конце войны, в 1945-ом году, я, будучи 15-летним, застал это время. Мы, гимназисты мужской гимназии в Рязани, ходили на уроки бальных танцев в соседнюю женскую гимназию, и надо было со стороны посмотреть, как худые, в поношенных одеждах мальчики и девочки, взявшись за руки, церемонно учили падекатр, мазурку, краковяк.

Словом, все шло к созданию своеобразного политического режима, который я характеризую как «имперский социализм» – сочетание державных, националистических традиций с социалистической этикеткой. И кто знает, чем бы все это обернулось, не скончался Сталин скорострительно 5 марта 1953 года. Самое удивительное заключается в том, что, несмотря на все эти репрессии, лишения и гонения, страна в целом восприняла смерть вождя как тяжелейшую утрату, как

национальную, непоправимую беду. Лично я двое суток пробирался по крышам рядом с Трубной площадью в Москве, где произошла известная массовая давка, чтобы непременно пройти в Колонном зале и отдать Сталину свой последний долг. А я уже к тому времени стал задумываться над тем, так ли уж непогрешима марксистско-ленинская доктрина строительства социализма. Что говорить о других, которые в институтах международных отношений не учились.

Я подробно остановился на обстановке, которая царила в стране после войны, чтобы показать, в каком поработанном, униженном положении оказались жители страны, которые считали себя победителями в этой войне. Это были в своем большинстве люди, которые плохо понимали происшедшее в своей стране и, еще хуже то, что происходило за ее пределами.

Многим тогда казалось, что политические режимы, которые устанавливались в освобожденных странах Восточной Европы, – это вполне оправданный шаг, это благое дело для народов этих стран, поскольку отныне они будут приобщены к великому делу строительства самого справедливого общества на земле – коммунизма. И многие из них как клеветническую восприняли речь Уинстона Черчилля в американском городе Фултоне 5 марта 1946 года, в которой он обратил внимание на нарастающую большевистскую антидемократическую экспансию в Европе и других частях света.

Но, так или иначе, во внешней политике Сталина был взят курс на предельно возможное распространение влияния – прежде всего в Европе, но также в Азии с опорой на коммунистическое руководство Китая, на поддержку марионеточного режима в Северной Корее, на поощрение прокоммунистических процессов в Северном Вьетнаме.

На это была ориентирована только встающая на ноги и советская экономика. Авторы упомянутой мною монографии, исследующие период с 1945-го по 1953-ий год, пришли к такому выводу: «Обслуживание потребностей военно-промышленного комплекса, фундамент которого фактически закладывается в период 1945-1953 гг., превращается в главную цель экономического функционирования». И чуть ниже: «Поддержка статуса сверхдержавы стало очень дорогой ценой для советской экономики, так как она основывалась не на эффективности работы, а на прямом административном перераспределении финансовых и материальных средств в пользу постоянно растущих военных отраслей»⁴.

Отметим, что данная тенденция после смерти Сталина по-прежнему оставалась доминирующей. В последующий период усилиями ученых, конструкторов, инженеров были созданы новые и сверхновые виды оружия – атомное и ядерное оружие, стратегические ракеты, оснащенные ядерными боеголовками, атомные подводные лодки, стратегические бомбардировщики и многое другое. Именно на этой основе чуть позже разрабатывалась программа освоения космоса. Военная машина, поставленная на конвейер, продолжала производить усовершенствованное обычное вооружение – от автоматов Калашникова до различных типов современных танков. Потребности собственной армии в этом оружии были удовлетворены, и оно фактически задаром передавалось новым псевдореволюционным режимам в Африке, на Ближнем Востоке, отсылалось на далекую Кубу.

И все это осуществлялось в условиях, когда крайне низким оставался уровень жизни населения, почти не велось жилищное строительство, социальные услуги были низкого качества, а ассортимент продуктов и товаров был крайне ограничен.

Советская экономика задыхалась под бременем военных расходов. И вот уже наступил момент, когда сельское хозяйство оказалось не в состоянии обеспечить потребности страны в простейшем, но необходимом продукте – зерне, и его пришлось тысячами тонн закупать в странах «загнивающего капитализма», в том числе у своего главного политического и военного соперника – у Соединенных Штатов Америки.

В какой-то степени выручали природные ресурсы, и прежде всего нефть. Цены на которую на мировом рынке возрастали. За счет продажи нефти и газа как-то покрывались по минимуму потребности в товарах и продуктах, закупаемых «у капиталистов». Но это ощущали на себе в основном жители Москвы и других крупных городов, а вся остальная страна пыталась как-то выжить. Во времена правления Брежнева – это 70-е годы – в моем родном городе Рязани появился анекдот. Вопрос: «Отгадайте, что такое – длинная, зеленая, пахнет колбасой?» Ответ: «Электричка, в вагонах которой, окрашенных в зеленый цвет, жители Рязани за двести километров ехали в Москву, чтобы купить пару килограммов дешевой колбасы, простояв для этого в очереди».

Во времена Брежнева и позже резко возросли туристические поездки из разных городов страны в Москву. Казалось бы, стоило радоваться возрастающей любознательности людей, их стремлению приобщиться к столичной культуре. Но разгадка была все та же. Жители малых городов покупали по льготным ценам туристические путевки, садились в автобус, доезжали до Москвы, и тут же разбегались по магазинам, договорившись с экскурсоводами, что вернутся к отъезду.

Примерно также вели себя те, кому посчастливилось принимать участие в поездках делегаций за рубеж – в «социалистические страны Европы», а еще лучше – в капиталистические страны. Любая свободная минута использовалась, чтобы забежать в магазин и купить для своих близких модную рубашку, кофточку, ботинки, всякую «заграничную» мелочь. Мне доводилось в те времена видеть наших соотечественников в ФРГ, наблюдать их поведение в магазинах, и было за них и немножко стыдно и обидно.

А те, с кем доводилось беседовать в этих поездках, недоуменно спрашивали – как же так, мы победили, а живем хуже побежденных. При этом у нас в природных ресурсах вся таблица Менделеева, а у них нет ни нефти, ни газа, ни золота, ни алмазов. Да и сам я многократно задавал вопрос самому себе. Конечно, главная причина была в эффективности двух общественно-политических систем. Выиграла система, позволяющая человеку проявить себя свободно в условиях демократии, при всех проблемах, которые сопутствуют той системе, если упомянуть хотя бы одну из главных проблем – массовую безработицу. Но не менее важна и другая причина. Один из моих немецких коллег много лет назад сформулировал ее так: «Мы проиграли войну, но выиграли мир. Вы же выиграли войну, но проиграли мир». И против этого трудно что возразить.

Говоря обо всем этом в столь памятный дня нашего народа день, я задаюсь вопросом – не бросаю ли я тем самым тень на память тех, кто отдал свою жизнь, защищая и собственную страну и Европу от коричневой чумы фашизма. Мне хочется верить, что нет. Более того, мой ход размышления сводится к тому, чтобы

содействовать главному, о чем мечтали эти люди, уходя в бой – обеспечение достоинства человека в условиях зажиточной, цивилизованной, свободной жизни. А разве этого можно добиться, если не осмыслить объективно прошлое?

И рассуждая именно в таком направлении, я хочу коснуться еще одного важного обстоятельства. Обстоятельства имеющего поистине историческое значение. После этой войны, которая принесла нашим народам столь неисчислимы страдания, мы – немцы и русские – выиграли главное. Мы вместе перешагнули ту психологическую черту, когда в сознании, и более того в подсознании многих русских немец воспринимался как враг, противник, как потенциальный агрессор. Конечно, и сегодня среди нас есть люди, которые не могут забыть страданий, перенесенных в годы войны. Эти люди с трудом воспринимают, когда на их, русской земле, устраивают кладбища немецких солдат, погибших в этой войне. Но новые поколения жителей России воспринимают немцев как добрых соседей, как партнеров, проявляя глубокое уважение к их деятельности во всех областях – от экономики до культуры и образования.

Должен сказать, что в таком восприятии немцев со стороны жителей России играет большую роль поведение самих немцев, их критическая оценка своего прошлого, поведение их политических руководителей. В нашей стране в свое время с должным пониманием было воспринято известное выступление президента ФРГ Рихарда фон Вайцзеккера (1985 г.), в котором он призвал соотечественников со всей объективностью оценить происшедшее в ходе Второй мировой войны. И то обстоятельство, что разгром нацистского режима воспринимается сегодня многими немцами не как национальное поражение Германии, не как факт национального унижения, а как освобождение, существенно сближает наши исторические, нравственные оценки всего того, что произошло в этой войне.

На этой основе нам легче выстраивать дом партнерства, дом сотрудничества, в чем заинтересованы народы двух наших стран.

Ставя так вопрос, я хотел бы в заключение затронуть еще одну важную, как мне кажется тему. Речь идет о том, как понимать происходящее ныне в России, и как на это реагировать.

Мне представляется, что прежде всего следует исходить из того, что Россия пережила в XX веке глубокий социальный кризис, сопровождавшийся огромными жертвами. После Октября 1917 года на основе доктрины создания бесклассового общества, большевики уничтожили или выслали из страны десятки миллионов людей, которые представляли собой духовный, культурный потенциал, накапливавшийся в стране столетиями. Так называемая борьба с кулачеством в начале 30-х годов повлекла за собой уничтожение самой деятельной части крестьянства. В ходе процессов 1937 года были подвержены репрессиям наиболее интеллектуальные кадры правящей партии, верившие в идеалы коммунизма. Перед самой войной было физически ликвидировано руководство Красной Армией с самого верха и до командиров полков и рот – порядка 40 тыс. человек. О потерях в годы войны я говорил выше. Сюда следует добавить и депортацию целых народов по приказу Сталина – чеченцев, ингушей, крымских татар и других, которых по приказу Сталина сослали в Среднюю Азию, в Казахстан, выбросив в голой степи.

Важно иметь в виду, что население страны, выросшее и идеологически сформированное тремя поколениями в условиях большевистского тоталитаризма, почти утратило такое важное качество для личности как чувство ответственности за себя.

И вот на это самое население со всеми его психологическими особенностями, как снег на голову, свалились распад Советского Союза, а затем переход к рыночной экономике, основанной на частной собственности. Произошло то, что ученые характеризуют как кризис идентичности. Кризис, который продолжается по сей день. Вот почему все эти бесконечные дискуссии на тему, что такое «русская идея», нуждается ли Россия в «особом пути», является ли Россия страной русских или всех россиян, как сохранить место великой державы в современном мире и т.д.

Переход к рыночной экономике, осуществленной в режиме «шоковой терапии» в особом русском варианте, привел к резкому социальному расслоению, к появлению небольшой группы миллиардеров, с одной стороны, и значительной части обездоленного населения, с другой. Вместе с тем крайне медленно происходит формирование среднего класса. В этом одна из причин, что среди части населения наблюдается ностальгия по прошлому, и Сталин представляется не кровавым диктатором, а руководителем, при котором был порядок и с которым мы выиграли войну.

Общество не было готово и к формированию демократической системы на базе многопартийности, честных выборов и объективных средств массовой информации. На огромных пространствах России создать дееспособную массовую партию без серьезной финансовой поддержки было почти невозможно, в чем я убедился на собственном примере. За минувшие годы массовыми партиями как таковыми можно было считать лишь коммунистическую партию с сохранившейся организационной структурой и видоизмененной идеологией, и партию чиновничества, которая от выборов к выборам меняла свое название, сохраняя главное желание – быть ближе к рычагам власти и источникам распределения. Можно также упомянуть партию Жириновского с его демагогическими националистическими лозунгами, которую по сей день поддерживает наиболее отчаявшаяся часть населения, и партию Явлинского, за которую голосует демократически настроенная прослойка населения.

Социал-демократическая партия по-прежнему находится в стадии становления. После того, как с поста ее руководителей ушли лидер партии Михаил Горбачев и председатель партии губернатор Самарской области Константин Титов, партию возглавил относительно молодой предприниматель Владимир Кишенин. Своей задачей он ставит объединение политических группировок, которые в качестве главного требования выдвигают установление в обществе социальной справедливости. Будущее покажет, чем все это обернется.

В своем нынешнем составе, в котором большинством принадлежит пропрезидентской партии «Единая Россия», принят новый избирательный закон, согласно которому в выборах участвуют только политические партии. При этом малые партии не имеют права создавать предвыборные коалиции. Если учесть, что, по всей видимости, очередные парламентские выборы состоятся осенью 2007 года, и что этот закон изменить не удастся, в ближайший период будет наблюдаться процесс политических перегруппировок, и полной ясности, во что это выльется, сегодня нет.

Наконец, об экономической ситуации в стране. Механизмы рыночной экономики в самом первом приближении освоены, о чем свидетельствует полный набор товаров в любой точке нынешней России. В последние годы наблюдается экономический рост, но главным образом за счет экспорта природных ресурсов (нефти и газа) и продажи вооружения, производимого оставшейся частью военно-

промышленного комплекса. На повестке дня – необходимость поворота к современным наукоемким отраслям, информационным технологиям, к гибкому сочетанию поощрения иностранных инвестиций и поддержки отечественного товаропроизводителя. Нынешнее руководство страны заметного поворота в эту сторону пока что не осуществляет.

Даже живущему в этой стране человеку, имеющему возможность наблюдать этот процесс изнутри, не просто составить ясную и цельную картину происходящего. А что говорить о тех, кто за этим наблюдает из-за рубежа. В том числе и о тех, кто искренне готов помочь нам.

Одна из сложностей – непосредственные контакты в самой России как правило осуществляются с представителями властей, то есть с тем самым чиновничеством, у которого свои особые взгляды на происходящее, и свои особые интересы. Это, кстати, прослеживается в деятельности так называемых Петербургских диалогов, то есть на самом высоком уровне.

Еще одна сложность – участие немецких предпринимателей в экономических процессах России. Не всякая экономическая целесообразность, связанная с выгодой, морально оправдана. Два коротких примера. На наших глазах, а, точнее, на глазах всей мировой общественности произошло фактическое разграбление концерна ЮКОС и арест его руководителя Михаила Ходорковского. Советник президента Андрей Илларионов публично охарактеризовал это как «крупнейшую аферу года». Но вот в печати появляется информация о распродаже разрозненных частей ЮКОСа, и среди покупателей называется «Дойче банк».

Или другой пример. Власти какой год оказывают давление на телевизионные каналы, лишая их возможности объективно освещать происходящее. Так произошло с независимым каналом НТВ. Теперь подбираются к относительно независимому каналу REN TV. Идет разговор о перепродаже его активов. И снова среди покупателей появляется название немецкого медиаконцерна Bertelsmann AG.

Люди старшего поколения в России еще сохранили память о деятельности немецких промышленников, связанных с их поддержкой только еще приходившей к власти национал-социалистической партии. Известно и участие крупных промышленников в использовании рабского труда жителей из СССР. Словом, это болезненная тема, это рана, которая еще не зажила. И на этом фоне косвенная поддержка тех или иных по существу антидемократических процессов не вызывает положительных эмоций.

Но пора переходить к обобщениям. Я иногда пытаюсь представить себе, чтобы сказали мои соотечественники, которые погибли на фронтах Великой Отечественной войны, о ныне происходящем в России. Многие из них шли в бой, желая, чтобы и Германия, и Европа в целом освободились от тоталитарного режима с его расовой идеологией. Заплатив такую страшную цену за победу, они, возвращаясь, хотели видеть свободной и собственную страну. Но при этом попадали в атмосферу сталинского тоталитаризма, который становился все более жестоким. И, следовательно, их мечта оказалась нереализованной.

Мы можем сегодня сказать, что при всех издержках, которыми сопровождается переходный период, мы в России достигли состояния, когда возврат к тоталитарному режиму сталинского типа уже невозможен. Иными словами, мы тоже освободились. Освободились от своего варианта тоталитаризма и пытаемся трудным путем идти в направлении к подлинной демократии.

И это то, что сближает наши народы в историческом плане. Вы, немцы, освободились с помощью союзников от гитлеровского тоталитаризма 60 лет назад. Это на западе страны. А на востоке освобождение пришло в 1989 году после крушения политического режима в ГДР. Иными словами, осуществлен процесс полного освобождения. Мы, в России все еще находимся в процессе освобождения от сталинского тоталитаризма, который начался 20 лет назад и который получил название Перестройка.

Вот почему лично в моем представлении оба эти процесса освобождения сливаются в единый поток шествия к цивилизованному состоянию. Состояние, которое и лежит в основе политической культуры Европы.

При этом я никогда не забываю, что в начале этого процесса были женщины и мужчины моей страны, которые 22 июня 1941 г. услышали из репродукторов страшную весть о начале войны, взвали на себя все тяготы этой войны, часть из них, уцелев, дошла через четыре года до Берлина, и здесь поставила точку, помянув при этом по старой русской традиции стопкой водки тех, кому дожить до дня победы не довелось. Оказавшись в такой знаменательный день в старинном немецком городе Киле, я мысленно присоединяюсь к своим соотечественникам.

Дм. А. Смирнов

РОССИЯ У ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА: ВЗГЛЯД, ОЦЕНКА, ОБРАЗ.

При всей любви Вальтера Беньямина к путешествиям, его «фанатичной страсти к путешествиям»¹, отраженной в его многочисленных путевых заметках и рассказах об увиденном во время поездок, в жизни немецкого мыслителя было не так много мест, которые глубоко и разнообразно повлияли на него: Берлин, Париж, Москва... Вот, пожалуй, и всё: в Берлине он родился и долго жил, в Париже много раз бывал и жил в 30-е гг., в Москву же он приезжал лишь однажды, в 1926-1927 гг., но эта поездка нашла отражения во многих произведениях Беньямина в различных интерпретациях, включая знаменитый «Московский дневник», вобравший или наметивший многие из тем последующих произведений. И, как представляется, именно воспоминания о поездке в Москву, яркие картины советской столицы во всё её разнообразии и противоречивости стали для Беньямина в дальнейшем главными составляющим его образа России.

Однако знакомство Беньямина с Россией не ограничивается только поездкой в Москву. Оно имеет давнюю историю. Поэтому интересно проанализировать произведения Вальтера Беньямина, так или иначе связанные с «русской тематикой» или написанные им под влиянием его интереса к нашей стране для того, чтобы определить составляющие его образа России и попробовать воссоздать его в цельном виде. Несомненное влияние на формирование этого образа имели особенности исторической ситуации в Германии, в других европейских странах, и естественно в России. Необходимо учитывать и круг профессиональных и личных знакомств Беньямина, которые могли способствовать появлению, росту и развитию

¹ Benjamin W. Moskauer Tagebuch / W. Benjamin // Gesammelte Schriften. Bd. VI. - S. 318. Во второй половине прошлого века работы Беньямина были по инициативе Теодора В. Адорно собраны и после смерти философа опубликованы в "Собрании сочинений", вобравшем в себя все известные на тот момент произведения Беньямина. В данной статье мы будем ссылаться на этот источник, по которому было выполнено большинство переводов работ Беньямина в России в последние годы: Benjamin W. Gesammelte Schriften. 7 Bände. Frankfurt/M., 1974-1989. В сносках к данной статье используется принятая в работах о Беньямине сокращенная форма указания на работы из его "Собрания сочинений" (Gesammelte Schriften – GS) с указанием тома и страницы.

его интереса к России, определили направление этого интереса. Этим аспектам также будет уделено внимание при анализе образа России и его составляющих в работах Вальтера Беньямина. Конкретными вопросами исследования можно считать следующие: С каких позиций Беньямин смотрел/наблюдал/изучал Россию? Какие исторические обстоятельства влияли на формирование оценки Беньямином России и как развивался этот процесс формирования? Что, в конечном итоге, стало составляющими цельного «образа России» у Беньямина? Или же образ страны распадался на отдельные элементы: в результате плохого понимания мыслителем реального положения в России или же под влиянием самой реальности, распадающейся на части и делающей невозможным формирование цельного «образа России»?

Россия была для Беньямина одной из постоянных тем интеллектуальных поисков не только в связи с событиями Русской революции и их влиянием на развитие Европы. Интерес Беньямина к России формировался и проявлялся в самых разных направлениях, был сложным и многоплановым. Многое зависело от того, что публиковалось в европейских странах на немецком или французском языках (на немецком в большей степени): из-за плохого владения языком в оригинале книги русских авторов Беньямин знал мало. Именно это обстоятельство, очевидно, определило его интерес к книгам, под влиянием которых в конце 10 – начале 20-х гг. формировались его образ страны и оценка происходящего в России. Это, как не покажется странным сочетание, произведения Ф.М. Достоевского и работы, посвященные биографии и идеям В.И. Ленина: такой вывод можно сделать по перечню прочитанных Беньямином книг, составленный им самим².

Одним из первых произведений Достоевского, прочитанных Беньямином, стал «Идиот». Свое отношение к нему и основную идею романа он попытался сформулировать и проанализировать в отзыве, опубликованном в конце 1921 г. в журнале «Argonauten». Однако в этом отзыве он выразил, скорее всего, некоторые моменты собственного мировоззрения, прояснившиеся для него после прочтения «Идиота», в том числе и восприятие на тот момент России, русского народа. Интересно, что идея этой заметки, судя по материалам архива Беньямина, возникла летом 1917 г., в самый разгар Русской революции. Возможно, что автор с большим вниманием следил за тревожными и эмоционально насыщенными новостями из России и решил с помощью романа Достоевского разобраться в происходящем там.

Конечно, необходимо с осторожностью подходить к анализу мыслей Беньямина по поводу романа Достоевского в этот период: мыслитель был молод и слабо знаком с Россией. Во всяком случае, у него не было возможности непосредственно познакомиться со страной и потому влияние оказывали определенные традиции восприятия России и русской литературы. Однако уже здесь внимание Беньямина обращено к деталям, к особенностям образа героя, из которых он и пытается извлечь суть идей русского писателя, выраженных на страницах романа. Он не согласен со своими предшественниками, критиками, пытавшимися свести суть «Идиота» к проблеме психологии: к загадочной «русской “душе” или к “душе” эпилептика»³. Беньямин совершенно определенно считает героя романа выражением некой социальной тенденции, чрезвычайно важной для

² См.: Verzeichnis der gelesenen Schriften // GS. - Bd. VII.

³ Беньямин использует в данном случае слово Psyche, одним из значений которого является “душа”. Отсюда и “психологический” аспект проблемы: Benjamin W. “Der Idiot” von Dostojewskij / W. Benjamin // GS. - Bd. II. - S. 237.

развития России. Он видит в судьбе князя Мышкина судьбу того поколения, которое в молодости не реализовало себя в России и теперь – «не оставленное и не впитанное Россией», «выброшенное на чужую землю» – отправляется в Европу, в «эту ветряную Европу»⁴.

Такой взгляд дополнял его интерес к проблеме сочетания личной и публичной сферы, определявший его внимание к работам о Ленине. Так, значение изданной в Вене в 1924 г. книги писем Ленина к Максиму Горькому он видит в том, «в них политический аспект присутствует в человеческих отношениях», то есть они показывают, как идеология может объединить или разделить людей, заменяя тем самым мораль: «Где совершенно частное становится публичным, там и публичные дела решаются частным образом и тем самым содействуют появлению физической, политической ответственности, которая представляет собой нечто совершенно другое, чем метафорическая моральная»⁵. В како-то мере именно как пример проявления подобной метаморфозы для Беньямина были чрезвычайно интересны не только идеи Ленина, но и собственно события в России, где эти идеи воплощались.

Дело в том, что в это время – послереволюционное для Германии и послевоенное для Европы – значительная часть европейских интеллектуалов, среди которых было много знакомых, коллег, друзей Беньямина, так или иначе реализовывали себя, что называется, в пространстве «российского дискурса». Они были либо сторонниками и участниками процессов, которые разворачивались в России, либо же их оппонентами. Для Германии после революционных событий в обеих странах это приобрело особую актуальность, поскольку сюда переселилось чрезвычайно много эмигрантов из России, недовольных происходившим у себя на родине и боявшихся пострадать из-за своего мнения. Соответственно, в Россию переезжали или с особым интересом следили за ней, находясь в Германии, сочувствовавшие Русской революции или же недовольные происходившим у себя на родине. И те, и другие органично входили в число активных участников политических дискуссий в обеих странах, при чем чаще всего занимали в них радикальные позиции и стремились к активизации разворачивавшихся процессов в России и Германии.

Таковым фактически являлся и сам Беньямин. Его привлекали не столько традиционная для мыслей европейца таинственность России и ее влияние на развитие Европы (что собственно проявило себя в интересе к Достоевскому), сколько развивавшиеся в России в 20-е гг. социальные и политические процессы (стремясь понять которые он и обратился к работам об идеологе большевизма). И Беньямин воспринимал развитие этих процессов не только как европеец вообще или конкретное частное лицо, но как представитель определенной социальной группы немецкого общества с определенными политическими взглядами. Доказательством этого может служить предисловие, написанное им к неопубликованным при жизни мыслителя отрывкам из «Московского дневника», который он вел во время поездки в Россию.

Он объясняет свой интерес, а также интерес всего своего поколения, к России радикализацией «этого изначально левобуржуазного крыла интеллигенции», вызванной «революцией, потерпевшей крах под воздействием мелкобуржуазного духа парвеню и немецкой социал-демократии, а также собственно войной».

⁴ Ibid. - S. 240.

⁵ Benjamin W. W.I. Lenin, Briefe an Maxim Gorki 1908 – 1913 / W. Benjamin // GS. - Bd. III. - S. 52.

Созданные в результате этого обстоятельства, по мнению Беньямина, не только способствовали появлению «абстрактной симпатии к России у части немецкой интеллигенции, но и специфическому интересу». Однако, уже в предисловии намечена критика ситуации в России. Здесь дано одно из самых ярких замечаний о Москве и, возможно, Советской России в целом: «Я не знал ни одного города кроме Москвы, где писателю именем государства снижалась плата за комнату, так как гостиницы находятся в хозяйственном ведении Советов». В самом «Дневнике», пишет Беньямин, он стремился «воспроизвести образ пролетарской Москвы, который познают, если только, прежде всего, увидели сквозь снег и лёд физиогномию его трудового дня и нового ритма, который равным образом проникает в жизнь и рабочего, и интеллектуала»⁶.

Необходимо признать, что образ России в 20-е гг. не мог формироваться вне идеологии, в первую очередь, в силу политизированности социальных и экономических процессов в самой России. С другой стороны, любой симпатизировавший в это время России воспринимался в мире как человек, симпатизировавший Советам и коммунистической идеологии. Не избежал идеологизированности своих симпатий к России и Беньямин. Чтобы понять Россию он должен был понять идеологию Русской революции (идеи Ленина, Троцкого), к тому же в самой Германии многие идеи левого движения имели ту же природу, в интерпретации тех же авторов. Неудивительно, что именно во время поездки в Москву он пытается ответить на вопрос, казалось бы, имевший сугубо внутривнутриполитическую основу: «вступать или не вступать в компартию?» Однако, иначе и быть не могло: где, как не в пространстве осуществленных лозунгов решать для себя стоит ли идти за ними?

Поэтому и осмысление политической ситуации в России происходит для Беньямина на фоне перспективы самому быть вовлеченными в эти процессы, то есть вступления в партию: «Решающие преимущества: твердая позиция, наличие – пусть даже виртуальное – мандата. Организованный, гарантированный контакт с людьми. Против этого: быть коммунистом в государстве, где господствует пролетариат, означает полный отказ от личной независимости. Задача организации собственной жизни, так сказать, уступается партии... И будет ли полезным в моей работе избегать некоторых крайностей «материализма», или следует разобраться с ними во внутрипартийной дискуссии... Пока я путешествую, о вступлении в партию вряд ли может идти речь»⁷. Последние слова позволяют сказать, что в этих размышлениях о «вступлении в компартию» играл роль не только «партийный аспект». Здесь, по сути, определены различия в позиции интеллектуала в Европе и в России в вопросе «организации собственной жизни»: делать ли это «лично независимо» от кого-либо или же «уступить партии» со всеми проблемами «разбираться во внутрипартийной дискуссии», в контакте «с государством, где господствует пролетариат». Глубоко понимая эти различия, Беньямин и приходит к выводу, что с его «фанатичной страстью» - «пока я путешествую» - это невозможно.

Вальтер Беньямин приехал в столицу Советской России в конце 1926 г. До своей поездки он был знаком со страной заочно – по книгам, статьям, рассказам своих знакомых и коллег, причем был знаком не только с ее революционной, но и дореволюционной «инкарнацией», то есть, как указывалось выше, интересовался

⁶ См.: Anmerkungen der Herausgeber // GS. - Bd.VI. - S. 782.

⁷ Benjamin W. Moskauer Tagebuch. - S. 359.

Россией и до событий Русской революции. Причин для приезда в Россию в середине 20-х гг. было много, среди них определяющими – во всяком случае, материальную сторону – стали две профессиональные причины. Во-первых, он получил заказ от журнала «Die Kreatur» написание очерка о Москве того времени, во-вторых, ему предложили подготовить статью о Гёте для первого издания «Большой советской энциклопедии». Среди других, не менее важных причин поездки следует также назвать личные обстоятельства – это его увлечение и привязанность к Асе Лацис, «революционеру по профессии»⁸ и театральному деятелю, благодаря которой Бенъямин легко и быстро вошёл в московскую культурную среду, а также уже упоминавшуюся «фанатичную страсть к путешествиям», ставшую к тому времени частью самого Бенъямина. И, конечно, стоит напомнить об указанной выше социальной или даже политической причине – Бенъямин ехал в Москву как представитель поколения, социальной группы, которая чувствовала себя лишней в “веймарской” Германии и пыталась ближе познакомиться с Советской Россией. Очень скоро он понял, что идеи левого, марксистского движения на практике воплощаются в нечто иное, отражающее противоречивые аспекты действительности, в условиях которой это происходит, ее положительные и отрицательные стороны. Это заставило его скорректировать свои взгляды.

Хотя отношение и взаимоотношения Вальтера Бенъямина с коммунистической идеологией и практикой, как и со всем левым спектром интеллектуальной мысли и политики, были сложными, он постоянно демонстрировал симпатии к их последователям, вне зависимости от оттенков и остроты их мыслей и действий. Наиболее ярко это проявлялось в его многочисленных сочинениях – исследованиях, рецензиях, заметках, относящихся к середине 20-х гг. и особенно тех, что были написаны после поездки в Россию.

Они, так или иначе, отразили влияние на немецкого мыслителя марксистских теоретических конструкций, даже в форме большевизма. Но это не был фанатизм. Бенъямин как представитель «изначально левобуржуазного крыла интеллигенции», старался избегать однозначных и ясных высказываний в марксистском духе, поскольку «в Германии достаточно будет политического фона – общего и неопределенного». Скорее мыслитель видел в марксизме и левой идеологии еще одну из граней интеллектуальной жизни своего времени, но не единственно верное политическое учение, философский базис или методологию научного поиска. В России же он столкнулся с тем, что здесь «чрезвычайно большое значение придается строгой вплоть до отдельных нюансов политической позиции»⁹. Но, когда он попытался «соответствовать моменту» в случае со статьей о Гёте для “Большой советской энциклопедии”, то был удивлен критике в своей адрес со стороны Карла Радека, члена редколлегии энциклопедии, заявившего, что «здесь на каждой странице по десять раз упоминается классовая борьба». Бенъямину до этого казалось, что именно такой принцип изложения – определенность в оценке – от него и требуется. Оказывается всё несколько иначе и сложнее.

Конкретика российской действительности, ее строгость «вплоть до нюансов» была иной, нежели привычная европейцу. Бенъямин сам подчеркивал: «Кто проникнет в российскую ситуацию глубже, скоро потеряет склонность к

⁸ Так называется книга воспоминаний Аси (Анны) Лацис, вышедшая много позже: Laciš A. Revolutionär im Beruf / A. Laciš. - München, 1971 (на русском языке: Лацис А. Алая гвоздика / А. Лацис. - Рига, 1984).

⁹ Benjamin W. Moskauer Tagebuch. - S. 294.

абстракциям, которые даются европейцу без особого труда». Однако эти конкретика и отсутствие интереса к абстракциям – парадоксальны, что и продемонстрировал Беньямин в описании совершенно бытовой ситуации, как он занимал «в первые дни трудным привыканием к ходьбе по совершенно обледеневшим улицам», а вокруг – и на улице, и в общении с людьми – словно как в трамвае зимой «через заиндевевшие окна невозможно понять, где находишься»¹⁰.

В таких условиях задачей оказывалась не просто твердая походка и позиция, которую он собственно и продемонстрировал в случае со статьёй о Гёте, но поиск своего места в нестабильной ситуации: конкретика может менять свои координаты. Если в Европе условия остаются прежними и меняется сам субъект, то в России Беньямин столкнулся с переменчивостью условий и требованием постоянства к самому субъекту, во всяком случае, в отношении готовности к переменчивости обстоятельств. Как замечает мыслитель, «ничто не происходит так, как было назначено и как того ожидают, это банальное проявление течения жизни подтверждается здесь каждый раз так неотвратимо и так мощно, что очень скоро становится понятен русский фатализм». И в такой ситуации лишь «дети, которые надевают коньки на улице, не заботятся о словах и спокойно принимают вещи такими, как они есть»¹¹.

Из таких бытовых курьезов и нелепостей, подобных этому сравнению, во многом и был соткан образ России у Беньямина к концу его путешествия. Кажется, что он сам смирился с фатализмом и старался подметить как можно больше уникального, применяя на практике при наблюдении за Москвой свой принцип «здесь и сейчас». По мысли Беньямина, высказанной много позже, «летописец, который пересказывает события, не различая великих и малых, учитывает тем самым следующую истину: ничто из того, что прежде случилось, не может быть потеряно для истории»¹². Поскольку наблюдаемая им советская действительность, пусть и увиденная только в масштабах столицы, становилась для него чрезвычайно многоплановой, то мыслитель прямо пишет об иных времени и пространстве в Москве, чем в европейских столицах. И если жизнь «становится на одно измерение богаче» и «пространство буквально изменяется», то при всем обилии часовщиков «люди здесь не слишком ценят время» и «редко можно найти кого-то спешащего»¹³.

Для описания местного российского колорита Беньямин использовал эпитет «русский», применявшийся им, прежде всего, для демонстрации традиционности той или иной вещи или явления: «русские деревянные яйца», «русские кружева и вязаные платки» или же «настоящие русские типажи – из русской деревни или городка» в закусовых¹⁴. В качестве парадоксов он воспринимал и описывал, то, что по европейским меркам в принципе не могло существовать. Например, Беньямин не мог понять причины постоянной перемены мест «ведомствами, музеями, институтами... и даже уличными торговцами, которые где-нибудь постоянно имеют свое место, (здесь же) ежедневно оказываются где-нибудь ещё». На этом фоне, иронично замечает он, лишь столичные попрошайки «из всех элементов московской жизни – надежны и не меняют своего места»¹⁵.

¹⁰ Ibid. - S. 399, 298, 313.

¹¹ Benjamin W. Moskauer Tagebuch. - S. 312, 313.

¹² Benjamin W. Über den Begriff der Geschichte / W. Benjamin // GS. - Bd. I. - S. 694.

¹³ Benjamin W. Moskauer Tagebuch. - S. 318, 331.

¹⁴ Ibid. - S. 299, 405.

¹⁵ Ibid. - S. 319.

Невозможность понять и необходимость «спокойно принять» эти парадоксы вполне логично вызывали у Беньямина сопротивление, что заметно в его острых ироничных замечаниях о Москве как «импровизированном крупном городе, которому его положение свалилось внезапно»¹⁶. Наблюдая эти курьезы и другие стороны жизни советской столицы, Беньямин приходит к выводу о ее закрытости, закрытости городской жизни и жизни всего советского общества.

Впрочем, в размышлениях на эту тему Беньямин затронул совершенно особую проблему – проблему самовосприятия России и ее жителей, поскольку прежде он наблюдал за ними изнутри, снаружи, а теперь затрагивал внутренний аспект. По его мнению, отсутствие широкого горизонта для самооценки не позволяло советским людям взглянуть на себя критично: «Несомненно, в России знают о загранице гораздо меньше, чем за границей (за исключением романских стран) знают о России». Поэтому жизнь в Советской России – повседневная и официальная – уже в то время, спустя лишь десять лет после установления большевистского режима, была наполнена стереотипами, необходимыми режиму для подчеркивания своих достижений в самых разных сферах жизни общества от экономики до театра и кино. Такая потребность возникла, по замечанию Беньямина, в связи с начавшейся в стране и активно подталкиваемой партией реставрацией: «Сделана попытка приостановить динамику революционного процесса в государственной жизни – желают того или нет, наступает реставрация». Она сочетается, по Беньямину, с закрытостью страны, в результате чего «сильно возрастает трудность получения информации»¹⁷.

Развившееся «коммунистическое высокомерие» у людей, «получивших более чем скромное образование» («комчванство» как следствие того, что «революционное приходит к ним не как опыт, а как лозунг»), как раз и является результатом этой реставрации¹⁸. Ей способствуют своеобразный образ заграницы и места страны в мире, которое Беньямин сравнил с положением червонца: внутри Советской России он имеет чрезвычайно большую ценность, а за ее пределами совершенно не котируется. Или же с мастерством «очень посредственного» киноактера Ильинского, ставшего популярным только лишь из-за слабого знакомства в России с фильмами Чаплина, чьим «беззастенчивым и мало элегантным подражателем» он является¹⁹.

По сути, это атмосфера кича, но не только как культурного явления, а как принципиальной основы, метода организации жизни в Советской России середины 20-х годов, в период нэпа: в политике – комчванство, в экономике – червонец, в кино – Ильинский, в повседневной жизни – Эллочка-людоедка. При этом любая критика, даже в искусстве, воспринимается с политической точки зрения. Поэтому, например, «русскому кино ничего неизвестно об эротике»: «Пренебрежение любовью и сексуальной жизнью, как известно, принадлежит к коммунистическому кредо. Представление трагической любовной интриги в театре или кино было бы воспринято как контрреволюционная пропаганда»²⁰.

¹⁶ Ibid. - S. 313.

¹⁷ Benjamin W. Moskauer Tagebuch. - S. 338-339.

¹⁸ Впрочем, о конкретных представителях нэпманов, «нэповской буржуазии» Беньямин почти не рассказывает, замечая в одной дневниковой записи о музыкальном вечере, что «вся убогая сущность этого класса проявила себя последовавших танцах, похожих на непривлекательные провинциальные танцульки»: Benjamin W. Moskauer Tagebuch. - S. 378.

¹⁹ Ibid. - S. 338-339.

²⁰ Ibid. - S. 339.

Такая излишняя политизация советского искусства, искажавшая его цели и задачи, отмечалась им не раз. Собственно его заметка «Как выглядит театральный успех в России?», написанная по мотивам увиденного в Москве, целиком посвящена этому. В ней он рассказывает немецкому читателю, как советскими политическими органами формируются предпочтения и оценки театральной публики в Советской России и, с другой стороны, какое большое значение придается самим этим оценкам и контактам зрителей и драматургов – авторов пьес или режиссеров²¹.

Начав движение с позиции западного интеллектуала, симпатизировавшего левой идеологии и Русской революции, стремившегося найти в советской действительности воплощение революционных марксистских идей, Беньямин в ходе своего знакомства со страной нашёл совсем иной, но отнюдь не «новый» мир, а вполне традиционный, по его мнению, реставрационный режим, самодовольный и высокомерный, популяризовавший буржуазные культурные ценности в «искаженном, убогом виде» эпохи империализма. По его наблюдениям, этот режим был чрезвычайно ограниченным в своих представлениях об окружающей действительности, а значит, имел меньшие основы и потребности для самокритики; но при этом он опасался и ограничил проявление критики внутри страны, как и стремление к новым знаниям у населения. Впрочем, и само население в значительной своей массе было готово к этому и принимало такую тактику – и в политике, и в искусстве, и в общественной жизни вообще. Как точно заметил Никита Елисеев по поводу причин недовольства Радека написанной Беньямином статьей о Гёте, «родина мировой революции неудержимо “национализировалась”, “русифицировалась”, превращалась в единственную в мире страну победившего социализма»²².

В целом же необходимо отметить, что образ России у Беньямина во время непосредственного знакомства со страной формировался под влиянием ряда обстоятельств, в которых протекала его поездка в Москву: 1) Беньямин познакомился с Россией в довольно специфичный период ее истории, в годы нэпа; 2) Беньямин увидел только столицу и у него не было возможности сравнить столичную жизнь с провинциальной, чтобы глубже познакомиться с Россией; до этого и после у него были очень ограниченные каналы информации о стране; 3) Беньямин являлся, скажем так, левым западноевропейским интеллектуалом, имевшим особый взгляд на Россию и ждавшего подтверждения или опровержения сформировавшихся у него до поездки представлений о стране в результате чтения книг и газет, знакомства с мнением эмигрантов или побывавших в Советской России; именно это обстоятельство определило и то, что 4) Беньямин общался в Москве в узком кругу интеллектуалов, часто являвшихся такими же, как он, западноевропейцами, связанных или со сферой политики, или со сферой искусства, поэтому большую часть времени он посвящал политическим беседам и знакомству с культурной жизнью советской столицы; 5) Беньямин активно применял в Москве собственный когнитивный метод, не подводивший его и в других его поездках по Европе, центральным элементом которого была страсть к коллекционированию, собиранию необычных вещей и деталей, его желание буквально увидеть, услышать, почувствовать новую реальность, проявлением этого, например, была

²¹ Wie ein russischer Theatererfolg aussieht // GS. - Bd. IV. - S. 562-563.

²² Елисеев Н. Карл Радек в “Московском дневнике” Вальтера Беньямина / Н. Елисеев // <http://www.peter-club.spb.ru/art/eliseev4.html>

его «охота» за вятскими игрушками, а на страницах дневника это проявилось в сохранении необычных для иностранца русских слов, подчас чрезвычайно точно отражавших особенности российской советской жизни; б) Бенъямин имел в Москве конкретные исследовательские задачи и к тому ж у него были личные цели для поездки – общение с Асей, о которой он думал чрезвычайно много, отражая эти мысли на страницах дневника. Менее важными, но все же повлиявшими на складывание образа России у Бенъямина можно считать и климатические условия поездки – зима занимает очень большое место и в собственных представлениях русских о своей стране, и в представлениях иностранцев, тем более, впервые встретившихся с ней лицом к лицу. Для ее характеристики, уже испытав на себе, он применил сугубо русский национальный образ, подчеркнув, что «зима проходит здесь, как крестьянин в овчине, под густым снежным мехом». Дабы не забыть, он также себе напомнил между прочим на страницах «Дневника», что «надо бы поговорить и о том, что здесь преподносит мороз, о крестьянских платках, например, на которых вышиты из голубой шерсти словно срисованные с оконных стекол цветы из льда»²³.

Столь разнородные обстоятельства чрезвычайно затрудняли для Бенъямина процесс оценки и осмысления увиденного в столице Советской России. Находясь под их влиянием или, наоборот, на время освобождаясь от них, он постоянно открывал для себя что-то новое. Из-за чего, как признавался сам Бенъямин, «смотреть на этот город можно без конца»²⁴. В результате сформировавшийся у Бенъямина образ России не был цельным. Так, например, можно отметить, что сказанное им впоследствии, в том числе и в очерке «Москва», относилось в первую очередь к ее столице, к особенностям столичной жизни. С жителями остальной России если он и виделся, то только лишь в образе многочисленных уличных торговцев, каждый день направлявшихся в столицу и стоявших по обе стороны ее тротуаров. Своим поведением они, очевидно, вновь и вновь разрушали у него почти уже сложившийся комплекс представлений о России, хотя бы о ее столице. Или же гуляя по московским улицам, он неожиданно обнаруживал у них «одно особое свойство: в них прячется русская деревня»²⁵. Но эту же деревню Бенъямин порой намеренно искал, коллекционируя, например, вятские народные игрушки. Им он посвятил затем отдельную заметку, а тогда в Москве считал, что скоро они исчезнут совсем, не сумев «противостоять победному шествию техники»²⁶.

Та же проблема – многообразия и многоуровневости – возникла и при попытке совместить повседневную жизнь в Советской России со сферами, казалось бы, сложившихся социалистических отношений в политике, экономике и культуре. Или же опираясь на определенную идеологическую концепцию, понять направление общего движения страны. Поэтому в очерке «Москва» свои наблюдения он предваряет краткими теоретическими размышлениями о необходимости «занять позицию еще до приезда» в Россию: «Увидеть что-либо именно в России может только определившийся. В поворотный момент исторических событий, если не определяемый, то означенный фактом “Советская Россия”, совершенно невозможно обсуждать, какая действительность лучше или же чья воля направлена в лучшую сторону. Речь может быть только о том, какая

²³ Benjamin W. Moskauer Tagebuch. - S. 331, 343.

²⁴ Письмо В. Бенъямина З. Кракауэру // Бенъямин В. Московский дневник / В. Бенъямин. - М., 1997. - С.191.

²⁵ Benjamin W. Moskau // Bd. IV. - S. 343.

²⁶ Benjamin W. Russische Spielsachen // Bd. IV. - S. 625.

действительность внутренне конвергентна правде? Какая правда внутренне готова сойтись с действительностью? Только тот, кто даст на это ясный ответ, “объективен”. Не по отношению к своим современникам (не в этом дело), а по отношению к современным событиям (это определяюще). Только тот, кто, определяясь, заключил с миром диалектический мирный договор, может постигнуть конкретное. Однако тому, кто хочет определиться, “опираясь на факты”, факты опорой не станут»²⁷. Действительно, увиденное в Москве, заставило Беньямина искать более сложное решение на пути к пониманию современной ему России, как, впрочем, также к ее прошлому и будущему. Один из вариантов такого решения по сути уже был предложен в тексте «Дневника»²⁸.

Примечательно, что после поездки в Москву собственное внимание Беньямина к русской культуре, прежде всего литературе, выходявшей в Германии, становится более разнообразным. Но активный интерес к познанию России, очевидно, теряет у Беньямина свою силу, или точнее теряется на фоне других более актуальных тем. В отношении же собственно увиденного в России, он заметил среди прочего в одной из последних записей «Дневника», «пусть и знаешь Россию еще так мало – что знаешь, позволяет наблюдать и оценивать Европу с осознанием того, что происходит в России. Это – первое приобретение в России стремящегося к понимаю европейца»²⁹.

Карла Билунг

ЙОЗЕФ БОЙС И РОССИЯ*

Личность И. Бойса как художника и приверженца социальных реформ была в послевоенном культурном ландшафте Германии столь же своеобразной, сколь и выдающейся. Его деятельность оставила глубокий след не только в искусстве, но и в педагогике, философии, социологии, а также в политике и экономике и может быть признана новаторской. Политика зеленых и экологическое движение, охрана окружающей среды и воспитание экологического сознания, демократизация высшей школы и политической культуры - все эти важные для преобразования общественной жизни темы были поставлены на повестку дня и полемически заострены И. Бойсом. Общественный резонанс и плоды его начинаний перешагнули рамки 2000 г., и со временем внимание к идеям И. Бойса со стороны разных областей знания станет еще более пристальным, их применение все более многосторонним, так как его идеи актуальны сегодня более, чем когда-либо.

В центре его учения стоит «расширительное понимание искусства», которое основывается на признании творческого начала у каждого человека и тем самым возможности использования его творческого потенциала во всех областях жизни, включая экономическую. Этот творческий принцип образует основную модель бытия и должен послужить движущей силой эволюции и преодоления застойных структур.

²⁷ Benjamin W. Moskau. - S. 317.

²⁸ См.: Смирнов Д.А. “Московский дневник” Вальтера Беньямина: историко-методологический аспект / Д.А. Смирнов // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: ИвГУ – 2004. Материалы научной конференции, Иваново, 3-5 февраля 2004 г. - Иваново, 2004.

²⁹ Benjamin W. Moskauer Tagebuch. - S. 399. Именно этим обстоятельством – необходимостью оценивать Европу с учетом происходящего или уже случившегося в России – можно объяснить его интерес к работам Л.Д. Троцкого в первой половине 30-х гг.

* Перевод с немецкого О. Билецкой.

В задачу данной статьи не входит ни оценка предпосылок этой аксиомы, ни ее детальное изложение. Интерес представляет для нас воссоздание мировоззрения И. Бойса прежде всего в связи с тем, что на него оказали серьезное влияние традиции и опыт народов юга России. Это было открыто признано им, причем именно в то время, когда консолидация политических блоков на Западе и Востоке и создание железного занавеса предопределяли формирование в общественном сознании Западной Германии образа врага в лице России, и контакты между народами были сведены до минимума. Важным является и тот факт, что И. Бойс рассматривает свои взгляды как преломление личного военного опыта, на основе которого он приходит к развитию особого понимания творчества, чем вносит в палитру немецкой послевоенной культуры чрезвычайно интересный компонент. Нетипичная линия поведения И. Бойса, не вписывавшегося в ряд причесанных под одну культурно-политическую гребенку того времени, неизбежно вела к противопоставлению индивидуальных воззрений господствовавшим догмам и служит примером того, как тоталитарные или насаждавшиеся политиками поведенческие нормы могут быть обойдены индивидом или группой.

Первый опыт политизации культуры И. Бойс приобрел в юности во время национал-социализма. Визуальные средства массовой информации, прежде всего живопись и кино, использовались для пропаганды нацистской идеологии. Для ее массового распространения в 1933 г. была создана организованная по профессиональному принципу «культурная палата» во главе с министром пропаганды И. Геббельсом, которая подчинялась непосредственно «Рейхсминистерству по народному образованию и пропаганде». Ею была проведена акция «выродившееся искусство», воспринятая общественностью как чисто репрессивная, целью которой стало уничтожение имевших космополитическую ориентацию модернистских направлений в искусстве таких, как экспрессионизм, кубизм, конструктивизм. Начиная с 1937 г., произведения искусства названных направлений начали изыматься из музеев, а год спустя, в 1938 г., вышел «Закон об изъятии произведений выродившегося искусства», в результате чего произведения, принадлежавшие к модернистскому искусству или созданные авторами неарийского происхождения, продавались за границу с целью приобретения валюты, а не находившие сбыта сжигались или уничтожались иным путем. В Мюнхене и Берлине в 1938 г. с пропагандистской целью были проведены выставки выродившегося искусства, где выставленные произведения высмеивались и дискредитировались. Художникам запрещалось заниматься творчеством и выставлять свои произведения. Вследствие этих репрессий многие модернисты эмигрировали во Францию, Англию, США, Мексику, Советский Союз и другие страны. Те, кто не мог или не хотел покинуть Германию, оказывались вне художественной жизни страны или педагогической деятельности и вынужденно уходили в так называемую «внутреннюю эмиграцию». Молодой И. Бойс оказался очевидцем столь жесткой культурно-политической ситуации. Он родился в 1921 г. в Крефельде в семье торговца. Будучи ревностными католиками, родители запрещали сыну вступать в «Гитлерюгенд». Из чувства противоречия И. Бойс по собственному решению стал членом этой нацистской организации. Гимназистом он присутствовал при сожжении штурмовиками СА книг во дворе гимназии в Клеве, его интересовали, однако, больше сами книги, чем нацистская идеология, потому что он взял оттуда для своей библиотеки две книги: «Систему природы» шведского натуралиста Карла фон Линне и иллюстрированный каталог

«выродившегося» скульптора Вильгельма Лембрука. По-видимому, знакомство с обоими произведениями не прошло бесследно для молодого И. Бойса, так как впоследствии, став скульптором и художником, он выбрал творческий путь, на котором занимался системами в природе и формами жизни. Интерес И. Бойса к искусству, безусловно, не был навеян ни монументальными скульптурами, ни пропагандистскими фильмами, составлявшими произведения массовой культуры националсоциализма. Налицо пример того, что тоталитарное искусство не всегда оказывало желаемое влияние даже на представителей молодого, еще не сформировавшегося поколения, а, напротив, вызывало неприятие.

После получения аттестата о среднем образовании И. Бойс был призван в 1940 г. на военную службу. Ему было 19 лет, и он учился на радиста в летной школе в Познани. Его наставником, который был всего на четыре года старше И. Бойса, стал унтерофицер Хайнц Зилман, биолог по профессии, автор довоенного фильма о животных «Птицы в дюнах и на лугах». В его лице И. Бойс нашел единомышленника, далекого от политики человека, который также как и он сам интересовался формами живой природы. В свободное время Зилман брал с собой Бойса на лекции по зоологии, ботанике и географии в Познанском университете. В 1941 г. И. Бойс продолжил обучение в Кёнигсгрэце и Эрфурте и, получив квалификацию летчика-штурмовика, был отправлен на восточный фронт. О местах, в которых он воевал, И. Бойс впоследствии писал в своих воспоминаниях: «Славянские страны, Польша, Чехословакия (Прага), Россия, южная Россия». Главными впечатлениями того времени он считал следующие: «Черное море, Гнилое море, Азовское море, русская степь (Кубань), земля татар, татары хотели взять меня в свою семью, Нагайская степь, Крым, Перекоп, Керчь, Феодосия, Симферополь, Бахчисарай, Крымская Яйла, греческая Колхида, Одесса, Севастополь»¹. Из этого перечисления видно, что он хорошо знал крымский регион (в то время южная Россия, сегодня Украина), где ему в основном довелось воевать. Упоминание земли татар выпадает из общего ряда, где перечисляются в основном географические названия, и свидетельствует о наличии культурно-исторической традиции этого региона. Исконно татары были одним из монгольских племен. Позднее это имя получил народ, образовавшийся в Золотой орде от слияния монголов и турок с остатками населявших Крым и Западную Сибирь тюркских народов - волжских булгар, печенегов, команов, хазар и др.²

Татарская АССР со столицей в Казани была основана в 1920 г. на средней Волге и нижней Каме. И. Бойс вступил в контакт с крымскими татарами во время войны, и эти события оказали существенное влияние на его становление как выдающегося новатора художественной культуры. Сначала встреча с татарами имела для И. Бойса экзистенциальное значение, так как татары спасли ему жизнь. Зимой 1943 г. во время одного из вылетов Ю-87 И. Бойса был подбит русскими зенитчиками. При ударе о землю И. Бойса выбросило из машины, его напарник был мертв, а Бойс лежал на снегу возле самолета без сознания. Кочевавшие по степи татары нашли тяжелораненого, у которого был проломлен череп, сломаны руки, ноги и ребра, все тело обожжено, а волосы обгорели до самых корней. Они взяли его в свой шатер, обработали раны животным жиром, завернули в теплые войлочные одеяла, кормили молоком и медом. Через неделю И. Бойс был в состоянии общаться со своими спасителями. Он согласился остаться у

¹ Beuys J. Aus der Sammlung van der Grinten / J. Beuys. - Kleve, 1961.

² Vorauslexikon zur Brockhaus-Enzyklopädie. Bd. 5. - Mannheim, 1986. - S. 232.

них и не возвращаться в ряды вермахта. Однако еще неделю спустя он был найден немецкой поисковой командой и доставлен в лазарет. Опыт простой, близкой к природе жизни у татар, помноженный на благодарность за спасение жизни, произвел на И. Бойса глубокое впечатление. На фоне военных переживаний, побывав на пороге смерти, он воспринял такую жизнь как подлинно гуманную, увидел в ней исконный символ жизни в противоположность войне как символу смерти.

Через два года после этих событий вторая мировая война закончилась. Германия была побеждена, фашистский вермахт разбит, вместо тоталитарной системы начали снова строить демократический порядок. Часть эмигрировавшей интеллигенции, в том числе и художественной, вернулась в Германию. Художники, подвергшиеся гонениям, были реабилитированы, произошли новые назначения в академиях и вузах. На кафедры художественных школ вернулись получившие ранее клеймо «выродившихся» экспрессионисты. Так, в Берлине Макс Пехштайн, который в 1937 г. был лишен должности и исключен из прусской академии художеств, в 1945 г. снова возглавил кафедру живописи в институте искусств. Кафедры получили также художник Карл Шмидт-Ротлуфф и скульптор Рене Синтенис, вышедшие в 1933 г. в знак протеста против культурной политики нацистов из Берлинской академии художеств.

На первых немецких художественных выставках в Берлине и Дрездене в 1946 г. были представлены все направления модернистского искусства донацистского периода. Характерным явлением был плюрализм воззрений и направлений, часто встречался умеренный экспрессионизм, также часто глубокая духовная депрессия. Многие художники обратились к религиозным темам, часть прониклась социалистическими идеями. Интеллигенция была готова принять активное участие в построении демократического общества. Многие деятели культуры чувствовали себя призванными сохранить немецкие гуманистические традиции, сделать гуманизм и культуру неотъемлемыми элементами воссоздаваемого демократического порядка. Образование в июле 1946 г. Культурбунда — Союза деятелей культуры за демократическое обновление Германии — создало основу для сотрудничества социалистической и буржуазной интеллигенции. После создания ГДР от Культурбунда отпочковались организованные по профессиональному принципу художественные союзы. В 1947 г. был основан журнал «Изобразительное искусство», который издавался представителем позднего экспрессионизма художником Карлом Хофером и левым конструктивистом Оскаром Нерлингером. До 1949 г. он оставался самым информативным общенемецким художественным журналом. К 1948 г. по инициативе СЕПГ началась дискуссия о формализме, которая подготовила почву для государственного и политического диктата над деятелями искусства и перехода к искусству социалистического реализма в ГДР. В то же время под влиянием из Франции и США наметился поворот интеллигенции западных зон к экзистенциализму. Данные тенденции развития были закономерны. Нельзя было ожидать, что старые художественные формы могли обладать достаточной формальной и содержательной широтой, чтобы адекватно отражать проблемы послевоенного времени. Национал-социализм нанес немецкой культуре и искусству непоправимый урон, посеяв в среде бывших авангардистов чувство безнадежной неуверенности, которое никак не могло быть преодолено поколением давно устаревших экспрессионистов. В этой ситуации разброда и шатаний И. Бойс

начал свое образование, выбрав для себя профессию скульптора, и сразу попал в эпицентр борьбы между новым и старым. В 1947 г. он поступил в дюссельдорфскую академию художеств в класс скульптора Энзелинга, который начал преподавательскую деятельность в 1938 г. при нацистах, примкнул к академическому направлению и придерживался натуралистических взглядов. У него И. Бойс научился основам скульпторского ремесла. По собственному желанию он перешел в класс Эвальда Матаре. Матаре принадлежал к кругу берлинских экспрессионистов, был в 1932 г. приглашен в академию в Дюссельдорф, а год спустя уволен оттуда нацистами. С его восстановлением в должности и назначением на пост ректора студенты связывали обоснованные надежды на современное, свободное от академических догм образование. Матаре планировал на самом деле провести в дюссельдорфской академии глубокую и всеобъемлющую реформу художественного образования. Образование должно было начинаться с 14 лет, а система классов сохраняться вплоть до получения диплома. Наряду со специальными предметами, предполагалось ввести преподавание немецкого языка, философии, биологии и религии. Однако, не найдя поддержки своим реформаторским идеям ни в инстанциях, ни у коллег, Матаре ушел с поста ректора, чтобы полностью посвятить себя преподавательской деятельности в своем классе. И. Бойс проявил себя усердным и серьезным студентом, и Матаре, ценя его способности и надежность, привлекал его к работе над большими заказами.

Первые самостоятельные произведения, появившиеся в конце сороковых годов - это изображение креста как символа страдания, спасения и вознесения, а также изображение распятого Христа как символа жертвы. Его скульптурные группы отражали - как и у многих других художников — военный опыт, пропущенный сквозь призму христианской религии. Художник использовал традиционную иконографию креста и распятия, стараясь найти для многих индивидуальных судеб единое, подходящее и понятное всем идейное воплощение. Чугунная скульптура И. Бойса «Пиета» была отмечена в 1952 г. премией выставки «Сталь и чугун» союза сталелитейных заводов в Дюссельдорфе. За первым признанием последовали дальнейшие заказы. Вместе с тем, И. Бойс понимал, что экспрессивно-христианский стиль, в котором работали после войны многие скульпторы, не является искусством будущего, и не прекращал поиски новых духовных подходов, которые бы возвысили искусство над ремеслом и расширили рамки традиции. Примечательно, что он не искал примеров для подражания в художественном цехе, а расширял свои познания в философском смысле, изучая произведения Гете, Маркса и Рудольфа Штайнера. В противовес национал-социализму, поставившему искусство в прямую зависимость от государства, И. Бойс выступал за полное разделение государства и духовной жизни. По примеру «Свободного института гуманитарных наук», открытого Штайнером в 1924 г., И. Бойс основал в 1973 г. Союз по поддержке «Свободного международного института творчества и междисциплинарных исследований». К тому времени благодаря акциям на выставке «Документа» и независимой политической деятельности по созданию базисной демократической модели И. Бойс получил международную известность как лидер левого спектра и акциональной художественной сцены.

Уже в пятидесятые годы И. Бойс выдвинул идею об искусстве как социальной пластике, которая подчеркивала творческое начало в каждом человеке и призывала

его стать соучастником созидания социального организма. Его девизом было: «Единственная революционная сила — это творческое начало в человеке». Творческое начало заложено, по Бойсу, в каждом человеке и является народным достоянием. Чтобы найти примеры творчества, И. Бойс обратился к элементаризму и простейшим жизненным формам. Исходя из опыта выживания в татарском шатре, И. Бойс разработал этику и эстетику близкого к природе, простого и безыскусного, направленную на такие сущностные средства жизнеобеспечения, как пища, защита от холода, жилище, средства передвижения. Начиная с сороковых годов, он запечатлел их в сотнях рисунков и эскизов в простейшей, почти этнографической форме и накопил по этим темам множество материалов. Все эти рисунки изображают формы жизни, орудия труда и жилища татар или затрагивают другие области восточной культуры. К числу архаичных тем, связанных с пищей, принадлежит изображение собирательниц (женщина с корзиной, девочка с корзиной), доярок (русская женщина с ведрами молока), а также различные рисунки на тему жира (мешки для фильтрования жира) и меда (собирательница меда, татарская женщина-пчеловод, матка). Созданное позднее произведение «Откачка меда» является одним из известнейших полотен художника, в котором И. Бойс в типичной для него манере материализует в демонстрационном объекте восточные мотивы и теорию Штайнера о социальном государстве у пчел. Подобные примеры есть по жиру и по воску. И. Бойс ввел в современную историю искусства такой изолирующий и защищающий от холода материал, как войлок. Наряду с дающими и сохраняющими жизнь молоком, жиром, медом и войлоком, Бойс изображает предметы, используемые для приготовления пищи: бесчисленные простые рисунки горшков, котлов, кастрюль, очагов и печей. На других рисунках воспроизведены различные жилища (восточный сельский дом, татарские дома в Крыму, дом шамана) или традиционные средства передвижения: собачьи упряжки, лыжи. К этому перечислению примеров материальной культуры следует добавить характерное для И. Бойса изображения диких степных животных.

Разумеется, в этих рисунках запечатлены не просто воспоминания о пребывании у татар, они были пополнены И. Бойсом при изучении темы «Азия». Встреча с татарами дала импульс, которому художник следовал в многолетних трудах, развивая эту тему в различных направлениях. Большинство из этих работ находится сегодня в коллекции братьев ван дёр Гринтен, первых собирателей произведений И. Бойса. Франц Иозеф ван дёр Гринтен рассматривает почти все творчество И. Бойса в аспекте «Евразии»³ и отчасти как ответ на архаичные структуры восточного культурного пространства. Понятие шамана И. Бойса также не сходит со страниц современных историй искусства. Сам И. Бойс понимал свое творчество как реакцию на политическую ситуацию: «Я пытаюсь вместе с другими найти альтернативу существующим системам Востока и Запада. Но я хочу видеть эту альтернативу в виде художественного произведения. Этого можно добиться только путем расширения имеющегося буржуазного понимания искусства, следуя тезису, что искусство - это единственная революционная сила, другой не дано».

Josef Berghold

³ van der Grinten F. J. Eurasia - eine Welt der Kräfte / F. J. van der Grinten // Beuys J. Eine innere Mongolei / J. Beuys. - Hannover, 1995. - S. 11-17.

AWAKENING AFFINITIES BETWEEN PAST ENEMIES: RECIPROCAL PERCEPTIONS OF ITALIANS AND AUSTRIANS*

Italy and Austria's heritage of dense cultural and political influence - but at times also particularly sharp conflict - touches upon one of the "raw nerves" of European history. A careful investigation of what has become of this heritage should reveal the general state of European integration; that is, it should indicate the degree to which the peoples of Europe (or at least of Central and Western Europe) - in terms of their mentalities and everyday-life culture - have succeeded in coming closer.

Nowadays, the relations between Austria and Italy do not attract much international interest; it is certainly not a "hot spot" of global politics. Yet it is curious to note that even in academic circles, neither Austria nor Italy has a tradition of studying one another's history and bilateral relations¹. Furthermore, the "history of mentalities" has essentially been ignored. At times, historians of both countries have described this void in rather harsh terms: Silvio Furlani has spoken of a very serious gap of knowledge²; Fritz Fellner of a "blockade"; and Adam Wandruszka, actually, of a "blank spot."³ Elisabeth Garms-Cornides recently pointed out that her studies on the topic are among the first.

If one considers the importance that both countries have had for each other over long periods of history - and even more so if one considers the highly emotional attitudes that often have come into play in the reciprocal perceptions between Italians and Austrians - this is indeed quite paradoxical. From a psychoanalytic perspective, such a manifest lack of attention may well point not to the unimportance of these perceptions, but on the contrary to a highly sensitive and relevant subject matter.

Consequently, I suggest that the recently developing relations between Austria and Italy deserve more attention - and in fact, examined in a particular light, these relations are exemplary. In a world that in recent times has seen numerous escalations of ethnic, religious, national, and social hostilities, these relations serve as one striking example of a positive trend towards overcoming traditional hostilities between two neighboring countries - a trend that becomes all the more significant by taking into account that for a long period of a still not-so-remote history, the once so-called "hereditary enmity" between Austria and Italy represented one of the most acute nationalistic hostilities in Europe. Against this backdrop, the marked decline of the former enemy imagery in recent decades towards friendlier and more mature perceptions of each other amounts to a quite dramatic turnaround. Examining it closer permits us to trace creative approaches to conflict resolution that have much broader applications.

Of course, it would be unrealistic to assume that no residues of the old enemy imagery between Italians and Austrians remain, or that all possible areas of conflict have been resolved conclusively, or that all elements of prejudice have been eliminated. Such ideal conditions unfortunately have never been reached, and today's global context of economic and social tension is an additional impediment. Moreover, hostilities linked to

---

* Редакция благодарит Автора и Центр Австрийских исследований за разрешение на издание статьи в настоящем сборнике.

¹ With the noticeable exception of the ethnic conflicts in the border region of South Tyrol/Alto Adige.

² Silvio Furlani: "L'immagine dell'Austria in Italia dal 1848 alla prima guerra mondiale." *Clio. Rivista trimestrale di studi storici*, Vol. 24/3 (1988), p. 433.

³ In German: "Fehlzeige." Elisabeth Garms-Cornides: "Das Bild Österreichs in Italien - von der 'Erbfeindschaft' zur Nostalgiequelle." Presentation at the 41st Annual Historians' Convention of the *Institut für Österreichkunde* ("*Österreichische Selbstbilder - Fremdbilder von Österreich: Klischees, Auto- und Heterostereotypen in der Geschichte*"), St. Pölten, March 27, 1994 (see Garms-Cornides also for the above quotations by Fellner and Wandruszka).

national or cultural diversity are fundamentally among the most obstinate to overcome; they are also among those most at risk of escalating (as recent years have alarmingly brought home). In other words, leanings toward collective demonizations show a preferential inclination to attach themselves to national, ethnic or cultural differences (without of course being limited to these) - and there are in fact a number of obvious and pertinent psychological reasons to account for this⁴.

On the other hand, any tendencies towards overcoming the readiness to demonize others (and especially various "out-groups") are on principle very arduous psychological achievements. They gain momentum only tentatively, ambivalently, and slowly; and they risk suffering backlashes. The emotional capacity of consistently empathizing with others - the most important basis for overcoming demonizations - is a central characteristic of psychological maturity. As developmental psychology has shown, every individual's development towards maturity is long and precarious, and even under the theoretical assumption of optimal psychological conditions it cannot be completely successful.

Considering these caveats and obstacles, the decline in recent decades of traditional ostracizing and hostile perceptions between Italians and Austrians becomes all the more significant. It clearly points to a sustained tendency in the "mentality" of both societies that can be described in terms of gradually increasing capacities of psychological integration; that is, of recognizing as one's own some of the feelings, attitudes, leanings and so on that have traditionally been projected onto the other side, and consequently of a decreasing tendency to demonize "out-groups" (e.g., other national collectives). This change is not least highlighted by the fact that the traditional disdain for each other's lifestyle has to a remarkable extent turned into appreciation and affinity.

To investigate this more profound change in mentalities, I have conducted extensive interviews with an array of Austrians and Italians (of different walks of life and different cultural or political persuasions). In interpreting these interviews, I aim to trace both the tendencies towards collective maturation and the remaining residues of traditional demonizations (as well as the paradoxical relations between them). And, looking also beyond Italian-Austrian relations, my overriding concern is to draw conclusions regarding: How to encourage the overcoming of collective demonizations in general, and how to contribute from a psychological perspective to the building of a culture of dialogue and social cohesion on a global level - since for human civilization to survive, I consider it necessary to become aware of - and to put seriously into practice - the principle that "we're all in the same boat" *as the entire human species* (and not just as

---

⁴ I believe that above all there are *three specific conditions* of intercultural contact that can explain why it is specifically persons or groups of other ("alien") cultural, national, or ethnic affiliation who are at a particularly aggravated risk of being pushed into a role of scapegoats (i.e., demonized or despised outsiders): (1) the differing cultural rules of interpersonal contact - especially those that remain implicit or even unconscious - may easily become a source of multiple reciprocal hurt feelings (I am referring here in particular to the "culture shock" concept put forward by the Austrian intercultural researcher Dietmar Larcher; see Dietmar Larcher: *Kulturschock. Fallgeschichten aus dem sozialen Dschungel*. Merano: Alpha & Beta, 1992. *Das Kulturschockkonzept. Ein Rehabilitierungsversuch*. Klagenfurter Beiträge zur Technikdiskussion, Vol. 57/1992); (2) the typically considerable linguistic barriers that obstruct possibilities of personal dialogue to counter paranoid leanings; (3) the appeal of the "other's" lifestyle. That is, with their respective cultural otherness, "alien" people always demonstrate the feasibility of different lifestyles; at least in some elements, these "other" lifestyles then also appeal to some of one's own deeper wishes that are defended against, and this in turn, may aggravate inner conflicts - between these wishes and internalized prohibitions that threaten to mobilize guilt feelings. To be sure, these three conditions do not constitute sufficient motivation to demonize (or be contemptuous of) any given person or group. However, under the assumption of a pre-existing leaning to locate such groups "somewhere out there," they represent particularly suitable triggers (or pretexts) for it.

various single, competing social groups, nations, economic alliances, or cultural spheres)⁵.

Let me start with a preliminary observation: it is very important not to underestimate the influence of historic heritage on the grounds that most people's conscious memory and factual knowledge of past events or circumstances is quite limited. Many essential historical experiences and developments are reflected indirectly through formal historical knowledge, while many others are transmitted over many generations through informal and non-verbal communication. What is most important is that major components of historical experience are often being *denied* conscious attention because of their frequently traumatic qualities - which unfortunately gives them not less, but more influence over the course of later events (in the sense of George Santayana's dictum that "[those] who cannot remember the past are condemned to repeat it")⁶.

Thus, a lack of historical consciousness does not decrease the impact of a historical heritage, but increases it, and negatively.

I would like to illustrate the strong influence that past collective experiences - especially if they are not clearly known and discussed - continue to have, with some of the evidence that I have been able to draw from my interviews. One interviewee, an Italian University history professor - after deploring most of his students' lack of knowledge - reports how after the fall of the Berlin wall in 1989, the only clear-cut reaction they had, was a general fear of the Germans, and in a mitigated manner, Austria is included in this perception of a frightening Germanic world. To a large extent, this appears to be the result of traumatic collective experiences of the past that these students have little factual knowledge of, but which has been communicated to them by the older generations through scattered elements of information and informal emotional language - in the first place experiences linked to the German occupation of Italy in World War II. These have all the more influence as they are not clearly known and consciously worked through, in terms of concrete facts, circumstances, responsibilities, and backgrounds.

As an impressive counter-example - to further illustrate this point - I also want to refer to another interviewee who on the face of it, or superficially speaking, would have had much stronger reasons for such undifferentiated fearful perceptions, since he had personally lived through one of the most violent incidents under the German occupation of Italy. In 1944, as a nine-year-old boy, living in a small village in the area of Marzabotto (in the province of Bologna), he and his family were able to flee only minutes before they would have been massacred by SS troops. It is quite obviously related to the fact that this interviewee has since then reflected on these events and on the political background that had made them possible, that he adamantly opposes sweeping or paranoid accusations against the entire German (or also Austrian) world. Rather, he differentiates very carefully the various concrete motivations and responsibilities that had come into play; and above all, he is convinced of the paramount importance of promoting dialogue and understanding between peoples, especially among the young generations.

---

⁵ This necessity is, I believe, the essential message of numerous appeals made in our age by people with a deep commitment towards humanity - be it Albert Einstein with his dramatic urging of a "new thinking" in the face of the existence of the nuclear bomb, or peace researcher Robert Holt, with his concept of *systems thinking* (with at its basis the consideration of overriding global interdependencies and of the far-reaching consequences of our social behavior and actions), or psychohistorian Robert Lifton, with his elucidation of a global '*species self*' awareness that transcends our various particularistic identities - to name just a few. See, among others, Robert R. Holt: "Can Psychology Meet Einstein's Challenge?" *Political Psychology*, Vol. 5/2 (1984), 199-225. Robert Jay Lifton and Eric Markusen: *The Genocidal Mentality*. New York: Basic Books, 1988.

⁶ George Santayana: *The Life of Reason*. New York: Charles Scribner's Sons, 1954, p. 82.

Taking a closer look at the historical contrast between Italy and Austria, it becomes apparent that at times it corresponded to a quite common type of conflict between two countries that had formed some kind of "pair relationship" - if even a (negative) *folie à deux* - of mutual "preferential hostility"; or that it was one example of what the psychohistorian Mary Coleman termed "sets of countries 'twinned' by mutual hostility."⁷ Familiar examples of such "pairs" would be: Germany and France, Greece and Turkey, Serbia and Croatia, United States and Soviet Union, Israel and the "Arab nation," Armenia and Azerbaijan, Vietnam and Cambodia, Honduras and El Salvador - to name just a few. However, what goes beyond most of these past or present examples of "enemy pairs" is that in the case of Austria and Italy it also overlapped with a series of larger cultural and political conflicts that coincided and sometimes even concentrated in it.

The bitterness of this historical enmity could for instance be expressed in a declaration by the turn-of-the-century Italian nationalist Scipio Slataper: "Since the days of Giuseppe Mazzini, Austria is the antithesis of our soul, the devil of our divinity"⁸; or also in similar ways, when Karl Kraus in his "Last Days of Mankind" has an Austrian World War I supporter exclaim: "May God punish England and destroy Italy"⁹ - or when the first thing that Kraus has the Emperor Francis Joseph utter angrily, while still asleep, is "Not with them - I won't make any peace with these darn Italians."¹⁰ And if, on the Austrian side, it had been observed during World War I that for many the war front against Italy was "the one really popular war," this could also be mirrored by declarations like the one by the Italian minister Leonida Bissolati, who spoke of Austria as "this monster with many heads that must be killed."¹¹

What follows is a broad outline of the most important cultural and political contrasts that have marked the historical background of Austrian-Italian relations. I hope that by breaking it down into *eight* different (if in part overlapping) components, the wide range of these contrasts becomes more comprehensible.

The contrast in mentalities between the Germanic world and the Latin world is quite traditional and familiar. In this case, it also coincides with a geographic-psychological contrast between Northern and Southern neighbors. While it would be an arduous task to exactly define such a contrast, I think it is a fair-enough approximation to say that it is a contrast between lifestyles and forms of communication that (among other things) is manifested in certain attributions of typical character traits, both realistic and fantastic. Thus the Germanic side is described as more disciplined, reliable, and efficient, though also stubborn, cold, or excessively law-abiding, while the Latin side is labeled spontaneous, warm, and artistic, but also unreliable, irresponsible, or corrupt¹².

An anecdotal story might describe the deeper significance of this traditional contrast in more vivid and plausible terms. Here is what the sociologist Robert Michels reported in the Italian journal *Nuova Antologia*, concerning a quite memorable event in 1912 near

⁷ Mary Coleman: "Nuclear Politics in the 1980s." *The Journal of Psychohistory*, Vol. 12/1 (1984), p. 125.

⁸ Quoted in Claus Gatterer: *Erbfeindschaft. Italien - Österreich*. Vienna: Europaverlag, 1972, p. 10 [*Italiani maledetti, maledetti austriaci. L'inimicizia ereditaria*. Bolzano: Edizioni Praxis 3, 1986.]

⁹ Karl Kraus: *Die letzten Tage der Menschheit*. (1926). Frankfurt: Suhrkamp, 1986, p. 99 [*The Last Days of Mankind*. Manchester 1984. *Gli ultimi giorni dell'umanità*. Milan 1980.]

¹⁰ Kraus, p. 517.

¹¹ During a commemorative speech for the executed irredentist Cesare Battisti, held at Cremona on October 29, 1916; quoted in Angelo Ara: "L'immagine dell' Austria in Italia (1848-1918)." In: Ara, *Fra Austria e Italia. Dalle Cinque Giornate alla questione alto-atesina*. Udine: Del Bianco, 1987, p. 213.

¹² From a psychoanalytic perspective, such comparisons of traits may, in a rough approximation, be interpreted as projections of inner contrasts between Super-Ego and Id.

the Italian-Austrian border at Pontafel¹³. Possibly, this represents the most curious assault on a train that ever took place in the history of railroads. Michels, who was traveling on an international train from Italy to Austria, writes:

Having passed the border, the train was at one point suddenly halted and "stormed by a whole army of women in uniform, seemingly railroad employees, dragging along behind them a load of rags and buckets." The travelers were asked to get off the train, "and these good women devoted themselves for an entire quarter of an hour to pouring torrential floods of drinking water all over the train-cars and into all the compartments, almost as if they wanted to protest in the name of a superior civilization against the quite unsatisfactory state in which the Italian government - and we may add, the Italian travelers - often have the habit of leaving their trains. We - a Venetian gentleman [...], myself, and an Austrian - were stunned as we watched this scene." Finally the Venetian, with a mixture of admiration, irony, but also abhorrence, uttered: "Oh, how one can clearly see that we have now entered the *tedescheria!* Just look at this admirable cleanliness."¹⁴

Surely the contrast between characteristic cultural attitudes or habits highlighted by this strange event is in some ways still familiar today. Anyone who travels between Italy and Austria will have a conspicuous sensation of crossing something like a "watershed of lifestyles" (modern mass tourism, European integration, or "global village" notwithstanding) - a watershed that in this case is certainly more palpable than between most other European countries.

Moreover, the incident points to a conflict that obviously goes beyond clean or dirty trains - it's really about two opposing answers to the fundamental cultural "challenge of discipline," or to the psychological challenge to adapt to the uncomfortable necessities of the 'reality principle.' To the extent that in early personal development such claims of discipline have been *experienced as a forced submission to arbitrary rules* set by parental persons, the reactions to them tend to go in the direction of excessive compliance and identification (exaggerated discipline), as well as in the direction of defiant, excessive opposition (exaggerated lack of discipline). Given the vital importance and closeness of its relationship to parental caregivers, a child will in fact react in *both* ways; but given also the mutual incompatibility of both reactions, one of the reactions will typically be overemphasized and the other repressed. This, in turn, also implies a need for the existence of "outside objects" (other persons or collectives) onto whom one's own repressed reaction can be projected - and through the outward conflict with whom the (more painful) inner conflict can be kept at bay. In this logic, the contrast of lifestyles between two collectives (groups, nations, cultures etc.) may have the function of mutually projecting what is disowned within oneself and one's own collective - thereby avoiding emotional pain, but also creative potentials that would come with taking a closer look inside, into one's own deeper conflicts, feelings, and motivations.

Already viewed from this one angle, it appears consistent if at times the historical conflict between Italy and Austria has symbolically or intuitively been associated with a generational conflict - Italy taking a role of defiant child, as it were, and Austria the role of a strict or authoritarian parent. Thus, for instance, the historian Eugen Lemberg once

---

¹³ Today: Pontebba.

¹⁴ Quoted in Furlani, p. 415. The Italian term "tedescheria" is too idiosyncratic in its rich and ambiguous associative contents for a precise translation; basically it is a pejorative term and could therefore be translated as "the Kraut's orbit."

described the hostile Austrian-Italian relations as a "father-son complex."¹⁵ And an Italian interviewee, an elderly priest, makes the curious intuitive comment that "after all, in a certain period, at the beginning of the century, we are all children of Austria." While - in real-life terms - different countries cannot of course be parents or children, the relations between them may often lend themselves as projective screens on which personal real-life backgrounds of generational conflict can be symbolically re-enacted¹⁶.

Overlapping somewhat the first contrast between traditional mentalities are the repeated collective experiences of many centuries - if not millennia - of barbaric (mostly Germanic) invasions of Italy from the North - and with the Austrian area (with differing nuances) perceived as part of this barbaric Germanic world. Major events highlighting the often certainly nightmarish experience of being overwhelmed by merciless invaders are in particular the pillage of Rome in 1527 or that of Mantova in 1630. Even Metternich, one of Austria's most important Italophobes, conceded that the old history of invasions gave Italians a valid motive to resent Austrian rule (even though on the whole he of course declared this opposition to be pathetically unwarranted)¹⁷.

The Nazi occupation of Italy between 1943 and 1945 still plays an important role (especially in the Italian perception) in keeping alive this Germanic-Latin contrast, surely influenced also by the aforementioned age-old "memory imprint" of barbaric invasions¹⁸. In the conscious mind of most Italians, Austria appears *not* to be directly implicated, in spite of the foremost importance of several Austrians - most notably perhaps the SS officers Walter Reder and Otto Skorzeny, in major acts of violence committed by the occupying forces. However, this historical background seems to be a major reason why Austria - in a characteristic "blurriness of geographic perception" - is considered by many Italians to be a part of Germany.

One Italian interviewee, for instance - a woman who was born during the occupation and, referring to it as a main reason, speaks of strong tendencies to refuse and fear the German world - at one point in the interview makes a highly significant erroneous statement about "those big bilingual border regions that we still have with Germany." Since she is an educated person, she certainly knows - as far as formal geography is concerned - that Italy has no common borders with Germany (but of course does border Austria) and that the only time since the creation of the Italian state that it actually did border Germany was from 1938 to 1945, when Austria was incorporated into Nazi Germany. Thus, this past is clearly still present in her mind, and to the extent that this is the case, she appears not to perceive Austria as separate from Germany. Significantly, when she speaks about a need to make a difference between the two countries, she expresses this concern in such ambivalent terms that her words sound more as if they were motivated by the underlying feeling: "it would be good if Austria could be seen as separate from the German world" - perhaps because that would reduce the size and influence of the latter - "but unfortunately they really still belong pretty much to the same frightening reality."

Surely most Austrians who have ever stayed in Italy or visited it for any extended time are familiar with the following experience: if one introduces oneself as an Austrian,

---

¹⁵ Quoted in Gatterer, p. 9.

¹⁶ And in the case of Austria and Italy, a number of additional elements come into play that can further corroborate this pattern of subjective perception; in particular, as will be discussed later, the stark contrast between the historically older dynastic and the "younger" national claims of sovereignty that opposed the two states.

¹⁷ See, e.g., "Fürst Metternich zum Bericht des Grafen Ficquelmont vom 3. December 1847." In: Ara, p. 43.

¹⁸ See, among many others, Enzo Biagi: *1943. Un anno terribile che segnò la storia d'Italia*. Milan: Rizzoli, 1994. Silvio Bertoldi: *I tedeschi in Italia. Album di una occupazione 1943-1945*. Milan: Rizzoli, 1994.

often one will afterwards be addressed as a German - and occasionally even insisting that one is Austrian, not German, may be to no avail. This current peculiarity of automatically equating Austrian with German (often with some kind of "unfailing distractedness") appears not to be the same as that older tradition of a common Italian perception, in which Austria was also viewed as part of the German orbit, but nevertheless as a separate entity not to be confounded with Germany proper.

Except for a cursory passage in a recent Austrian book¹⁹, I have not yet found any publication that seriously discusses this characteristic Italian equation of Austrian as German. However, from the elucidations by several Italian interviewees - and especially of two who have a quite profound sense and knowledge of history - it seems highly plausible that this perception dates specifically from the time of Austria's incorporation into Nazi Germany and, closely interrelated to this, of the German invasion of Italy.

Another contrast with deep historic roots (and somewhat correlated with the aforementioned ones) results from the circumstance that Italy is by far the oldest continuously urban culture of Europe, whereas Austria has a predominantly agrarian cultural background. Thus the multi-layered (cultural and economic) historical conflicts between urban and rural interests also project themselves into this contrast. To a major extent, the urban weight of Italy's history accounts for the fact that the Italian nationalism of the *Risorgimento* was mainly a city-based movement - as opposed to the much stronger rural base of the Germanic or Slavic nationalisms; and this in turn also helps explain why it was very much influenced by the ideas of the Enlightenment, and essentially *secularist* (anti-clerical) in outlook - as distinguished from the strong clerical element in many other nationalisms, and particularly from the Catholic traditionalism of the Habsburgs, which constituted an indispensable basis of multi-ethnic legitimacy in the Austrian empire.

Significantly, the Austrian emperors also bore the title of an "Apostolic" majesty - thereby claiming a special religiously-founded authority for themselves, because they lacked a nationally-based claim of sovereignty to keep their state together. The "religious cement" had to somehow make up for the lack of a "national (or ethnic) cement."

A fierce historical contrast between Italy and Austria also results from the circumstance that the ideas of the Enlightenment and the French Revolution fell on very fertile grounds in Italy's political culture - whereas Austria, on the other hand, constituted one of the most powerful bulwarks against this innovative current that, from Metternich's point of view, had annihilated "the foundation of the life of states, the quietness of its domestic and foreign relations."²⁰ As a particularly symptomatic example, Metternich's special envoy to Northern Italy under Austrian rule (Lombardo-Venetia), Karl Ludwig von Ficquelmont, reported just before 1848 that - in contrast to England, France, or even Germany - not one single voice could be found in Italy's entire public spectrum that would oppose the ever-broadening forming of opinion in a liberal, radical (and accordingly also anti-Austrian) direction. Ficquelmont's confidential report to Metternich clearly illustrates this - saying that it was simply impossible for him to find even one person adept at journalistic writing who would have been willing to draft an article in

---

¹⁹ Michael Morass and Günther Pallaver: "Erbfeindschaft, Entfremdung, Beziehungskonjunktur - oder schlicht: Gleichgültigkeit? Ein Resümee der italienisch-österreichischen Beziehungen." In: Morass, Pallaver (eds.): *Österreich - Italien. Was Nachbarn voneinander wissen sollten*. Vienna: Deuticke, 1992, p. 258.

²⁰ Metternich in Ara, p. 42.

favor of the Austrian regime²¹ - at a time, that is, when Italian journalism just experienced a burst of activity.

This fact reflects the truly extraordinary cohesion of the Italian (*Risorgimento*) opposition against Austrian domination on the part of the urban and educated classes. When else in history has there been a situation in which an existing power would not have been in a position at least of buying some people who would write articles in its favor?

On the other hand, however, the overall popular basis of the *Risorgimento*, specifically among the peasantry, was much weaker (and not only in the South of Italy). This can be substantiated with the observation that in 1848 - when virtually nobody able to write articles would favor Austria - the Italian soldiers in Radetzky's Austrian army (predominantly of peasant origin) deserted in relatively small numbers, given Austria's deep crisis of legitimacy in Northern Italy, and very few of those deserting ultimately fought against the Habsburg troops. The American military historian Lawrence Sondhaus has shown in very convincing detail that the traditional historical contention of much more massive, patriotically-motivated defections by Italian soldiers - if it suited the myths of both Italian and Austrian propaganda and partisan historiography - could not be backed up²².

This highly contradictory situation regarding its social support reflects both the historical strengths and weaknesses of the *Risorgimento* and of the creation of the Italian nation-state. Being based mainly in cities, drawing upon an old urban culture and corresponding civic traditions, strongly informed by the ideas of the Enlightenment and the French Revolution, it was a movement that was in part inspired by very advanced and humanistic political ideas - represented and expressed not least by such outstanding personalities as Carlo Cattaneo, Giuseppe Ferrari, Carlo Pisacane, the brothers Attilio and Emilio Bandiera (not to mention Giuseppe Mazzini), among many others.

On the other hand, its very limited appeal among the peasantry (still then of course the large majority of the overall population) defined a fundamental weakness of the *Risorgimento* movement - which is perhaps most strikingly illustrated by the tragic fate of one of its most devoted protagonists, Carlo Pisacane, who in 1857 was massacred by a crowd of peasants in the kingdom of Naples he had hoped he could help liberate from feudal dependency.

As a logical consequence of this weakness, the realization of the Italian Unity in the wake of 1859 fell decisively short of the ideals of the popular movement that had fought for it. Thus, for instance, the new state adopted the particularly restrictive Piedmont electoral law, which at first gave the right to vote to only about 2% of the population; similarly, the very centralized administrative structure of the new Italy was in blatant contradiction to the enlightened federalist concepts worked out by such leading protagonists as Cattaneo or Ferrari. Mazzini, who was certainly the most important spiritual and political leader of the *Risorgimento*, became an outlaw in the new unified Italy (even though he got elected into its first parliament), because he was unwilling to renounce to his republican convictions²³ - whereas Giuseppe Garibaldi, who was ready to put up with the Savoy monarchy - if even against his personal preferences - became the foremost official hero of the new fatherland.

---

²¹ Rapporto di Ficquelmont a Metternich, N. 141 (Milan, February 27, 1848). In: Ara, p. 49.

²² Lawrence Sondhaus: *In the Service of the Emperor: Italians in the Austrian Armed Forces 1814-1918*. Boulder, Co.: East European Monographs, 1990, pp. 43-44.

²³ Which of course meant something different in Italy then from it means in the United States today...

The conspicuous limit of popular support for the Risorgimento also reflects the generally agreed-upon fact that the political and military unification of Italy largely failed its aim of creating a unified nation, in the sense of a social cohesion within a national framework, with a minimum degree of common civic responsibility: "the masses, most of them illiterate peasants, were passive bystanders. They justified the later quip: 'We have made Italy; all that remains to do is to make Italians.'"²⁴

Up to today, it has been a commonplace observation that the social fabric of Italian society is quite loose - to be gauged not least by traditional aversions between the North and the South of Italy, and more recently manifested through the unprecedented, if episodic, electoral successes of the (then still secessionist) Northern League between 1991 and 1993, which at one point even seemed to put the possible breakup of the Italian state within close reach.

Largely in keeping with the above two contrasts, Italy and Austria represented probably the most strikingly antagonistic powers in the era of European nation-state movements: Italy being (at least superficially) one of the most successful examples of the new nation-state; Austria being the most central supranational-imperial state in Europe (and indeed also the most "quintessential" one)²⁵. Within this contrast, then, Italy represented the historically new principle of sovereignty of the people (borne out by the French Revolution), whereas the Austrian state was the epitome of the older legitimacy based on dynastic claims.

As the historian Gaetano Salvemini has convincingly argued, it was precisely this contrast, which both sides by existential necessity had to insist upon, that eventually forced them into a life-and-death struggle, in spite of various diplomatic attempts to normalize²⁶. All the more so, one might add, since both sides were internally weak and needed a strong outside contrast to maintain at least some measure of inner cohesion: Italy - especially because it failed to translate its political unification into a sufficient degree of inner social cohesion; Austria - because its legitimacy was increasingly vulnerable to the steadily rising pressure of national self-determination claims (the Italian national claim, along with the Hungarian, was the most forceful and threatening to the Habsburg state - setting also a dangerous precedent for the so-called "non-historic" - mostly Slavic - nationalities who were just about to wake up to self-awareness, and thereby break up the Empire).

The combination of the various historical and cultural issues culminating in this contrast may also be illustrated through a literary persona masterfully developed by Thomas Mann in his epic novel "The Magic Mountain." In the figure of one of its protagonists, Lodovico Settembrini, Mann portrayed the personality and political outlooks of the typically cultivated, somewhat enlightened Italian of the turn of the

---

²⁴ René Albrecht-Carrié: "Unification Movements." In: John A. Garraty and Peter Gay (eds.): *The Columbia History of the World*. New York: Harper & Row, 1972, p. 907.

²⁵ In the sense that only Austria of all the supranational empires in Europe hardly had a nationalist point of reference for its dominant national group, the German-speaking Austrians (their major nationalist point of reference being outside their borders, i.e., in the German state) - as opposed to the Tsarist or Ottoman multi-ethnic empires, which after all did also represent "nation-state cores" for their dominant national groups (i.e., for the Russians and the Turks).

²⁶ Gaetano Salvemini: *La politica estera italiana dal 1871 al 1915*. Opere di G. Salvemini, Series III, Vol. 4. Milan: Laterza, 1970, p. 164. The extent to which the territorial and ethnic conflicts between Italy and Austria were overdetermined by this more fundamental issue can also be gauged from the fact that the calls by the Italian Irredentist movement for the liberation of the "unredeemed" ethnically Italian regions under foreign yoke only referred to those under Austrian rule ("Trento e Trieste") - *not* to those under French rule (e.g., Nizza/Nice). After all, France was perceived as the very champion and incarnation of the modern nation-state principle...

century. In numerous passages, Settembrini comes across as a man inspired by the ideals of progress, rationality and democracy, of self-determination for all peoples, and ultimately of world peace and human brotherhood: The principal enemy of these aspirations was "Vienna, this world obstacle," the capital of a decaying Austria - Vienna which must by all means be "hit on its head" to make way for world progress²⁷.

I interviewed one Italian who seems to be a spiritual descendant of Settembrini - he even declared that he would have preferred to live in the era around World War I: since fighting against Austria in his opinion represented the singular occasion in which Italy developed enough inner cohesion to become a "real nation," committed to at least some kind of common ideal (something, he contended, that had never been realized before, nor since).

I consider it particularly significant for the more recent advancement of reciprocal perceptions between Italy and Austria that this interviewee reports how - in the course of little more than the last decade - his profoundly hostile attitudes towards Austria have gradually diminished, reaching a point where today he even specifically appreciates (perhaps even idealizes) a certain sense of civic virtues and social responsibilities rooted in Austrian society; dispositions that he would like to see applied (and painfully misses) in Italian society.

The intensity of the traditional ethnic, territorial and autonomy conflicts in the Tyrolean and Trentino border region clearly needs to be seen against the backdrop of the historical and cultural differences enumerated so far; because as such, this border region paradoxically used to belong to the few bi- or multilingual areas in Europe where ethnic conflict, from many points of view, should have been the most manageable: the geographical language borders were quite clear-cut; the overlapping of ethnic conflict with social-class conflict was relatively marginal; the region's economic importance was not vital; and, likewise, the military or power interests were hardly important (the old Austria before 1914 really would have had nothing to fear had it granted autonomy to the Italian-speaking Trentino region²⁸; nor did Italy after 1918 have any real strategic interest in acquiring the German-speaking South Tyrol up to the Brenner Pass)²⁹.

---

²⁷ Thomas Mann: *Der Zauberberg*. Frankfurt: Fischer, 1959, pp. 528 and 530. See also Wendelin Schmidt-Dengler and Luigi Reitani: "Symmetrie der Entfremdung. Italien und Österreich im wechselseitigen Blick ihrer Literaturen." In: Morass, Pallaver, p. 156.

²⁸ The vast majority of the Trentino region, being peasant and Catholic, was strongly opposed to the secular Italian state; the clerical and autonomist - but clearly anti-Irredentist - *Partito Popolare* under the leadership of Alcide DeGasperi (who from 1945 to 1953 served as Italy's prime minister) represented roughly three-quarters of the population. As late as October, 1914, DeGasperi expressed his conviction that a popular referendum would favor Austria by a 90% majority. See, for example, Claus Gatterer: "Alcide DeGasperi." In: Gatterer: *Aufsätze und Reden*. Bolzano: Edition Raetia, 1991, 187-205; Dennison I. Rusinow: *Italy's Austrian Heritage 1919-1946*. Oxford: Clarendon Press, 1969, pp. 32-33.

²⁹ The immediate political cause that appears to have been the most important in inducing the Italian government to claim South Tyrol (along with other ethnically non-Italian areas on the Adriatic coast) had virtually nothing to do with the region of South Tyrol as such. It was openly expressed by the Italian Prime Minister Vittorio Emanuele Orlando during the Paris peace negotiations of 1919: "If he returned home with a new border closely approximating the one the Austrians had been willing to grant in 1915 as the price of Italian neutrality [including almost all ethnically Italian regions still then under Austrian rule, J.B.], how could one thereafter explain to the Italian people why they had given half a million of their sons and billions of lire to this war?" (Rusinow, p. 48) In addition, the violent enforcement of Italian rule in South Tyrol proved a decisive stepping stone for the fascist seizure of power in 1922 - without the surprising success of its March on Bolzano on October 1, the fascist movement might not have had sufficient political momentum for the March on Rome on October 28 (see Rusinow, pp. 76-83); the Italian claim on this region therefore became a matter of prestige and legitimacy for the fascist regime. If these two motives help explain the claims to South Tyrol during the instability following World War I, they seem nonetheless largely insufficient in accounting for the continuing obstinacy by successive Italian governments to make and keep the region Italian (continuously incurring heavy economic losses).

Seen in this light, then, the ethnic conflicts around the region of South Tyrol/Alto Adige appear to be a theater of displaced extension of the more far-reaching traditional conflicts that had led Italy and Austria to World War I. The sociologist Rainer Münz therefore rightly commented in 1992 on the official declaration of resolution of conflict by the Austrian parliament and by the political representatives of the German-speaking South Tyroleans: It was really only then that World War I in the Alps was definitely concluded (since all the stipulations of the 1969 autonomy agreement for South Tyrol had finally been fulfilled)³⁰.

The ethnic and political conflict, as it then actually developed in South Tyrol following its annexation by Italy after World War I, certainly also created its own new dynamics, thereby further aggravating the situation. The heavy-handed policy of the fascist regime, with its ambition of forcing all South Tyroleans to convert to ethnic Italians, pushed the South Tyroleans into extreme exasperation and decisively deepened the nationalistic contrast; and, in this context, the politically-motivated massive immigration of Italians from all (but mainly Southern) parts of the country created two hostilely coexisting ethnic cultures with very low reciprocal compatibility (given also the markedly traditionalist and geographically-isolated Tyrolean peasant communities: the forced confrontation with the radically different lifestyles of the Italian South must have involved a particularly severe culture shock).

The largely unabated continuation of this conflict after World War II escalated - especially in the late 1950s and early 1960s - to a point that came very close to an outright social explosion. In particular, the massive demonstration on November 17, 1957 (at the castle of Sigmundskron, near Bolzano), which urged autonomy for South Tyrol, may easily have degenerated into a violent clash of the kind of Northern Ireland's "Bloody Sunday" (1969); and the series of terrorist bombings in the so-called "Feuernacht" ("Night of Fires") on June 11, 1961 - along with the heavily repressive response by the Italian state - resulted in a situation decidedly drifting towards an explosive confrontation.

The fact, however, that it eventually stopped short of going "over the edge" initiating a maelstrom of violence and counter-violence is, in my view, one of the most forceful indications of the long-term positive trend in overcoming historical Italian-Austrian hostilities. Given their heavy historical vulnerabilities - and given also the fact that such ethnic conflicts have virtually never been resolved anywhere in the world - the *relative degree* of conflict resolution that has been reached is, by any comparative standards, exemplary (all remaining complications notwithstanding)³¹.

One quite symptomatic observation appears to support the hypothesis that the improvement in Italian-Austrian relations is in part based on longer-term psychological tendencies of maturation: the observation that over time numerous individuals of very different backgrounds and persuasions have introduced various modest initiatives - or elements to prevent an escalation towards a "point of no return" in South Tyrol. Independently from what the overall judgment of any of these individuals (or of their political outlooks) may be, I believe they can be credited - in their different ways - with some measure of pragmatic wisdom, in combination with at least some element of humane concern. In addition, the fact that their individual contributions have had some

---

³⁰ Rainer Münz: "Ende des Ersten Weltkriegs." *Profil*, Vol. 23/24, June 9, 1992; see also Münz: "Österreich - Italien. Feindbilder von einst, Klischees von heute?" In: Morass, Pallaver, 27-35.

³¹ For a vivid account of grievances expressed by Italians in South Tyrol/Alto Adige, see Sebastiano Vassalli: *Sangue e suolo. Viaggio fra gli italiani trasparenti*. Turin: Einaudi, 1985.

effect (even though many were also received as highly controversial) implies that there was a certain measure of readiness in society-at-large. This is consistent with one of the basic assumptions about psychological maturation stated in the introductory remarks: namely, that by its nature it is (unfortunately) a rather slow, non-linear, precarious development that frequently meanders through disparate intentions or contradictory effects. What follows is a brief description of individuals who have made such contributions:

Renato Mazzoni, quester of the province of Bolzano from 1947 to 1957, was certainly one of the most enlightened representatives of the Italian state in South Tyrol; he foresaw the dangerous consequences that the intransigent policy adopted by his government towards the South Tyrolean minority eventually would have, and thus he urged favoring dialogue and viable coexistence in the framework of autonomy for South Tyrol³². He was instrumental in allowing ways for South Tyroleans to express their grievances, while at the same time he tried to prevent violent confrontations. A particularly important example is his authorizing the November 1957 demonstration only on condition - promised by its leader Silvius Magnago - that no subsequent march into the city of Bolzano would take place³³.

On the other side of the ethnic divide, Silvius Magnago (the charismatic leader of the Südtiroler Volkspartei/ SVP from 1957 to 1991) is to be credited with having pursued a parallel approach. He was one of the most resolute and astute politicians who urged that South Tyrolean claims for autonomy be taken seriously by the Italian state³⁴ (though at the same time he has impeded - by promoting a mainly ethnically-focussed agenda - the expression of other social concerns). He was also ready to settle for viable compromise, thus contributing to avert a head-on collision³⁵.

Josef Kerschbaumer, the leader responsible for the South Tyrolean bombing campaign of 1961 (the only one that could count on relatively broad popular support), was convinced of the moral necessity to spare human lives. It was to a large extent due to his authority among the group that carried out the vast bombings of electricity transmission towers on June 11 that it was planned in a way that "only" such objects were hit where no persons would be endangered³⁶. While this bombing campaign dramatically increased the general level of fear and tension, the fact that "at least" it aimed at avoiding danger to human lives was probably one of the decisive factors that prevented the political situation from drifting to a social explosion.

Sandro Canestrini was the son of a leading Trentino Irredentist, a prominent defense attorney and also a member of the regional parliament for the Communist Party - until he

---

³² Significantly, he was one of the few Italian officials of his time who learned German. His immediate superior, the minister of the interior Fernando Tambroni (who in 1960 headed a short-lived government coalition between Christian Democrats and Neo-Fascists) unfortunately did not appreciate Mazzoni's recommendations. In a punitive move in 1957, he transferred his quester to the province of Treviso, where the latter - apparently as a consequence of this humiliation - committed suicide in 1959. See Hans Mayr: "... bis zur äußersten Konsequenz." In: Elisabeth Baumgartner, Hans Mayr, and Gerhard Mumelter: *Feuernacht. Südtirols Bombenjahre*. Bolzano: Edition Raetia, 1992, pp. 108-110; Hansjörg Kucera: *Auf und ab um Südtirol*. Innsbruck: Haymon, 1991, pp. 88-92.

³³ Such a march would have doubtlessly caused violent street fighting. See Elisabeth Baumgartner: "Bomben für Herrgott und Heimat." In: Baumgartner, Mayr, Mumelter, pp. 17-19.

³⁴ See, e.g., Pinuccia Di Gesaro: Intervista a Silvius Magnago. *Letture trentine e altoatesine*, Nr. 50/51 (1986), 1986, 28-32.

³⁵ Without the weight of his authority, the autonomy agreement would not have found a majority of consent in the decisive SVP assembly on November 22, 1969.

³⁶ See Baumgartner, p. 7; Mayr, p. 101. Terrorist actions in later years, of varied right-extremist background, were undertaken by people of a very different persuasion, who obviously had no such reservations about endangering lives.

decided to represent the South Tyroleans arrested after the bomb attacks (in particular, in the trial in 1963 in Trento against ten carabinieri who were accused of torturing the arrested men)³⁷. By standing up against a rampant climate of rejection by Italy's public towards the South Tyrolean minority, he made a courageous and valuable contribution - in one of its most adverse moments - to the building of a bridge over the divide of nationalistic demonization.

On the level of diplomatic relations between Italy and Austria, the energetic initiatives taken by Bruno Kreisky, Austrian foreign minister from 1959 to 1966 (and later prime minister 1970-83), to bring the conflict on the agenda of the UN General Assembly (October 18-31, 1960) have been among the most instrumental in opening up ways of constructive negotiation. Over time, the international attention resulting from these UN debates helped increase the political leeway of those in Italian politics who were inclined to serious dialogue - represented in particular by Giuseppe Saragat (Italian foreign minister 1963-64, and president 1964-71) and Aldo Moro, who became prime minister for the first time in 1963. Without Moro, Hansjörg Kucera (the first German-speaking director of the Italian public broadcasting system in Bolzano) once said, "it would hardly have been possible to reach a new, satisfactory autonomy status for South Tyrol."³⁸ Magnago once stated that he had known no other Italian politician "who listened to the South Tyrolean concerns with so much patience, attention, and with such an open mind."³⁹

On the level of the province of Bolzano, among others, the highest representatives of the Catholic church - bishop Joseph Gargitter (1952-86) and his successor, the present bishop Wilhelm Egger - have acted as mediators between the ethnic groups (which becomes all the more important considering the strong influence of Catholicism in the region); this was a highly arduous job, especially in the early 1960s - as illustrated by the fact that Gargitter was then seen as a traitor by many South Tyroleans (some pejoratively nicknamed him "walscher Sepp")⁴⁰.

On the left wing of the political spectrum, one of the most committed and judicious protagonists has been Lidia Menapace; at various occasions, her original approach to public debate - highlighted by her ironic, but psychologically sound motto, "Everybody should speak badly about one's own side" - has been instrumental in overcoming political stalemates of reciprocal blaming. Last but not least, Alexander Langer, leader of the South Tyrolean Greens, is to be credited, among other things, with his major role creating the first political force that can count on sizable support from both sides of the ethnic divide.

The overall relaxation and improvement of relations in recent decades become of course immediately palpable already when cursorily compared to the traditional constellations. First, then, there are a number of rather obvious external factors (or circumstances) to be taken into account for this reduction (and in part also inversion) of the old hostility - reasons that as such do not, or at least need not necessarily, imply any fundamental changes in attitudes towards each other:

- Austria, after the loss of its former status as a regional super power, would of course hardly be credible any more in the role of a threatening arch-enemy of Italy;

---

³⁷ See Sandro Canestrini: "Von Cesare Battisti zur Feuernacht." In: Baumgartner, Mayr, Mumelter, 147-151.

³⁸ Kucera, p. 22.

³⁹ Ibid., p. 23.

⁴⁰ "Wop" ("Italian Joe," as it were, to the extent such name-calling is at all translatable in its stronger associative contents).

- the international diplomatic pressure that (among other factors) played an important role in causing the centralist Italian state to make considerable concessions of autonomy for South Tyrol/Alto Adige - which in turn allowed for a relative relaxation of ethnic relations (and consequently also of bilateral relations);
- the big streams of tourists between both countries that might (but need not necessarily) have facilitated better reciprocal understanding;
- the absence of a considerable labor immigration in either direction that would have provided potential conflict;
- the economic integration of Central and Western Europe, as well as displacements of political priorities, alliances or conflicts into more large-scale international contexts - especially in the decades of the Cold War - may have diminished the importance of a smaller-scale conflict like the one between Italy and Austria; from such a perspective, older enemy images might to some extent only have been replaced by others - which would indicate that they hadn't really been overcome, but rather marginalized (with the possibility of coming to the fore again at some later point).

Doubtlessly, such more or less external factors have had a favorable influence on the decline of the traditional enemy imagery; but it is equally obvious that alone they would by no means sufficiently explain the development in question, and that a central momentum for it has resulted from genuine tendencies of increasing openness and intercultural understanding.

As one illustrative symptom of such tendencies, it is worth citing the pioneering work of two bilateral history conventions (under the auspices of UNESCO) in Innsbruck (1971) and in Venice (1972) - themselves already in part a consequence of a relative relaxation of relations in the South Tyrolean question. Substantial corrections of up-to-then prevailing, often heavily prejudicial accounts in history school books regarding Italian-Austrian relations were worked out on this occasion - a rather unique achievement, which also led to the publication of a bilateral history textbook in both countries (written by the prominent historians Furlani and Wandruszka)⁴¹.

Of more symptomatic importance is a marked widening in scope and popularization, in both countries, of the interest in the culture of the other country - as manifested, for instance, by the strong public appeal of authors like Ingeborg Bachmann (who in her words had found a new "home of affinity" in Italy) and in particular of Claudio Magris, one of the foremost Italian scholars of German and Austrian literature, whose books have played a pivotal role in the strongly growing interest in Italy for the cultural traditions of Austria. Significantly, this interest has also focused to a major extent on works aiming at attentive and differentiated psychological observation - be it in the literary field (especially authors like Joseph Roth, Arthur Schnitzler, or Robert Musil), or in the field of psychoanalysis. This surely also highlights the tendencies towards enhanced capacities of psychological insight and integration that underlie the decreasing propensities for paranoid enemy imagery⁴².

---

⁴¹ Silvio Furlani and Adam Wandruszka: *Österreich und Italien. Ein bilaterales Geschichtsbuch*. Vienna: Jugend & Volk, 1973. *Austria e Italia. Storia a due voci*. Bologna: Capelli, 1974. The direct influence of these works may have turned out to be relatively limited; nevertheless, their symbolic importance as a "sign of the times" should still be valued - in particular in the light of the fact that, whether or not directly determined by them, today's history textbooks in both countries clearly compare quite favorably to those in use even only three decades ago.

⁴² One well-informed Italian interviewee argued that in particular it was also the development of a much broader appreciation of *classical music* (gaining popular ground in Italy since the 1970s) that has contributed to a more positive perception of Austria.

Besides these increasing cultural interests that concern relative minorities (if certainly important minorities) in both countries, my interviews have revealed numerous other instances of positive discoveries regarding the lifestyles of the other country, or of personal encounters - made possible in particular through tourism - that even across the language barrier have often permitted a growing reciprocal familiarity and appreciation⁴³.

One of the most telling instances of this cultural appreciation is a conspicuous generational change in attitude towards the Italian lifestyle on the part of the German-speaking Tyroleans (north as well as south of the Austrian-Italian border). Whereas a very compact majority of the older generation used to reject almost unconditionally everything that represented Italian ways in one way or another⁴⁴, today's younger generation - or at least a vast majority - clearly perceives the geographical influx of Italian culture as a welcome enrichment; and the question of the national borders between North and South Tyrol for most of them is no longer a matter of concern.

One younger North Tyrolean interviewee, for example, even expressed her special appreciation for the border being where it is today - that is, at the Brenner Pass, further north and closer to home than it might be otherwise - calling it a "magical border," beyond which the fascinating realm of the South, of the wide and colorful Latin world already begins.

I am even tempted to interpret a common phenomenon in the Alpine border regions as a subliminal (if perhaps half-denied) attraction that the two cultures exert upon each other: the one, namely, that many people - especially in the more remote rural areas - refuse to speak (or refuse to learn) the language of the other - except for swearwords. If, on the face of it, this comes across as a rejection of the other ethnic group or culture⁴⁵, it may nonetheless also be the expression of a secret fascination: after all, swearwords often enough are the most direct and adequate expression of our deeper and more authentic feelings.

One interviewee, an elderly farmer in a remote South Tyrolean valley, specified that he and his family never speak Italian, swearwords aside, and deplored that in recent times so many people in South Tyrol were becoming less and less opposed to Italy; in particular, he added: "Nowadays, some people are even proud of having assimilated this smart Italian flair... Oh well, but we, here, don't have any Italian flair." In the emotional tone in which this was expressed, I intuited not only rejection but also some sad feeling about not having had much opportunity to assimilate some elements of that other culture that might also have been fascinating or enriching.

On the Italian side, one of the momentous features of recent development has been a popular wave of nostalgia for the old Habsburg empire. This set in roughly fifteen years

---

⁴³ This is of course not meant to deny certain alienating effects that tourism may also have and that were occasionally addressed by interviewees (albeit much less frequently than the instances of appreciation). What may also be significant in this context is that some interviewees, addressing alienating potentials in tourist encounters, indicate that in their experience these have been less striking in the case of Italians in Austria or Austrians in Italy than with other nationalities.

⁴⁴ A South Tyrolean from Bolzano (interviewed on the Austrian radio in 1986) recalled that when he was a boy and he or his friends bought something from a local Italian department store, they would have to hide their shopping bag in order to prevent South Tyroleans in the streets from reacting aggressively against such an act of "ethnic betrayal." ("Bolzano/ Bozen - Die Zwei-Städte-Stadt." Broadcast by the Austrian radio on December 13, 1986, as part of the program series *Diagonal*.)

⁴⁵ See, for one example, Michele Sartori: "Ecco i tre 'eroi' di Mühlwald, il paese più tedesco d'Italia." *l'Unità*, February 4, 1994. In this article, the mayor of "the most German village of Italy" (which counts only three ethnically Italian residents out of over 1400) is quoted as saying, "We, here, speak German; we curse, however, only in Italian." An Italian interviewee, commenting on this article, declared that he was "a bit stunned" ("un po' sbalordito") by the mayor's remarks.

ago, triggered perhaps in 1980 by the 200th anniversary of the death of the Austrian empress Maria-Theresia; on this occasion, the most important Italian daily newspaper, the *Corriere della Sera*, featured a big headline saying, "She is the one who invented the government in which things work" ("Fu lei a inventare lo stato che funziona")⁴⁶. Also starting around that time, Vienna became one of the most attractive travel destinations for Italians - who at times appear as if on a pilgrimage, searching their own roots in *Mitteleuropa* (as they visit those old palaces that to many of their grandparents - or even parents - once represented the incarnation of evil). This forcefully emerging attraction has also been conditioned by influential currents in Italian historiography and literary criticism - the latter initiated by Claudio Magris, the former stimulated in particular by the Turin school of Franco Venturi, and by the historians Franco Valsecchi, Angelo Filipuzzi (a long-time director of the Italian Cultural Institute in Vienna), among others.

To the extent that this wave of nostalgia also involves a balanced re-evaluation of the old Austria - that is, of its relative achievements as well as of its oppressive aspects - it can surely be interpreted in the direction of a genuine overcoming of the old demonizing contrast; to the extent, however, that this nostalgia is based on an idealization or mystification of the Habsburg era and the old Austria, it represents a rather doubtful and ambiguous aspect of the improved perceptions of Austria by Italians.

Since real-life experience teaches us that ideal (perfect) qualities or conditions are not ever to be found in the world, any idealizing imaginations must function to deny and repress negative and fearful perceptions (felt to be too threatening to be openly confronted).

This oppressive aspect beneath some exaggeratedly positive views of Austria is occasionally manifested in some images or feelings expressed by several Italian interviewees. One interviewee, for instance⁴⁷, looks at the impressive imperial architecture and monuments of Vienna in the light of his admiration for a higher degree of social organization. However, what in the flow of his associations then *also* comes to mind, are images of being very small, fearful and overwhelmed in front of some huge, powerfully commanding entity.

In comparable ways, a number of other interviewees - along with their admiration for a better-functioning order that they see realized in Austria (or Germany) - also associate this admiration with assumptions about its everyday life application that I for one would find at least mildly frightening. Thus, a typically recurrent idea about life in Austria that came up in several interviews is that whenever a person tosses a cigarette butt or a piece of paper onto the street (rather than into a trash can), he or she can be dead sure to get fined immediately by a policeman...

Regarding the perhaps still most significant stage of Italian-Austrian relations, the developments in South Tyrol/Alto Adige since the autonomy agreement of 1969, ethnic

---

⁴⁶ See Garms-Cornides, pp. 20-24. Earlier instances of such nostalgic reactions, however, can already be traced back to the period between the two World Wars - when disillusion about the nation-states that had inherited the collapsing Habsburg empire (e.g., about their oppressive policies against their new national minorities) induced numerous people to view a little more favorably the practice of multi-ethnic cohabitation under the old regime. One competent person to bear witness to this change in outlook is the former Irredentist Giani Stuparich, close friend of Slataper, who had once defined Austria "the antithesis of our soul" (and who was killed in World War I); in retrospect, Stuparich came to a surprisingly different conclusion, regarding some aspects of the old Austria - as he professed in 1948 in his book "Trieste nei miei ricordi": "I think that we have never been as close to a reciprocal understanding between European peoples, to the United States of Europe, than we were in those years preceding World War I." (Quoted in Claus Gatterer: *Über die Schwierigkeit, heute Südtiroler zu sein. Della difficoltà di essere sudtirolese oggi*. Selbstverlag Kontaktkomitee für's andere Tirol, 1981, p. 20 and p. 40.)

⁴⁷ The one whom I have characterized as a spiritual descendant of Settembrini.

relations have in general - in spite of moments of considerable tension - continued to foster viable intercultural cohabitation.

An Italian interviewee from Bolzano illustrated this with her intuitive observation that the long-standing cohabitation of ethnic groups in this region has led to the partial adoption of favorable character traits: the Italians, she said, have developed a little more sense of responsibility and discipline; the German-speaking South Tyroleans a little more sense for spontaneity and sociability⁴⁸.

A South Tyrolean interviewee from Brunico/Bruneck - after reporting numerous bitter personal experiences of forced Italianization under the fascist regime - still emphatically recognizes the right of the immigrant Italians to live in South Tyrol; by now, he explains, they have no other home, and after all, everybody must have the right to a home of their own.

Such statements are of course not to be misunderstood euphemistically; the potentials of tension should be taken seriously. But compared to their frequently traumatic past, today's situation represents a remarkable atmospheric progress - in spite of both absurd rules of ethnic separation⁴⁹ and the strong influence of political currents (on both sides) that are liable to foster nationalistic confrontations. Significantly, attempts by those political forces in South Tyrol to take advantage of the more acutely nationalistic climate in Europe since 1989 have so far failed.

It should also be mentioned that the number of mixed marriages has been steadily rising in recent decades; it currently accounts for about 8% of the population. This important development points to a forceful tendency towards intercultural understanding (especially considering the administrative, as well as social, obstacles that tend to discourage them)⁵⁰.

Up to now, little research has been done on this development, not least because it doesn't fit into the institutional framework created by the autonomy agreement (which demands the formal adherence of every person residing in the province to one ethnic group - a rather ludicrous requirement for children of mixed marriages). Since predominant political forces have built much of their influence by setting one ethnic group against the other, this development is likely to diminish their standing; hence, they are reluctant to fund research that would give it more visibility.

Nonetheless, the Swiss socio-linguist Daniela Weber-Egli⁵¹ has investigated questions of learning, proficiency, speaking habits, and subjective appreciation of the two languages (and of the regional dialect) in bilingual families. Yet her data also offers an occasion to address the larger issues of ethnic cohabitation and of bilingual families in

---

⁴⁸ From a psychoanalytic understanding, one could interpret this in the direction of a more viable compromise between the inner claims of Super-Ego and Id, that is, of a relative strengthening of the Ego.

⁴⁹ Which certainly constitute an aggravating aspect of the autonomy status and have also tentatively been described by some - in the vein of a polemic exaggeration - as a regime of "Apartheid in Central Europe." See Peter Bettelheim and Rudi Benedikter (eds.): *Apartheid in Mitteleuropa? Sprache und Sprachenpolitik in Südtirol/La lingua e la politica delle lingue nel Sudtirolo*. Vienna: Jugend & Volk, 1982.

⁵⁰ In addition, considering that the area of demographically sizable ethnic cohabitation is inhabited by roughly only half of the population of the province of Bolzano, it appears justified, for a more realistic picture, to double this percentage figure; that is, to conclude that in those parts of the province where the realistic option of mixed marriage concerns more than individual exceptions, almost one-sixth of the population are members of ethnically-mixed families.

⁵¹ Daniela Weber-Egli: *Gemischtsprachige Familien in Südtirol/ Alto Adige. Zweisprachigkeit und soziale Kontakte*. Merano: Alpha & Beta, 1992. See also Kurt Egger: *Zweisprachige Familien in Südtirol: Sprachgebrauch und Spracherziehung*. Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, German. Reihe, Vol. 27, 1985. [*Famiglie bilingui in Alto Adige. Educazione linguistica ed uso delle due lingue*. Bolzano: Assessorato all'Istruzione e Cultura in Lingua Italiana, 1986.]

South Tyrolean society. Whereas these families are in fact exposed to some degree of social and family friction due to their position at the dividing lines between ethnic groups, they indicated that on the whole, the advantages of their specific condition outweigh the disadvantages. In particular, there is a surprising reaction to one of the questions in Weber-Egli's questionnaire: when asked, "Where would you rather live, if you were obliged to leave the province of Bolzano?" many of the respondents were reluctant even hypothetically to consider living anywhere else, and almost 30% refused (or were unable) to indicate an alternative residence⁵². One may legitimately infer from this that most bilingual families are integrated fairly well into society - and by implication, that everyday life cohabitation between the ethnic groups is viably supported.

The interpretation of the interviews has permitted me to locate a series of elements that appear important in overcoming susceptibilities to demonize. In particular, what is manifested in various guises are approaches to grasp and discuss - if sometimes only in a rather vague manner - the contents of the traditionally hostile imagination in terms of one's own wishes, fears, or concerns.

Thus, for instance, some Austrian interviewees look at traditional Austrian aversions against the "undisciplined" Italian way of life also from the angle of their own (perhaps partially disowned) wishes (and fears) to indulge in more spontaneous, less duty-bound habits of life. According to one Austrian interviewee, "Certain people, in their remotest thoughts, perhaps feel envious towards these freer attitudes [of the Italians]. These people may say, 'Now, how can they really live like this? - taking each day as it comes, enjoying life'... sleeping at noon, keeping stores open and staying out late into the evening..." And while - as she formulates such thoughts - she especially has the attitudes of her parents' generation in mind, the wider context of her elucidations also suggests that at least in part she is expressing her own feelings.

In comparable ways, some Italian interviewees perceive traditional Italian aversions to "excessively disciplined" Austrian (and German) habits also in terms of their own wishes for (and fears of) social life conditions based on more reliable organization through more binding common responsibilities.

Such - at least tentative - openness that tolerates and permits self-recognition of conflicting claims, needs or perceptions, rather than rigidly projecting one side of the inner ambivalence onto other persons or groups "out there," is surely a decisive psychological precondition for a culture of dialogue. It diminishes the emotional need for self-righteous or paranoid rejection of out-groups and fosters the capacity to empathize with the points of view of others and to appreciate constructive elements in different ways of life.

Claudio Magris has a personal approach to public responsibility, which illustrates this inner openness. Giving an interview to the newspaper *la Repubblica* on the occasion of the 1994 Italian parliamentary elections, he addressed quite straightforwardly the conflictual coexistence of two parts of himself: one that is modeled on Joseph Roth's "Holy Drinker" and that represents his deep reluctance towards taking up the duty of public responsibility; and the other that is modeled on authors like Victor Hugo or Émile Zola and that represents his moral urge to contribute his energies and competence to public efforts and confrontations necessary to foster a democratic culture. "The two dimensions within myself are in perpetual conflict with each other.... And every time

---

⁵² Weber-Egli, pp. 86-88.

when I feel that I must give priority to the ethical-political pole - the price I have to pay for this, I feel, is very high..."⁵³

It is not least through acknowledging the degree of contrast between different inner claims that both can be given their due attention, and thus greater leeway be gained to handle inner and outer conflicts, to judge them in a balanced way, and to locate even under adverse circumstances, constructive potentials for confrontation.

In the sense of such increasing emotional openness, it is consistent if various interviewees oppose sweeping or undifferentiated accusations of "collective historical guilt" towards entire national communities and if most tend to ascribe decreasing importance to national borders that not so long ago were still hotly contested. Several interviewees, looking beyond the decline of the traditional contrasts between the two countries, have spontaneously addressed the larger issue of the common destiny of all nations, of our entire human civilization.

What, then, can encourage such psychological preconditions for a culture of dialogue? Assuming that the demonization of (national, ethnic, or other) out-groups serves a strong need to keep deep inner fears in check, it is essential to address those fears and their roots in adequate ways. From the rigidity with which prejudiced persons usually stick to their prejudices, one can infer traumatic origins - that is, overwhelmingly threatening situations in early life that have left lasting emotional wounds as well as deeply-rooted feelings of guilt and shame (which have to be denied and projected onto "outside objects" in order to be less distressing). Overcoming, or at least decreasing, such predispositions therefore requires more openness in at least two directions: On the one hand, towards confronting traumatic conditions of childhood - be it in a preventive sense, or else of a growing capacity to come to terms with their after-effects; and on the other hand, towards respecting the deep fears that underlie needs to demonize out-groups - not aggravating them through mere moralistic condemnation; that is, through a "demonization of the demonizers."

In the light of these closing considerations, it may also be inferred that the decline of the formerly hostile imagination between Italy and Austria is not least also due to partial improvements in both societies of the psychological conditions under which children are growing up. This assumption implies that *on average* (allowing also for considerable deviations in society-at-large), there has been a longer-term tendency in care-giving towards more empathy with the emotional needs and reactions of children - and thus, towards reducing the impact of conflicts or distress in early development. To the extent that these conflicts are not overwhelming (traumatic), they do not have to be denied ("split off"); they can be integrated - accepted as a part of one's own inner reality. The more such psychological integration succeeds, the less the irrational need of having enemies "out there" - be it in nationalistic or other terms.

Х.Ф. Туссен

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ПАРОЛЬ В ЛИТЕРАТУРЕ КАНАДСКИХ МЕННОНИТОВ*

Примерно на протяжении последнего десятилетия некоторые видные направления современной Канадской литературы привлекли к себе столько же

⁵³ See Anna Maria Mori: "Magris: 'Io, politico soltanto per dovere...'", *la Repubblica*, March 8, 1994.

* Редакторы сборника благодарят Автора и журнал «Исследования канадской литературы» за разрешение на перевод и издание статьи. Сокращенный перевод с английского Н.Н. Михалевой. Оригинал: Hildi Froese Tiessen, *Mother tongue as shibboleth in the Literature of Canadian Mennonites // Studies in Canadian Literature*. - 1988. - Vol. 13. - No 2.

внимания, сколько и коллективная работа отечественных этнических писателей, среди которых некоторые пользуются сейчас таким же влиянием как меннониты. Кроме того, в то время как писатели-меннониты такие как Руди Вибе, Армин Вибе, Патрик Фризен, Сандра Бердшел, Дэвид Уолтнер-Теуз, Ди Брандт и другие, упорно продолжают манеру письма меннонитов, характерную для своего общества с невысоким уровнем культуры, по сравнению с меннонитами они действуют как аутсайдеры: подобно вездесущему и угрожающему образу чужестранца в своих же собственных литературных произведениях, они отдельно или совместно стремятся воплотить свойственные им общественные и религиозные модели проповеди и таким образом в результате значительно способствовать устранению традиционных барьеров в этосе, языке и вере, что в свою очередь на протяжении 400 лет держало сообщество меннонитов явно изолированным от мирового сообщества.

Однако даже когда эти писатели воплощают (и, таким образом, по-видимому, угрожают и даже разрушают) обычаи и ритуалы, которые сохраняют многовековую идентичность меннонитов как «людей в отчуждении», многие из них используют лингвистические приемы для того, чтобы поддержать особую культуру меннонитов, которая характеризуется утверждением инсайдеров и подозрением аутсайдеров. Действительно, в результате постоянного (на самом деле значительного) использования лингвистического приема, который часто только «инсайдеры» в состоянии понять – используя родной язык (немецкий и особенно нижний немецкий диалект) – эти писатели поддерживают и возможно даже распространяют барьеры, которые отделяют культуру меннонитов от существующего общественного порядка.

Я думаю, имеет смысл начать дискуссию о родном языке как о тайном пароле – как определяющем слове или пароле, отличающем одну группу людей от другой – кратко ссылаясь на богословские понятия, лежащие в основе обязательства меннонитов жить отдельно, и отмечая роль нижнего немецкого и немецкого диалекта как традиционных методов утверждения и сохранения отчужденности общества от остального мира. Место, с которого следует начать – XVI век, десятилетие спустя после «95-ти тезисов» Мартина Лютера, в первые годы протестантской реформы. В 1527 г. в Шлейсгейме и Швейцарии лидеры анабаптистов и радикальное крыло Реформации, достигли консенсуса по «7-ми пунктам веры», которые заложили систему и основу их движения¹. Четвертый пункт связан с отделением общества верующих от остального мира: все, что не было связано с нашей верой в Христа – ничто, но мерзость, которой мы должны остерегаться... Исходя из всего этого, мы должны быть отделены...²

Вера в отчуждение от мира, сформулированная в первые годы Реформации, продолжала формировать опыт и самоопределение анабаптистов, когда движение разрослось на протяжении следующих четырех столетий, и его сторонники распространились географически, спасаясь бегством от преследования, влекомые будущим новым отечеством, которое пообещает им религиозные свободы. Эта группа анабаптистских реформаторов, известная как меннониты (по имени одного из своих лидеров - бывшего голландского священника Менно Симонса), были представлены двумя основными течениями сторонников: первое – южное немецко-швейцарское, и второе (которое интересует нас здесь) – северное немецко-

¹ Gross L. Introduction // The Schleithem Confession / ed. and trans. John H. Yoder. - Kitchener, 1973. - P. 3 - 4.

² The Schleithem Confession / ed. and trans. John H. Yoder. - Kitchener, 1973. - P. 12.

голландское. Последователи голландских Меннонитов в своих попытках спастись от гонений в Нидерландах в XVI в., бежали в Пруссию (где они начали расселяться в дельте р. Вистула примерно в середине 1500 гг., и распространили использование нижнего прусского диалекта). В то же время они продолжали использовать свой родной язык – голландский – «как язык богослужения, летописи и письма» вплоть до XVIII в., «когда голландский уступил место нижнему немецкому диалекту»³.

Меннониты, которые являются предшественниками Руди Вибе и Патрика Фризена, по-видимому, не остались в дельте р. Вистула (в регионе, где позже был основан прусский город Данциг), а начали мигрировать снова приблизительно в конце XVIII в. По приглашению русской императрицы Екатерины II они основали процветающее аграрное государство (состоящее из 400 деревень с общим населением приблизительно 100 тыс. чел.) в степях Украины. Здесь их отчужденный жизненный путь (где языком проповеди оставался нижний немецкий диалект и немецкий) позволил им жить комфортно, действительно процветать до тех пор, пока их изолированные и уязвимые поселения не подверглись угрозе, сначала со стороны русификации 1870 г., затем со стороны жестокой революции, а потом личный и общественный хаос возник в результате коллективизации нового коммунистического государства в 1920-е гг. Снова бежав со своей признанной родины, многие из них нашли убежище в Северной Америке, где огромный контингент меннонитов-иммигрантов расселился в две волны иммиграции в Канадских степях в 1870-е и 1920-е гг. В настоящее время из 600 тыс. практикующих меннонитов в мире 60 тыс. живут в Манитобе. «Из них, по крайней мере, 26 тыс. живут в Виннипеге – самое огромное средоточие меннонитов в мире»⁴.

Высокий ныне существующий уровень литературной деятельности среди канадских меннонитов сменяет столетия, в течение которых у этих людей фактически не было своей собственной литературы. Их история миграции, также как и их пуританская склонность к искусству (к любой форме украшения), подозрение в факции (которая, в конце концов, составляла неприемлемую практику вранья), и их государство, изолированное от культурной деятельности других Европейцев, предотвращало появление любого вида обманной творческой традиции среди этих людей до середины 1800-х гг., когда меннониты испытали в России отмеченный рост уровня образования и культурной софистики в своих поселениях. (В большей степени это «культурное пробуждение» произошло в результате процветания, которое позволило некоторым интеллектуально способным мужчинам среди русских меннонитов, говорящих на немецком языке, обучаться за границей, и, таким образом, избавиться от своего культурно ограниченного окружения, и, как следствие, возвратившись в свои колонии, привить своим людям некоторые культурные обычаи и интерес к основным европейским традициям.)

В настоящий момент мы можем установить, как литература канадских меннонитов зародилась в русских колониях на смене веков – этот период был назван «Золотым веком» государства русских меннонитов. Добившись некоторого потенциала, но еще не вполне обученное, население русских меннонитов, в

³ Reuben E. Plautdietsch: *Origins, Development and State of the Mennonite Low German Language* / E. Reuben // *Journal of Mennonite Studies*. - Vol. 5. - 1987. - P. 65.

⁴ Reimer A. *A Sackful of Plautdietsch: A Collection of Mennonite Low German Stories and Poems* / A. Reimer. - Winnipeg, 1983. - P. 13.

частности Джакоб Х. Джанзен (который поселится в Канаде в 1924 г. и продолжит писать) вместе с некоторыми своими коллегами, которые, так же как и он склоняются к литературе, начал сочинять и публиковать поэзию, прозу и драму (как на одном, так и на обоих родных языках) в период до революции. Другой канадский меннонит-иммигрант, русский по происхождению, сначала воодушевленный Джанзенем, а позже влиятельным канадским меннонитом писателем и культурным импресарио, Арнольдом Дюком, неутомимо работал на протяжении 1940-х гг., обучая Общество Канадских Меннонитов литературным и культурным традициям. Джанзен и Дюк писали на своих родных языках: немецком (меннонитский официальный язык религии и образования) и нижнем немецком диалекте (рабочий язык и язык деревенской жизни, внутренний язык семьи и друзей).

Сначала они использовали голландский язык перед тем как перейти на нижненемецкий в Пруссии, затем они использовали прусский нижний немецкий диалект в Данциге, где говорили на нижнем немецком диалекте, и, в конце концов, они использовали нижний немецкий и верхний немецкий диалекты как барьер между национальными языками в России и в Северной Америке⁵.

Немецкий и нижний немецкий диалекты оставались языками меннонитской литературы в Канаде в 1940-е гг. Только лишь в 1962 г. с момента публикации МакКлелландом и Стюартом «Мир должен разрушить многое» работа канадского меннонита о фикции появилась на английском языке. Фурор, который последовал после его публикации (результатом чего стало неофициальное, но жестокое отстранение Вибе от общества и его последующее движение к временному прибежищу в США) продемонстрировал степень, в которой меннониты желали оставаться – даже в Канаде в 1960-е гг., где многие из них уже занимали видные позиции в бизнесе, образовании и в профессиональной деятельности – люди отделялись от преобладающей канадской культуры. Так, Вибе будут критиковать его же собственные люди; он будет писать на английском языке и публиковаться в самом известном издательстве, и, таким образом, выставлять эти частные отношения между людьми напоказ. С тех пор как эти люди пишут на английском языке, они, очевидно, уже заменили или устранили языковой барьер, который на протяжении долгого времени был неотъемлемой частью преобладающего этоса.

Кроме того, в своем все менее сдержанном применении родного языка в качестве лингвистического средства на протяжении последнего десятилетия, они обнаружили противоречивость по отношению к «языковой проблеме». Динамичные конфликты в сознании писателей, которые возводят системы своей культуры на первый план, а также которые стремятся вызвать воспоминания (не всегда ностальгические) об увядающем этосе, фокусируют свое внимание на представлении противоречивости, как в «Конце поэмы» Патрика Фризена.

В данной статье уже утверждалось, что канадские этнические группы стали настолько же значительны в основном течении канадской литературы, как и меннониты. Андреас Шредер и Руди Вибе возглавили самый влиятельный Союз Писателей в Канаде; Сандра Бердшел, Патрик Фризен, Армин Вибе и Виктор Жарретт Эннс были основными исполняющими членами Союза Писателей в Манитобе (Эннс собирался стать исполнительным директором Гильдии Писателей в Саскачеван); Патрик Фризен и Ди Брандт были исполняющими членами Лиги

⁵ Jaquith J.R. The German Language, Culture and the Faith, presented to the Symposium "Dynamics of Faith and Culture in Mennonite Brethren History," Winnipeg, 14-15 Nov. 1986: unpublished.

Канадских Поэтов; Руди Вибе выиграл правительственную награду (Луи Браун был в списке кандидатов на присуждение награды в 1987 г., Ди Брандт в 1988 г.); Сандра Бердшел была избрана национальной комиссией как одна из десяти лучших канадских писателей пост-атвудского поколения и т.д. Так как они неотступно стремились к основному течению, многие из этих писателей- меннонитов включили родной язык в свою работу таким образом, что он действует как пароль, устанавливающий границы между членами общества и аутсайдерами. Использование немецкого и нижнего немецкого диалекта в современной канадской литературе меннонитов обширно. Руди Вибе использует немецкие фразы чтобы вызвать воспоминания о репрессивной набожности, например, в произведении Якоба Фризен в «Голубых горах Китая», или воспоминания о неукротимом романтизме Дэвида Эппа. Армин Вибе использует слова, фразы, эпитеты и синтаксис нижнего немецкого диалекта в своей юмористической поэме «Спасение Яша Сименса», чтобы рассказать о примитивной, иногда непристойной жизни Яша, деревенского мужлана. Патрик Фризен и Дэвид Уолтнер-Теуз свободно используют немецкий в своей поэзии, так же как и Одри Поуткер, которая позаимствовала у обоих меннонитов родной язык, чтобы достичь своеобразия в своей работе.

Конечно, для этнических писателей стало привычным употребление некоторых слов на своем родном языке в их литературных произведениях. Но это применение имеет особое значение среди меннонитов, где язык обычно использовался для того, чтобы вызвать отчуждение от мира. В связи с быстрой дезинтеграцией этоса в традиционном обществе канадских меннонитов и соответствующей утратой использования немецкого и нижнего немецкого диалекта, родной язык в литературе английских меннонитов функционирует как пароль, как символ, определяющий границы опыта канадских меннонитов.

Родной язык как источник резонанса для инсайдера используется многими современными писателями меннонитами, чтобы реорганизовать этос, культурную и религиозную структуру мира меннонитов, который больше не существует как общество, отделенное от остального мира. На протяжении 400 лет родной язык функционировал как прикрытие для меннонитов, которые дали обязательство существовать отдельно, как отчужденные люди. Сейчас, когда мир меннонитов становится все более распространенным, его литературные творцы вызывают воспоминания о прошлом мире при помощи слов и синтаксиса немецкого и нижнего немецкого диалектов. Чего бы эти авторы ни надеялись достичь посредством использования родного языка, результатом является разделение аудитории на инсайдера и аутсайдера, и таким образом как результат, переустройство барьеров, отделяющих традиционный опыт меннонитов от мирового. Позволить родному языку найти свое место внутри английской проповеди для меннонитских авторов – значит подтвердить саму эксклюзивную культуру, поэтому многие из них против этого. Это почти как будто добившись неограниченного доступа к желаемому основному Канадскому течению, писатели меннониты, которые используют свой родной язык просто хотят доказать этим, что они разные.

Peter Thaler

“GERMANS” AND “AUSTRIANS” IN WORLD WAR II: MILITARY HISTORY AND NATIONAL IDENTITY*

The concept of Austrian nationhood played a central role in the public discourse of postwar Austria. Unlike its interwar predecessor, which was characterized by doubts about its purpose and viability and by persistent calls for closer affiliation with Germany, Austria's Second Republic rested in itself and emphasized its distinction from its northwestern neighbor. Increasingly, this distinction was formulated in explicitly national terms: Austrian national identity was to be based on a unique national tradition.

Whereas the existence of an Austrian national identity soon became widely accepted, there arose a lively debate about its origins¹. Some authors traced Austrian distinctiveness back to the *privilegium minus* in 1156; others proposed more recent events, such as the dissolution of the Holy Roman Empire in 1806 or the German Confederation in 1866². Scholars and publicists debated whether the Austrians had once been part of a wider German political structure or had always formed a separate entity with only peripheral ties to other German-speaking regions³. Much of this discussion centered on the nature of the Holy Roman Empire, whose highly decentralized nature differed in fundamental respects from the conditions found in such Western European kingdoms as England and France.

This diversity of opinion with regard to earlier periods of history did not extend to the interpretation of World War II, however. For much of the postwar era, the wartime identity—and consequently, the wartime experience—of the Austrians was seen as clearly demarcated from the general German pattern. In the immediate aftermath of the war, this differentiation relied predominately on long-term images. References to Austrian resistance against German domination during World War II were commonplace, but they were rooted in an *a priori* standpoint: since the Austrians had never been Germans, or had ceased to be Germans long ago, they naturally rejected incorporation into Germany and resisted this foreign rule to the best of their ability⁴.

With the passage of time, the history of World War II itself assumed a larger role in the intellectual genesis of Austro-nationalism. Several prominent historians designated

---

* Редакция благодарит Автора и Центр Австрийских исследований за разрешение на издание статьи в настоящем сборнике.

¹ The mass psychology of this nation-building process, which advanced considerably but also encountered resistance, falls outside the scope of this essay. It is examined in my ongoing research project tentatively titled "The Ambivalence of Identity."

² See, *inter alia*, Ernst Görlich, *Handbuch des Österreichers* (Vienna, 1949), advancing the *privilegium minus*; Felix Kreissler, *Der Österreicher und seine Nation* (Vienna, 1984), stressing 1806. The prominent Viennese historian Erika Weinzierl argued that "the time when Austrian history also was German history ended, at the latest, with the defeat at Königgrätz and Austria's departure from the German Confederation." Erika Weinzierl, "Österreichische Nation und österreichisches Nationalbewußtsein," *Zeitgeschichte* 17 (Oct. 1989), 46.

³ The demarcation from German history was particularly strong in the early years of the Second Republic and in popular historiography; one might want to compare early popular contributions such as Wilhelm Böhm's *Ein Wort für Österreich* (Vienna, 1950) with Ernst Bruckmüller's much more differentiating *Nation Österreich*, 2d ed. (Vienna, 1996).

⁴ This view was official public policy from the very beginning of the Second Republic; it had a prominent place in the country's Declaration of Independence. *Proklamation über die Selbständigkeit Österreichs*, Staatsgesetzblatt für die Republik Österreich 1945, Stück 1, Nr. 1.

Austria's resistance to German occupation as *the* crucial element of Austrian nation-formation. Felix Kreissler developed a theory of Austrian national self-realization out of an analysis of Austrian behavior during World War II⁵. Karl Stadler introduced his study of wartime internal security reports with the assessment that the war years brought increasing hostility against the "German foreigners" and concluded: In that sense, the struggle of the Austrian worker against the exploiter, of the Austrian farmer against the enemies of religion, and of the bourgeoisie against the usurpers from the Reich also represented a *national war of liberation*⁶.

In recent years, however, the historical image presented in these studies has come under increasing scrutiny. Following the election of Kurt Waldheim to the Austrian presidency, in particular, international observers began to suggest that Austrian interpretations of the country's wartime history had not always backed up their firm conclusions with equally persuasive empirical evidence⁷.

In this essay, the thesis that the conduct of the Austrian population during World War II demonstrates their national distinctiveness will be put to the test. The essay does not attempt a comprehensive examination of the war years, but focuses on select numerically verifiable aspects. As its principal measure, it relies on the largest quantifiable population sample available—the approximately 1.2 million Austrians who served in the German armed forces. To assess the relative commitment to the German national state and its war effort, the study then contrasts the conduct of German military personnel from Germany proper, from Austria, and from select regions outside Germany that had come under German control during the war, such as Alsace and Luxembourg. The similarities and contrasts in military conduct that can be discerned between these groups represent valuable indicators of relative commitment to the German nation-state and its war effort.

The debate about Austrian identity during World War II forms part of the larger debate about the nature and the origins of Austrian national identity. When the Republic of Austria was reestablished from the ruins of the Third Reich in the final days of World War II, its new political leadership immediately began to stress the country's long tradition of cultural and political autonomy⁸. The scholarly examination of Austrian national identity, by contrast, had a slower start. It must be remembered that Austrian historiography had been in the forefront of Germanist sentiment, and the historians of interwar Austria had seen their preeminent task in documenting Austria's contribution to the history and development of the wider German nation⁹. During the 1950s and 1960s, a

---

⁵ Felix Kreissler, *Der Österreicher und seine Nation* (Vienna, 1984). The study first appeared in French as *La prise de conscience de la nation autrichienne 1938 - 1945 - 1978* (Paris, 1980).

⁶ See, among others, Evan Burr Bukey, "Nazi Rule in Germany," *Austrian History Yearbook XXIII* (1992): 207; and Harry Ritter "Austria and the Struggle for German Identity," Working Papers in Austrian Studies 92-8 (Oct. 1992), 2. In Austria, one might want to consult Gerhard Botz's, "Eine deutsche Geschichte 1938 bis 1945? Österreichische Geschichte zwischen Exil, Widerstand und Verstrickung," *Zeitgeschichte* 14:1 (1986): 19-38. An important discussion of the victim theory, which forms part of this debate, is Heidemarie Uhl's *Zwischen Versöhnung und Verstörung: Eine Kontroverse um Österreichs historische Identität fünfzig Jahre nach dem "Anschluß"* (Vienna, 1992).

⁷ See Hanns Haas, "Zur österreichischen Nation - Eine Spätlese," *Zeitgeschichte* 18 (1990/91): 305.

⁸ In this essay, the terms "Germanist" and "Austrianist" describe the two competing identity conceptions in Austria. The Germanist conception views Austrian identity as part of a larger German identity, however defined, whereas its Austrianist counterpart rejects the affiliation of Austrian with any form of German identity.

⁹ In the 1950s, one of the more engaged discussions of this topic occurred in the December 1955 issue of the Austrian journal *Forum*; in the 1960s, *Die Österreichische Nation: Zwischen zwei Nationalismen* collected the contributions of a number of dedicated Austrianists into a larger picture. Albert Massiczek, ed., *Die Österreichische Nation: Zwischen zwei Nationalismen* (Vienna, 1967).

number of popular histories of Austrian national identity appeared, and academics examined the issue in a series of essays¹⁰. It took several decades, however, before Austrian scholars began to interpret Austria's national identity in major monographs. Some of the central works appeared within a fairly brief period in the early 1980s¹¹.

In 1980, the native Austrian Felix Kreissler, professor of history in Rouen, France, published his *La prise de conscience de la nation autrichienne, 1938-1945-1978*¹². In this study, Kreissler traced the development of an Austrian nation back to the proclamation of the Austrian Empire in 1804, but especially emphasized the time period between 1938 and 1945. Through resistance to German occupation, Austrian national consciousness became complete. In this assessment, Kreissler is in agreement with the thesis put forward by the Anglo-Austrian historian Karl Stadler, who as early as 1966 had referred to a national struggle for liberation that had taken place in wartime Austria¹³. In a very personally engaged contribution, the cultural historian Friedrich Heer synthesized his lifelong research on Austrian intellectual traditions in his monumental *Der Kampf um die österreichische Identität*¹⁴. Hardly incidentally, the title echoed the prewar liberal historian—and journalist Heinrich Friedjung's influential *Der Kampf um die Vorherrschaft in Deutschland*, which had described Austria's ultimately unsuccessful struggle for predominance in nineteenth-century Germany from a distinctly Germanist perspective¹⁵. Heer juxtaposed a baroque, Counter-Reformational Austrianist culture with its Protestant or anticlerical, German-oriented counterpart, which had its strongholds in areas that had withstood the Counter-Reformation to the largest degree. Heer portrayed Austrian identity as less secure than that of other European countries and reproached prior Austrian governments for not having worked harder on implanting a uniquely Austrian national consciousness.

In his two-volume work *Österreich Zweite Republik*, Georg Wagner, academic historian and director of the *Austriaca* collection at the Austrian National Library, presented extensive source material from both early and recent Austrian history to document the existence of a distinct Austrian nation¹⁶. Wagner saw Austrian continuities dating back 2000 years to the Celtic state of Noricum, but especially to the Habsburg hereditary lands as they developed in the eastern Alps around 1500. He interpreted Austria as a *Bundes-Nation* and defined this concept as situated halfway between a cultural nation and a political nation¹⁷.

¹⁰ This historiographical introduction focuses on major monographs written by postwar historians. There are numerous shorter contributions to the discussion, as well as a number of interesting book-length treatises by political scientists. The most significant ones are Peter Katzenstein's *Disjoined Partners: Austria and Germany since 1815* (Berkeley, 1976), and William Bluhm's *Building an Austrian Nation* (New Haven, Conn., 1973). The various contributions by the Austrian political scientist Albert Reiterer, particularly his essay "Die conservative Chance: Österreichbewußtsein im bürgerlichen Lager nach 1945," *Zeitgeschichte* 14 (1986/87): 379-397 and the edited volume *Nation und Nationalbewußtsein in Österreich* (Vienna, 1988) are indispensable reading as well. Interesting data can also be found in the recently published study *Identität und Nationalstolz der Österreicher*, ed. Max Haller (Vienna, 1996).

¹¹ Felix Kreissler, *La prise de conscience de la nation autrichienne, 1938-1945-1978*, 2 vols. (Paris, 1980).

¹² Karl Stadler, *Österreich 1938-1945* (Vienna, 1966).

¹³ Friedrich Heer, *Der Kampf um die österreichische Identität* (Vienna, 1981).

¹⁴ Heinrich Friedjung, *Der Kampf um die Vorherrschaft in Deutschland 1859-1866*, 2 vols. (Stuttgart, 1897/98). An abbreviated English translation of Friedjung's work appeared in London in 1935 under the title *The Struggle for Supremacy in Germany 1859-1866*.

¹⁵ Georg Wagner, *Österreich Zweite Republik*, 2 vols. (Thaur/Tirol, Austria, 1983-87).

¹⁶ *Ibid.*, I:540.

¹⁷ Ernst Bruckmüller, *Nation Österreich* (Vienna, 1984), 221. Italics in the original. Bruckmüller's book was the last major contribution to the Austrian nation-building debate before the Waldheim presidency, which gave the international renown of Austrian politicians a somewhat different connotation. (A second, enlarged edition of *Nation*

Finally, the Viennese social historian Ernst Bruckmüller approached the topic from a more contemporary angle in his study *Nation Österreich*. Consistent with his own scholarly orientation, Bruckmüller developed a social history of Austrian nationhood. Although he traced elements of Austrian identity through modern history and stressed the role of the individual provinces in the creation of the Austrian sense of self, Bruckmüller saw popular participation in public affairs as the centerpiece of consciousness formation. This Austrian national consciousness based on popular participation arose after 1945: In the case of Austria, it appears that the history since 1945 with the *success of reconstruction*, the achievement of the *State Treaty*, and a certain international renown of a number of Austrian top politicians...became the consciousness-forming phase of national participation¹⁸.

While clearly dominant in the Austrian debate, this national historiography has also encountered criticism. In 1978, the late doyen of West German historiography, Karl Dietrich Erdmann, sparked a lively discussion when he included twentieth-century Austrian history in the «Handbook of German History" and insisted that it would be fruitless to exclude Austria from the German historical context. Erdmann subsequently developed his views more extensively in his essay *Die Spur Österreichs in der deutschen Geschichte*, which traced out the contours of German historical development in light of its Austrian components¹⁹. He was immediately challenged by Austrian historians; the debate that ensued has been termed the Austrian *Historikerstreit*, borrowing a term from the West German historical debate of the 1980s. Most prominent among Erdmann's critics was the Viennese historian Gerald Stourzh, best known for his research on the State Treaty of Vienna, who accused Erdmann of using the year 1938 as the norm for judging prior and subsequent historical developments²⁰. Stourzh was supported by most of his Austrian colleagues; one of the few Austrian scholars who openly welcomed Erdmann's contributions was the respected Salzburg historian Fritz Fellner²¹. Fellner stressed that diversity, not homogeneity, had been the hallmark of German history and underscored the eminent analytical importance of Austrian developments in the understanding of this traditional German polycephality. In Fellner's view, this wider, more nuanced, concept of German history forms an alternative to the more restricted, state-centered definitions of both Prusso-German and Austro-nationalist historiography²².

Österreich was published in 1996). Next to these large-scale monographs that examine Austrian identity in a broad fashion, there are, of course, more specialized studies that examine or illuminate certain aspects of this identity (and its relationship to other ones), such as Norbert Schausberger's *Der Griff nach Österreich: Der Anschluss* (Vienna, 1978). See also note 11 above.

¹⁸ Karl Dietrich Erdmann, *Die Spur Österreichs in der deutschen Geschichte* (Zürich, 1989).

¹⁹ Gerald Stourzh, *Vom Reich zur Republik* (Vienna, 1990), 54.

²⁰ Fritz Fellner, "The Problem of the Austrian Nation after 1945," *The Journal of Modern History* 60 (June 1988): 264-289.

²¹ Erdmann's and Fellner's findings were subsequently taken up by the American historian Harry Ritter. [Harry Ritter, "Austria and the Struggle for German Identity," published in the *Working Papers in Austrian Studies* series as issue 92-8 (October, 1992) and in a special issue of the *German Studies Review* (Winter 1992).] In particular, Ritter saw their constructive value in their encouragement of systematic comparative studies of Central European history, in their challenge to a narrowly *kleindeutsch* interpretation of German history, and in their contribution to a self-critical and truthful assessment of Austrian history and identity. David Luft, from his standpoint as a cultural and intellectual historian, placed Austria firmly inside a polycentric German cultural realm as well. [David Luft, "Austria as a Region of German Culture: 1900-1938," *Austrian History Yearbook* XXIII (1992): 135-148.]

²² Botz addressed the issue head on in his important essay "Eine deutsche Geschichte 1938 bis 1945? Österreichische Geschichte zwischen Exil, Widerstand und Verstrickung," *Zeitgeschichte* 14:1 (1986): 19-38; Ernst Hanisch examined the topic in essays on provincial Austria during World War II and most recently again in segments of his study, *Der lange Schatten des Staates* (Vienna, 1994), a social history of twentieth-century Austria. As an indicator of the emotional sensibilities that surround this issue, one might want to consult the reaction to

Although one school of contemporary Austrian historians, among whose foremost representatives Gerhard Botz and Ernst Hanisch might be mentioned, has become increasingly willing to question fundamental parameters of postwar Austrian historiography, the type of broad approach to Austrian history favored by Fellner and a number of international scholars remains controversial²³.

Austrian attitudes during World War II represent a particularly important analytical aspect of this historical debate. After all, the conclusion that Austrians had never felt any affiliation with Germany or had separated from any remaining German connections in 1156, 1806, or 1866 would be less persuasive if they could be fully integrated into German political and military structures as late as the 1940s. As it immediately precedes the Second Republic, the time period of Austria's incorporation into Germany, and particularly Austrian popular response to it, also affects the assessment of earlier eras.

When German troops moved into Austria in March 1938, the concept of separate Austrian statehood seemed destined to become little more than a historic memory. In the eyes of much of the world, 1938 only appeared to fulfill what the Austrians had demanded in 1918. After the collapse of the Habsburg monarchy in the final stages of World War I, the German core of this multinational power declared its accession to Germany. On November 12, 1918, its Provisional National Assembly proclaimed the Republic of German-Austria and resolved:

Article 1

German-Austria is a democratic republic. All public authority is derived from the people.

Article 2

German-Austria is a constituent part of the German Republic. Particular statutes determine the participation of German-Austria in the legislature and the administration of the German Republic as well as the extension of German laws and institutions into German-Austria²⁴. The Peace Treaty of Saint Germain obligated the Austrians to forego unification with Germany and to drop the modifier German from their country's territorial designation. It were Austro- German relations more than anything else that guided the formulation of Article 88:

Article 88

The independence of Austria is inalienable otherwise than with the consent of the Council of the League of Nations. Consequently Austria undertakes in the absence of the

---

Harry Ritter's article "Austria and the Struggle for German Identity" that three younger Austrian scholars published in the *German Studies Review*. [Margarete Grandner, Gernot Heiss, and Oliver Rathkolb, "Österreich und seine deutsche Identität. Bemerkungen zu Harry Ritters Aufsatz "Austria and the Struggle for German Identity," *German Studies Review* 16:3 (October 1993): 515-520.]

²³ Gesetz vom 12. November 1918 über die Staats- und Regierungsform von Deutschösterreich, Staatsgesetzblatt für den Staat Deutschösterreich 1918, Stück 1, Nummer 5.

²⁴ Fred Israel, ed., *Major Peace Treaties of Modern History, 1648-1967* (New York, 1967), III:1567. The development of Allied opinion on the Anschluss question is an interesting story in itself. It was mainly French insistence that ultimately decided the matter. In 1918, the British Political Intelligence Department still assessed the situation created for the German Austrians by the disintegration of the Habsburg Monarchy in these terms: "We cannot exterminate the Austrian Germans; we cannot make them cease to feel Germans [sic]. They are bound to be somewhere. Nothing would be gained by compelling them to lead an existence separate from that of Germany. Such enforced separation would merely stimulate German nationalism, but could not prevent cooperation between the two branches nor their final reunion. Lastly, the inclusion of German Austria in Germany is not altogether disadvantageous from our point of view; it would restore the balance between the Catholic south and the Protestant north, and help to check Prussianism in Germany. The idea of preventing the Austrian Germans from joining Germany, even if both parties concerned wish it, has therefore to be dismissed both on grounds of principle and of expediency." [F.L. Carsten, *The First Austrian Republic, 1918-1938* (Aldershot, England, 1986), 6.]

consent of the said Council to abstain from any act which might directly or indirectly or by any means whatever compromise her independence, particularly, and until her admission to membership of the League of Nations, by participation in the affairs of another Power²⁵.

Similar to the arrangement established for the Free City of Danzig, Austria's relationship to Germany was placed under the supervision of the League of Nations. Initially, the democratic leaders of the First Republic continued to harbor hopes for an eventual unification with Germany. Hitler's rise to power created a fundamentally different political environment, however, and in 1938, Austria was not incorporated into democratic Weimar Germany but into a National Socialist one-party state. In spite of these altered circumstances, the *fait accompli* of March 1938 encountered little resistance at home or abroad²⁶.

It took the international desire to weaken Germany following its expected defeat in World War II to return the Austrian question to the forum of international policy-making. Having largely accepted Austria's incorporation into Germany at the time it occurred, the Western powers subsequently struggled to develop a program for Austria's postwar future. Initially, reestablishing the interwar republic held only limited appeal for Allied policy planners. The continued integration with a democratized Germany bereft of its Prussian eastern provinces, or, alternatively, an association with southern German states in a South German confederation or with select regions of the former Habsburg Empire in a Southeast European confederation remained serious policy options in Allied strategic planning. As Robert H. Keyserlingk has shown, the Moscow Declaration, which in 1943 proposed recreating an independent Austrian republic, was conceived by its authors predominately as an element of psychological warfare aimed at creating dissent within the German war effort by offering special incentives to the Austrians who participated in it²⁷. The declaration failed to achieve its military goals, and it was not intended as an actual policy statement. In the context of the Cold War, however, it could subsequently strengthen Austrian demands for a withdrawal of the Allied forces of occupation²⁸.

The Austrian perception of the country's World War II experience, particularly among postwar generations, was heavily influenced by the publication of personal memoirs and of German police reports that indicate the growth of discontent with the

---

²⁵ The history and prehistory of the Anschluss is not part of this essay. Among useful introductions to the topic, one might list Stanley Suval, *The Anschluss Question in the Weimar Era* (Baltimore, 1974); Norbert Schausberger, *Der Griff nach Österreich: Der Anschluß* (Vienna, 1978); Helmut Konrad, ed. *Sozialdemokratie und "Anschluß"* (Vienna, 1978); and Ernst Panzenböck, *Ein deutscher Traum* (Vienna, 1985).

²⁶ Robert H. Keyserlingk, *Austria in World War II* (Kingston-Montreal, 1988).

²⁷ This postwar role of the Moscow Declaration is explored in Günter Bischof, "Die Instrumentalisierung der Moskauer Erklärung nach dem 2. Weltkrieg," *Zeitgeschichte* 20 (1993): 345-66.

²⁸ The memoirs of the later Austrian president Adolf Schärf play a central role; they are examined below. For the police reports, see Karl Stadler, *Österreich 1938-1945* (Vienna, 1966), 14-19. The general literature on resistance in Austria is much too extensive to be listed in detail here. In addition to the works cited in this essay, one should consult the series of regional studies published by the Dokumentationsarchiv des Österreichischen Widerstandes. So far, the series contains the following volumes: Dokumentationsarchiv des Österreichischen Widerstandes, ed. *Widerstand und Verfolgung in Wien, 1934-1945*. 3 vols. Vienna, 1975; Dokumentationsarchiv des Österreichischen Widerstandes, ed. *Widerstand und Verfolgung im Burgenland, 1934-1945*. Vienna, 1979; Dokumentationsarchiv des Österreichischen Widerstandes, ed. *Widerstand und Verfolgung in Oberösterreich, 1934-1945*. 2 vols. Vienna, 1982; Dokumentationsarchiv des Österreichischen Widerstandes, ed. *Widerstand und Verfolgung in Tirol, 1934-1945*. 2 vols. Vienna, 1984; Dokumentationsarchiv des Österreichischen Widerstandes, ed. *Widerstand und Verfolgung in Niederösterreich, 1934-1945*. 3 vols. Vienna, 1987; Dokumentationsarchiv des Österreichischen Widerstandes, ed. *Widerstand und Verfolgung in Salzburg, 1934-1945*. 2 vols. Vienna, 1991. An important monograph in English remains Radomir Luza, *The Resistance in Austria, 1938-1945* (Minneapolis, 1984).

existing situation in the Austrian population²⁹. Austrian wartime frustration was seen as a sign of national distinction from Germany. Basing his observations on the very same presuppositions about the mood in the Austrian populace, the Austro-British scholar Fred Parkinson, by contrast, draws the opposite conclusion: The allegedly sinking morale of the Austrian civilian population during the last couple of years of the war has been interpreted as evidence of disillusionment with Nazi Germany. However, this argument lacks logic and ought to be turned on its head. If the Austrians were really getting disillusioned in that way, their morale should have been soaring at the prospect of an Allied victory. If, on the other hand, they were getting depressed at the prospect of a German military defeat, it must have been because, as before, they were still craving for a German victory but despairing of such hope ever materializing³⁰.

In working toward their diametrically opposed interpretations, both postwar Austrianist historiography and Parkinson may depend too heavily on assumptions, because so far, there has been no compelling evidence that allows a clear distinction between the popular mood in Austria and in Germany proper. Neither select personal recollections nor the generally impressionistic observation of popular dissatisfaction in the course of a prolonged and costly war provide a full substitute for quantifiable data that permit comparison with other regions and states³¹. The basic weakness of most studies that tie the origin of Austrian national identity to the struggle against National Socialist Germany lies in their linear presentation of individual acts of resistance without a comprehensive German and European comparison; too often, they also lack quantitative data that establish the relative significance of these activities within Austria. This form of presentation does not devalue such studies as documentations of individual resistance efforts, but it does limit their relevance for the debate surrounding prevalent wartime behavior and national identity. The more cautious assessment of the Austrian resistance by many scholars outside the Austrianist historiographical tradition should not be used to deny the existence of such a resistance movement or to downplay the personal dedication of its members. It does, however, preclude characterizing this resistance as a national movement of liberation comparable to such movements in non-German countries. Parkinson quotes the dissatisfied assessment in the Soviet journal *Voina i Rabochy Klass*, which would be inclined to exaggerate the successes of Soviet allies in order to strengthen domestic morale, that as late as November 1943 «the real underground, nationwide sabotage against the enslavers, which the Austrian Freedom Front proclaimed, is still lacking...the freedom movement in Austria lags far behind that of other European countries».³²

---

²⁹ F. Parkinson, "Epilogue," in *Conquering the Past: Austrian Nazism Yesterday & Today*, ed. F. Parkinson (Detroit, 1989), 320.

³⁰ This caveat has become particularly pertinent after the publication of more detailed regional resistance studies from individual German regions, which uncovered many parallels to the Viennese situation.

³¹ Parkinson, *Conquering the Past*, 321.

³² A differentiating assessment of anti-German sentiments in wartime Austria can be found in Tim Kirk's *Nazism and the Working Class in Austria: Industrial Unrest and Political Dissent in the 'National Community'* (Cambridge, England, 1996). Kirk documents the existence of these sentiments (see particularly pages 121-134), but concludes nonetheless that the "national element in the resistance to Nazism, widespread also in the attitudes of foreign workers in Austria, was not generally to be found among the native Austrian population." [Ibid., 140] For the use of anti-Prussian arguments in various South and West German regions in the immediate aftermath of World War II, see Hans-Jürgen Wünschel, "Der Neoseparatismus in der Pfalz nach dem Zweiten Weltkrieg," in *Landesgeschichte und Zeitgeschichte: Kriegsende 1945 und demokratischer Neubeginn am Oberrhein*, ed. Hansmartin Schwarzmaier (Karlsruhe, Germany, 1980), 283-299, and also Paul-Ludwig Weinacht, "Neugliederungsbestrebungen im deutschen Südwesten und die politischen Parteien (1945-1951)," in *ibid.*, 333-34 and 337-38.

The fact that popular frustration in some Austrian provinces took on anti-Prussian overtones finds parallels in other regions, whereas such sentiments remained considerably rarer in many parts of western and southern Austria³³. Personal rivalries and misunderstandings commonly develop between local populations and political and bureaucratic officials from different regions assuming authority in their new environment; developments of this kind can be observed in the provinces of the former German Democratic Republic in the 1990s as well as in post-Anschluss Austria. As evidenced by the current East German situation, these resentments need not be based on ethnic or national sentiments. Even the description of a 1943 conversation with the German trade union leader and resistance envoy Wilhelm Leuschner in the memoirs of the postwar Austrian president Adolf Schärf, which has a prominent place in many studies of Austrian national identity, leaves a number of questions if quoted in its full context: I interrupted my visitor unheralded and said: «The Anschluss is dead. The Austrians have been cured of their love of Germany...».

Leuschner was surprised and shaken. He told me that he had talked to other men in Vienna, and no one had presented him with such an impression of the mood in Austria. I regained control of myself, so to speak, and initially could not understand how I had arrived at such an answer. I stuck to it, however, and declared that my political friends could only participate in the overthrow of the Hitler government, not in the preservation of the Anschluss. Leuschner was disappointed³⁴.

The significance of this report as evidence of Austrian nation-formation is somewhat diminished by the fact that it was formulated in 1955, when the concept of an independent Austrian Nation already dominated the Austrian debate. The report is, moreover, more complex than it is frequently portrayed³⁵. Considering the late stage of the war, Schärf's thoughts display a fair degree of ambivalence, and Leuschner's response indicates that not all the dissidents with whom he had met as the emissary of the German resistance movement shared Schärf's assessment of future Austro-German relations. If Leuschner encountered diverse viewpoints concerning Austria's role in a democratic postwar Germany, Schärf's memoirs suggest that even members of the Austrian opposition must have held *großdeutsch* sentiments as late as 1943. The German resistance historian Erich Kosthorst reinforces this impression. He expressed his reservations about underestimating the importance of the extraordinarily tight Austrian contacts with the German resistance for a continuous sense of national community. Drawing on interviews from his research on [the Catholic German resistance leader] Jakob Kaiser, Kosthorst maintained that the accounts of the German participants in these resistance contacts (which could, however, not be examined for their veracity, either) did

---

³³ Adolf Schärf, *Österreichs Erneuerung 1945-1955* (Vienna, 1955), 20f.

³⁴ Frequently, the reference to Schärf's memoirs is restricted to his statement that "the Anschluss is dead," whereas Leuschner's reference to the views of other resistance members attracts less attention. See, for example, page 33 of the important *Das neue Österreich: Geschichte der Zweiten Republik*, ed. Erika Weinzierl and Kurt Skalnik (Graz, Austria, 1975).

³⁵ Josef Becker and Andreas Hillgruber, eds., *Die Deutsche Frage im 19. und 20. Jahrhundert* (Munich, 1983), 272. Further insight into the temporal and motivational background of Austrian national reorientation might be gained from Karl Renner's private letters. In November 1941, three and a half years after the Anschluss, Renner continued to use the designation "we Germans" even in his frequently highly critical correspondence with a fellow opponent of the current regime. [Karl Renner to Hans Löwenfeld-Ruß, 15 November 1941, printed in *Karl Renner in Dokumenten und Erinnerungen*, ed. Siegfried Nasko (Vienna, 1982), 142.] In the case of Renner, at any rate, it does not seem to have been the mere abstract experience of Austro-German union or even of National Socialism that triggered his reorientation.

not confirm that their Austrian partners had definitely «bid farewell to Germany" by 1943/44³⁶.

But personal recollections are too subjective to constitute sufficiently authoritative evidence on their own. There exists a more conclusive measurement for the mood among the Austrian populace: the behavior of Austrian soldiers in the German armed forces.

In 1938, the Austrian federal army was integrated into the German military. The German general staff to some extent merged previously Austrian and German units in the course of logistic homogenization, but the two military commands created for the Austrian regions essentially followed the pre-Anschluss borders. The military district *Wehrkreis XVII* comprised Vienna, Upper and Lower Austria with the northern segment of the Burgenland, and subsequently the German-speaking areas of southern Bohemia and Moravia. The headquarters of military district XVII was located in Vienna. *Wehrkreis XVIII* consisted of Tyrol and Vorarlberg, Salzburg, Styria and southern Burgenland, and Carinthia and was supplemented by parts of northern Slovenia after the defeat of Yugoslavia. Its headquarters was in the city of Salzburg. Since Austrians were treated as ordinary German citizens, they were drafted according to the same standards as Germans from within the borders of 1937. Out of the approximately 18 million men that were inducted into the German military (including non-citizens), a proportionate share of 1.2 million were Austrians³⁷. These 18 million inductees can be contrasted with an overall number of not quite 25 million male citizens between the ages of 15 and 65 who lived in Germany at the outbreak of World War II³⁸. The largest segment of the non-inducted males worked in occupations considered essential for the wartime economy. Within this group, there were noticeable differences among the age groups.

Conscription was the norm for healthy adult males and strictly enforced during World War II. The largest segment of the non-inducted males worked in occupations considered essential for the wartime economy. Within this group, there were noticeable differences among the age groups; among 18-21 year olds, non-military employment was negligible. Due to the sizable fluctuation between military and civilian employment, a considerable percentage of the male civilian employees had also seen front-line service. Thus, wartime inductees were, in both social and regional terms, a very representative sample of the general (male) population, and the analysis of their conduct can shed much light on attitudes in the population at large³⁹.

The Austrian units formed an integral part of the German military. Austrians were represented in all branches of the armed forces and followed the same rules for front-line and support employment as troops from other regions. Seven mountain and infantry divisions, two tank divisions, and three garrison divisions consisted predominantly of soldiers of Austrian background; on the Arctic Front and in the Balkans, a particularly high percentage of the German forces was composed of Austrians⁴⁰. 207 Austrians held

---

³⁶ Statistisches Bundesamt, ed., *Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland 1960* (Stuttgart, 1960), 78; Karl Stuhlpfarrer, "Nazism, Austrians and the Military," in *Conquering the Past*, ed. F. Parkinson (Detroit, 1989), 200.

³⁷ Burkhart Müller-Hillebrand, *Das Heer 1933-1945* (Frankfurt, 1969), III:249.

³⁸ This view is widely shared by military historians. See also Martin van Creveld, *Fighting Power*, Contributions in Military History 52 (Westport, Conn., 1982), 65. To the knowledge of this author, it has not been argued/documentated that male Austrians differed in their national sentiments from females.

³⁹ Lothar Höbelt, "Österreicher in der Deutschen Wehrmacht, 1938-1945," *Truppendienst* 5 (1989): 431.

⁴⁰ Johann Allmeyer-Beck, "Die Österreicher im Zweiten Weltkrieg," in *Unser Heer* (Vienna, 1963), 359. If one includes the police forces, the number of Austrian generals rises to 220.

the rank of General in the German armed forces and 326 Austrians were awarded the Knights' Cross, among them the first soldier to receive this high military decoration⁴¹.

Austrian troops did not have a reputation for unreliability; on the contrary, units from the Alpine provinces were frequently viewed as elite units. The Finnish scholar Tuomo Polvinen concurs with Hitler's assessment of the troops that the latter put under the command of the Austrian general

Lothar Rendulic in 1944: «In the Mountain Army you are taking charge of the best army which I have at my disposition....You will find a lot of your countrymen there»⁴². A key indicator of national identification can be found in desertion ratios. This does not mean that desertion numbers provide a full picture of the overall mood within the military. They cannot reliably express government acceptance, because many political opponents of National Socialism still felt obligated to contribute to what they subjectively viewed as the military defense of the German nation-state⁴³. For individual soldiers, the decision whether or not to desert can also reflect a rational calculation regarding comparative survival chances⁴⁴. The large-scale destruction of records on desertion in the final phases of World War II has in all likelihood made it impossible to account fully for the extent and, above all, the overall social or regional distribution of desertion in the German armed forces of that war⁴⁵. If one examines the German military history of World War II, however, the connection between regional background and desertion numbers becomes unmistakable, which allows a *relative* comparison of different subgroups. Ethnic German draftees from Poland and Western borderlands such as Alsace-Lorraine displayed disproportionately high desertion rates; as a consequence, German military commanders resorted to distributing these soldiers among more reliable units and to setting upper limits for the percentage of select groups of ethnic Germans per unit. In January 1944, the Supreme Commander Southwest (Heeresgruppe C) summarized the most significant previous orders regarding the employment of ethnic German troops from Poland, Alsace-Lorraine, Luxembourg, and Belgium as follows:

- a. The percentage of ethnic Germans must not exceed 8 percent in any unit.
- b. It is prohibited to unite these 8 percent into a closed detachment or to put them into action as a compact group.

---

⁴¹ Tuomo Polvinen, *Between East and West: Finland in International Politics, 1944-1947*, ed. and translated by D. G. Kirby and Peter Herring (Minneapolis, 1986), 37. For a more impressionistic rendition of similar sentiments among former enemy soldiers, see James Lucas's programatically titled *Alpine Elite: German Mountain Troops of World War II* (London, 1980), particularly the introduction on pages seven to nine.

⁴² The personal dilemma involved is still visible in the discussions among the German officers who tried to assassinate Hitler in 1944.

⁴³ The German Military Code (Militärstrafgesetzbuch) contained the following regulations for desertion: § 69 (1) Whoever leaves or stays away from his unit or agency with the intention to permanently evade service in the armed forces or discontinue his service status will be punished for desertion. (2) It is to be treated as desertion if the delinquent leaves or stays away from his unit or agency with the intention to evade service in the armed forces in general or the mobilized units of the armed forces for the duration of a war, a military expedition, or internal disturbances. § 70 (as modified by the Kriegssonderstrafrechtsverordnung (KSSVO) of August 17, 1938) Desertion is punishable by death or by a sentence of lifelong or temporal penal servitude. [Fritz Wüllner, *Die NS-Militärjustiz und das Elend der Geschichtsschreibung* (Baden-Baden, Germany, 1991), 482.]

⁴⁴ In particular, the destruction of the Heeresarchiv in Potsdam during an Allied air raid in April 1945 severely reduced the relevant documentary material. For further discussion, see Fritz Wüllner, *Die NS-Militärjustiz und das Elend der Geschichtsschreibung* (Baden-Baden, Germany, 1991), 129-152. The data that have been examined, however, give no indication that soldiers from Austria proved less reliable than other German citizens. [See, for example, Peter Katzenstein, *Disjoined Partners* (Berkeley, 1976), 172.] Due to their lack of completeness, these findings do not constitute absolute proof by themselves, but their basic indications are substantiated by other observations, such as casualty numbers and the internal assessment by the German military leadership.

⁴⁵ Order by the Oberbefehlshaber Südwest (Oberkommando Heeresgruppe C) from January 21, 1944.

c. The ethnic Germans who belong to class III of the ethnic roster [Volksliste III] can only be put into front line action after extensive observation and examination. As a rule, they will initially be used with baggage and supply units⁴⁶.

Since there is no reason to assume that Austrians or Hessians were less interested in personal survival than Luxembourgers, the conspicuous deviation in the pattern of desertion among conscripts from select ethnic German groups as compared to their counterparts from Austria and pre-Anschluss Germany points to the presence of broader political considerations⁴⁷. The experience of ethnic German draftees from eastern and western borderlands establishes that the psychological attitude toward military service in the German armed forces had a tangible impact on the military value of draftees. The German military command had to take special precautionary measures against unreliable populations. Austrian draftees were not treated in such a manner. Striking evidence of the contrast between the assessment of Austrians and the ethnic German draftees in question by German military planners can be found in the correspondence of the 117th *Jäger* Division. In 1943, its newly appointed commanding general expressed alarm at one specific aspect of the unit's regional composition: it contained almost five percent Alsatians. The fact that the bulk of his division consisted of Austrians, on the other hand, did not cause the general any concern⁴⁸. Due to the possible influence of numerous outside variables, casualty rates constitute a more elusive indicator of military behavior⁴⁹. The multifarious casualty computations of World War II converge on the estimate that between three and a half and four million soldiers from Germany proper and approximately 250,000 soldiers from Austria did not survive their service in the German military⁵⁰. Although most estimates put the percentage of Austrians among the German

---

⁴⁶ According to the Luxembourg historian Gilbert Trausch, no fewer than 3510 of the 10211 Luxembourgers inducted into the German armed forces deserted or managed to avoid military service by other means. [Gilbert Trausch, "Deutschland und Luxemburg vom Wiener Kongreß bis zum heutigen Tage: Die Geschichte einer Entfremdung," in *Die Deutsche Frage im 19. und 20. Jahrhundert*, ed. Josef Becker and Andreas Hillgruber (Munich, 1983), 219.] See also Gilbert Trausch, *Histoire du Luxembourg* (Paris, 1992), 172. Relying on French projections, the German historian Lothar Kettenacker maintained that approximately 20 percent of conscripts in Alsace-Lorraine evaded German military service by desertion or flight. [Lothar Kettenacker, *Nationalsozialistische Volkstumspolitik im Elsaß* (Stuttgart, Germany, 1973), 223.] See also Marie-Joseph Bopp, "L'enrôlement de force des Alsaciens dans la Wehrmacht et la SS," *Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale* 5:20 (1955): 40. Even if one treats these calculations cautiously, they demarcate themselves strikingly from Austrian equivalents.

⁴⁷ Walter Manoschek and Hans Safrian, "Österreicher in der Wehrmacht," in *NS-Herrschaft in Österreich, 1938-1945*, ed. Emmerich Talos et al. (Vienna, 1988), 350.

⁴⁸ To name just a few of the variables that impact the number of casualties per male citizen in a regional comparison: different age distribution based on regional differences in birth rate and on occupational mobility; different occupational structure--industrial areas had more health problems and more exemptions from conscription due to production necessities; different skills and proclivities--mountain units were more popular in Alpine regions, navy recruitment was higher in coastal areas.

⁴⁹ Hans Adolf Jacobsen and Hans Dollinger, eds., *Der Zweite Weltkrieg in Bildern und Dokumenten*, vol. 3, *Sieg ohne Frieden* (Munich, 1963), 445, and many earlier publications report 3,000,000 German casualties, but the numbers have slowly been moving upward. For Austria, see Martin K. Sorge, *The Other Price of Hitler's War* (New York, 1986), 23, and Lothar Höbelt, "Österreicher in der Deutschen Wehrmacht, 1938-1945," *Truppendienst* 5 (1989): 432. See also the subsequent notes.

⁵⁰ For estimates, see, for example, Peter Katzenstein, *Disjoined Partners* (Berkeley, 1976), 173; "Die Bevölkerungsverluste Österreichs während des Zweiten Weltkrieges," *Österreichische Militärische Zeitschrift* 3 (1974): 219-20. Useful for Western Germany and Austria, but without factoring in the issues debated below, Statistisches Bundesamt, ed., *Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland* 1960 (Wiesbaden, 1960) 78. In a recent research note, the German military researcher Rüdiger Overmans projected a lower percentage of casualties for Austria than for Germany. [Rüdiger Overmans, "German and Austrian Losses in World War II," in *Austrian Historical Memory and National Identity*, Contemporary Austrian Studies 5, ed. Günter Bischof and Anton Pelinka (New Brunswick, N.J., 1997), 293-301.] The brief research note is too cursory and unfortunately contains too many problem areas to supply much new information about the Austrian aspect of this question, however. Most fundamental is the problem that Overmans's basic conclusions premise an Austrian share of eligible males of ten

military war dead close to the population ratio, the issue has not been explored fully⁵¹. Regional differences in German casualties can be found, because the special conditions on the Eastern Front put soldiers from the Prussian northeast at increased risk, particularly toward the end of the war⁵². At the very least, however, the Austrian casualty figures further reinforce the impression of a substantial participation of Austrians in the German military effort. The high price paid by Austrian soldiers in the German armed forces during World War II can be understood most clearly from the fact that the absolute number of Austrian military casualties came close to that of Great Britain and lay at more than half that of the United States, although the former's population (without colonies) was seven times and the latter's almost twenty times that of Austria⁵³.

Beside the data for the general draft-age male population one can place the numbers for particularly committed subgroups. It could be seen as a coincidence that two Austrians were among the twelve fighter pilots who received the second highest military decoration available to active air force members, the Knight's Cross with Oak Leaves, Swords, and Diamonds (the highest decoration was only awarded to one pilot). Yet the apparent overrepresentation of Austrians vis-à-vis pre-Anschluss Germans in the largely volunteer Waffen SS, generally considered the most committed branch of the German military during World War II, cannot but reflect on the level of Austrian involvement in the German war effort⁵⁴.

A judicious analysis of Austrian military conduct during World War II does not reveal a general pattern of idiosyncrasy. Rather, the large sample of quantifiable behavior from the period of World War II provided by the members of the German armed forces indicates that the dominant feature of any comparison between Austrians and their contemporaries from Germany proper is one of similarity, not of difference. These findings do not support the argument that the bulk of the Austrian population had developed a separate national identity prior to 1945.

If one wants to understand the state of Austrian nationhood by the early 1940s, few indicators are as valuable as the simultaneous conduct of German-speakers who lacked a distinctly German sense of self. As culturally German populations who had gradually

---

percent of the German numbers. Overmans arrives at this ratio by looking at 1939 German census figures that include Southern Bohemia and Moravia in the Austrian numbers. The noticeably higher percentage of people living within but born outside of the borders of the Republic of Austria as compared to the equivalent numbers for Weimar Germany further alters the results of statistics that measure eligible population by residence, but casualties by birth place. Finally, the larger share of residents of Jewish background, who were excluded from military service, in Austria in 1938/39 also has to be factored in to arrive at the relevant casualty rates per male resident actually subject to conscription. Measured by these standards, the Austrian casualty rate corresponds largely to that of western Germany, whereas Germany's eastern regions suffered higher losses than western Germany and Austria. [For the reasons for these differences, see also the subsequent note.] It should be stressed again, however, that a field dominated by estimates cannot provide final answers.

⁵¹ Burkhard Müller-Hillebrand, *Das Heer 1933-1945* (Frankfurt, 1969), III:263; Karl Schwarz, "Gesamtüberblick der Bevölkerungsentwicklung 1939-1946-1955," *Wirtschaft und Statistik* 8 (1956): 495.

⁵² For a comparison of World War II casualties, see Martin K. Sorge, *The Other Price of Hitler's War* (New York, 1986), XVII, and John Ellis, *World War II: A Statistical Survey* (New York, 1993), 253f.

⁵³ Of the approximately 950,000 soldiers that served in the Waffen SS, slightly more than 500,000 were recruited from outside Germany; that number includes members of German minorities abroad and foreign volunteers. This limits the number of German citizens (including Austrians) in the Waffen SS to somewhat below 450,000; proportionally, about 35,000 of these should have been Austrians. But according to the available estimates, approximately 67,000 Austrians served in the Waffen SS, which would result in an Austrian share of almost twice their proportional representation. For the numbers involved, see Lothar Höbelt, "Österreicher in der Deutschen Wehrmacht, 1938-1945," *Truppendienst* 5 (1989): 429; George Stein, *The Waffen SS* (Ithaca, N.Y., 1966), 138 and 281; Ermenhild Neusüss-Hunkel, *Die SS* (Hannover, Germany, 1956), 104.

⁵⁴ The exact nature of this national identity falls outside the scope of the current study and will not be answered the same way for Alsatians and Luxembourgers.

departed from their historical German context, Alsatians and Luxembourgers provide excellent comparisons. These groups had reached a level of detachment from Germany equivalent to separate nationhood; their conduct projects how the members of a distinctly Austrian nation might have responded to World War II.⁵⁵ Considering this point of reference, one should expect several hundred thousand Austrian men to have eluded German military service by evading conscription or deserting to the Allies. In wartime Austria, there was no such response.

The study of World War II reveals an interconnection between national consciousness and military conduct. The more limited identification with the German nation among select German-descended populations outside Germany resulted in drastically higher desertion rates and severely limited the operational usefulness of draftees from those regions for German military planners. From the lack of a comparable development among Austrians, one cannot conclude that the Austrians uniformly supported the political system that governed them; nor can one conclude that there did not exist Austrians who considered the German army a foreign institution. The Austrian conditions do not disallow the supposition that resistance elites began to envision their opposition to the National Socialist government in national terms⁵⁵. They do show, however, that most Austrians had not yet developed a separate national identity and that the tension between national and political considerations resulted in patterns of behavior that resembled those in Germany proper and differed fundamentally from those in Alsace or Luxembourg, not to mention those in Serbia or Norway. The Austrians became increasingly disillusioned with a union experience that brought so many hardships, and this disillusionment could express itself in regional animosities. Ultimately, however, Austrians still identified with the German nation to an extent unthinkable among the inhabitants of the Franco-German zone of transition. The formation of a distinctly Austrian national consciousness among wider segments of the Austrian population belongs to a later period of history.

Дж. Хили

**ФРЕДЕРИК ФИЛИПП ГРЕВЕ И ДЕЛО ГЕРМАНИИ: ПИСЬМА ВАРКЕНТИНА И
ИСКУССТВО ПРИГРАНИЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ***

Андреас Вайденхаммер (1863 - 1925) родился в Гейдельберге, в Онтарио. С 1903 по 1909 год он был издателем *Canadischer Bauemfreund*. Именно Вайденхаммер предоставил Фредерику Филиппу Греве его первую работу. К моменту своей смерти в 1925 году он был уже школьным инспектором, но вместе с тем был вынужден сменить фамилию и имя на Эндрю Виллоуз. Антинемецкая истерия времен первой мировой войны заставила канадский Берлин превратиться в Китчинер. Эта истерия заставила канадских немцев менять свои имена и фамилии, несмотря на то, что многим из них тогда было за шестьдесят. В такой ситуации Андреас Вайденхаммер все же не позволил своему немецкому имени исчезнуть окончательно: английское *willow* стало переводом с немецкого *die Weid-e*. Греве же сменил фамилию с *Greve* (Греве) на *Grove*, то есть Гроув.

⁵⁵ Indeed, the literature on the Austrian resistance provides many examples that such notions did exist.

* Редакторы сборника благодарят Автора и журнал «Исследования канадской литературы» за разрешение на перевод и издание статьи. Перевод с английского И.В. Горшениной и М.В. Курчанова. Healy J.J. *Grove and the Matter of Germany: the Warketin Letters and the Art of Liminal Disengagement // Studies in Canadian Literature*. - 1981. - Vol. 6. - No 2.

Греве-Гроув в этой ситуации руководствовался несколько иными причинами и имел более ранний для таких действий стимул. Дело в том, что еще в Германии он был арестован и некоторое время провел в тюрьме. Поэтому, чтобы получить право на въезд в США или Канаду он был вынужден сменить фамилию. Судебное дело было равносильно запрещению на въезд. Однако, подобно Вайденхаммеру он стремился, чтобы новое имя не очень отличалось от старого. Это был элементарный перевод, а не измена.

В итоге, Греве-Гроув был немцем, который к тому же оказался и писателем.

Он был автором, который позднее «покончит» с «собой» и станет, благодаря этому, человеком без имени, человеком из подполья. Мы помним, что он был иммигрантом, но это была совершенно поверхностная и сугубо административная категория. Он, вероятно, видел себя как изгнанника, находящегося в начале своего пути. Но это только моральное и психологическое условие. Германия, будучи для него немецкой страной, а он сам, будучи автором, писавшим на немецком языке, оказался в ситуации вынужденного изгнания, Позитивной категорией его постоянных рефлексий была именно Северная Америка - правда, это для него не имело статуса реального. Она была негативным образом: иными словами она была тем, что можно определить как «нигде». Германия удерживала Греве, соединившись со всем его существованием. Отказываясь от этого, он отказывался от истории и, значит, от своей индивидуальности. Своеобразный европейский компромисс между историей и обществом в Европе поместил идентичность в рамки конкретного метафизического безпроблемного мира. Переезд Греве в Америку должен был изменить это. В своей книге «В поисках Америки» он выразил это состояние кратко: «Когда я прибыл из Европы, я прибыл, именно как индивидуум; когда я устроился в Америке, в итоге всех моих странствий, я был социальным человеком. Мое представление о жизни, если сейчас, в конечном итоге, я, возможно, использую это слово еще раз, осталось где-то там, в Европе историческим, а здесь, в Америке, оно стало этическим»¹.

Это - проницательное, и в то же время, замечательное утверждение. Качество бытия индивидуума, наполненное личностью, имеющее фон и перспективу, которая и была «растворена» Греве. Это, однако, оказалось бесполезным. Само понимание собственного смысла стало проблематичным. Греве сам сделал себе предложение в общественном (то есть, самом общем, антропологическом) аспекте; в Америке он казался проявлением абстрактно ясной освобожденной истории, в которой нравственные дилеммы этого человека универсализированы. Он не был одинок в этом и большом европейском ответе не вызов Америки. Это очевидно в его американских произведениях.

Что интересно в Греве - это то, что он сам все с собой переговоры о себе самом, брошенным в этот странный мир. В этой ситуации он постоянно изменялся, и любое изменение становилось потенциально возможным. «Я должен остаться самим собой» - таков постоянный рефрен его работы. Перед ним стояла дилемма утверждения самого себя как писателя. Он должен был стать таким человеком, личный опыт которого привлекал бы внимание остального мира и становился бы для него интересным. В данном аспекте Греве действовал в духе декартовского *cogito*, отдавая себя от мира и его опыта. Поэтому, опыт становился частью мира, а мир - опыта. Германия, пребывание в тюрьме, любовь, воровство, смерть, обучение в университете, Берлин - все эти категории, в конечном счете, воплотились в

¹ Grove Fr.Ph. A Search for America / Fr.Ph. Grove. - Ottawa, 1927. - P. 436.

тексты, написанные Гreve. Они - корпускулы его субъективного опыта, пришедшего на смену категории его существования как *homo sapiens*. Осознание себя как писателя определило дальнейший путь Гreve. Это было характерно для его творчества и сохранилось в нем даже после посещения Германии.

Еще один аспект «выживания» Гreve в ранний период был связан с его свадьбой. В это время его занимали две проблемы - брак и написание своих произведений. Дополняя друг друга, они предавали определенный стимул его творчеству. Возможно, что позднее он сам в своих глазах утратил это право, когда сам «организовал» свою смерть в Прибалтике. Возможно, это произошло в виду того, что ранний период творчества совпал со сложностями в жизни самого Гreve. Жизнь молодого человека вне Германии, который так решительно отказался от истории, стала своего рода синонимом существования вне жизни. В Америке Гreve пытается вернуться в привычную жизнь общества. Правда, он стремится быть понятым, оставшись при этом и немцем.

Самое раннее и достоверно известное событие, связанное с жизнью Гreve в Канаде связано с его попыткой внутренне взбунтоваться против местной немецкой менонитской общины. Это произошло накануне первой мировой войны. И это стало рождением Гreve, как деятеля андеграунда. Именно тогда Гreve пишет наиболее страстные письма в своей жизни - они были адресованы немецкому деятелю Варкетину, который проживал тогда в Германии. Письма датированы 6 декабря 1913 года и 10 февраля 1914 года. Основная тема этой переписки - Германия, которую Гreve покинул за пять лет до этого. Это страна им оставленная, но которую он часто посещает в воображении под воздействием собственной совести.

В свое время ван Геннеп определил *rites de passages* как «обряды, которые сопровождают каждое изменение места, общественного положения и возраста»². В этой традиции им было выделено три этапа - выделение, движение и реагрегация. Тернер использовал понятие «лиминальный» именно для средней фазы. Именно на данном этапе наступает забвение для тех, кто проходит через эти три стадии. Письма Гreve Варкетину свидетельствуют о том, что их автор переживал именно такое состояние. М. Стоби характеризует эту ситуацию так: «чувство утраты у Гreve росло, и тон писем становится иным. Его мир становится еще меньше. Он осознается как аутсайдер, с которым не желают общаться. Что бы облегчить это состояние Гreve бежит в легендарный мир, им же созданный: он выдумывает себе шведского отца и шотландскую мать, а себя преподносит как ученого и путешественника»³.

Маргарита Стоби исследовала творчество Гreve с поразительной настойчивостью. Она применила в отношении его понятие, названное Лоурэнсом, «старое стойкое эго». Вместе с тем, письма Гreve в Германию не так просты, как может показаться. Гreve писал скрытно, погранично, почти зашифровано. Идеи Гreve в письмах - это пойманная мысль немца в Канаде между Вайденхаммером и Варкентином, которая развивается на почве перенесенной из Германии в Северную Америку меннонитами. Писма - это и внутренний диалог между отдалением от Германии и переездом их автора в Америку. Именно такая ситуация и даст сюжеты

² Turner V. Variations on a Theme of Liminality // *Secular Ritual* / eds. S. Moore, B. Meyerhoff. - Amsterdam, 1977. -P. 36.

³ Stobie M. Grove's Letters from the Mennonite Reserve / M. Stobie // *Canadian Literature*. - Vol. 59. - 1974. - P. 70.

для его произведений. Пока же в письмах они представлены не столь четко и близки то к неоднозначности, то ко внутренней интуиции, то приступам раздражительности. Гreve вступает в дискуссию с Варкетином, которого он едва знал. В то же время Варкетин перебирается в Канаду и с 1918 года участвует в деятельности немецких менонитских школ в Манитобе. Этим он занимался до момента своей смерти в 1971 году. Варкетин оказался символическим участником переписки в символическом месте, которое и обеспечило и его и Гreve темами для дискуссии. В ее рамках он достаточно вольно обращается с такими понятиями как Германия, Англия, Европа, Канада, Америка. Позднее Гreve уже не позволит себе оказаться в подобной ситуации. вместе с тем в письмах Гreve заметна попытка скрыть и спрятать себя, попытка быть там и тут, попытка стать и американцем, но остаться и немцем.

Возможно, более детальное знакомство с письмами Варкетина поможет понять всю сложность проблемы. Первое письмо Гreve написанное им Варкетином датируется 7 сентября 1913 года. Оно написано на немецком языке. Это - относительно короткое письмо, в котором он просит прислать три книги, посвященные проблемам образования. Письмо открывает короткое вступление: *«Ich bin so froh, jemanden in Deutschland zu haben der mir vielleicht behilflich sein kann, class ich Ihnen möglicherweise lastig fallen werde. Vielleicht wird es Ihnen zur Genugtuung gereichen dass Sie ja schliesslich Ihrer Heimat helfen»*. Иными словами: «Я очень счастлив, что в Германии есть кто-то, кто, возможно, поможет мне. Возможно, я покажусь навязчивым. А может быть Вы испытаете удовлетворение от того, что вы, в конце концов, поможете своей стране»⁴.

Формальное возобновление диалога имело место именно на родном языке. Позднее Варкетин сделал выбор в пользу английского языка и Гreve так же был вынужден начать писать на английском языке. Когда они писали на немецком, Германия казалась им неким целым - в экономическом, политическом и общественном плане. Отход от немецкого был вызван и мифологизацией немцев в канадском обществе как враждебной нации, что имело место накануне первой мировой войны. В центре немецких писем Гreve именно немецкий язык, немецкие стилевые особенности и немецкий вклад в европейскую цивилизацию. Его настроения менялись как ответ на письма от Варкетина. Письма Варкетина до нас не дошли, но мы можем реконструировать их примерное содержание. Это необходимо, чтобы понять, зачем Гreve начал эту переписку. Возможно, Гreve испытывал чувство тоски по Германии. С другой стороны у Варкетина мы можем найти антинемецкие мотивы в виду неумеренного немецкого патриотизма. Вместе с тем, образы проституции и сексуальной свободы большого города были разрожительным фактором для Гreve - молодого меннонита в Манитобе. Что наиболее важно в этой переписке - это интерес Гreve к проблемам развития науки и национализма в Германии. Хотя он не обходит вниманием и пресловутый *Sexuelle Frage*. Гreve вынужден реагировать на эти вызовы со стороны Варкетина. Размышляя над этими вопросами, в ответах Гreve число позитивных моментов сокращается. Если Варкетин пишет о проституции в Лейпциге, то Гreve отвечает, что в Америке не лучше. Если Варкетин пишет о медлительности немцев, то Гreve, наоборот, ссылается на их быстрое проникновение на американские рынки. В этом заметно его объективное желание заступится за Германию. Когда Гreve вынужденно отвечает именно как немец, то в письмах заметны боль и волнение.

⁴ The Letters of Frederick Philip Grove. - Toronto, 1976. - P. 3-14.

Поэтому защита Германии в его письмах становится и его самозащитой. Это тяжело переживалось им, хотя он еще не полностью понимал и контролировал свое состояние. К 1913 - 1914 годам он осознает ситуация и пытается избавиться от своего смущения⁵.

В целом, письма отмечены двойственным отношением адресатов друг к другу. В случаях они субъективны - это, возможно, происходит неумышленно. В 1914 году Гreve пишет: «не могу сказать, что я хотел бы, чтобы вам нравилась Германия, но хочу, чтобы вы ценили приобретенный там опыт». Его собственные объяснения этого опыта вызваны отстраненностью от Германии. Переписка демонстрирует различное отношение к Германии: германия ассоциируется с немецким языком, хотя опыт авторов уже не немецкий, но еще и не американский. Их опыт - опыт, нуждающийся в объяснении и понимании. Пока же Варкетин находился в лагере, Гreve женился на Кэтрин Винз, будущей канадской писательнице. Это привело к тому, что они символически отрывает себя от Германии.

Уже в 1913 году в Гreve письме к Варкетину обращается как к американцу: «вы, американцы, очень забавны», - пишет он. В данном случае его личная привязанность к старой доброй Германии заметна. Спустя два месяца, в условиях растущей враждебности в Варкетину, Гreve пишет: «я конечно ненавижу Германии, Америку - тоже, но наверное не так сильно». Таким образом, Канада в этих размышлениях не присутствует вовсе. Европа и Америка - это два полюса его мышления. В итоге Гreve пишет: «боюсь, что я превратился в американца, скорее всего, я больше не смогу жить в Германии». Поэтому становится очевидно: Гreve не вернется в Германию, он стал американцем. При этом между словами «я ненавижу Германию» и «я превратился в американца» существует устойчивая связь. В итоге Гreve сам в своих глазах становится *auslander Deutsch*. За всем это скрывается и немецкий язык, а Гreve развивается под влиянием и языка Бисмарка и языка Уитмэна.

Всеведение, которое он приписывает своему мнимому «я» - это выдумка, поддерживающая его стремление к «многосторонности», стемление, нужное для того, чтобы отразить предрассудительные обвинения, которые Варкетин адресовал немцам, и которые Гreve переадресует Винклеру и Северной Америке. Но главное назначение имперской позы – подкупить и нейтрализовать сочетание мнений и опыта, которые Гreve считает нужным поставить под психологический, а главное – художественный контроль. Так, в отношении вопроса сексуальности он заявляет Варкетину: "Я не противник внебрачной половой связи – но я противник последствий. Я также против слишком раннего развития сексуальных инстинктов."

Таково его мнение, и оно достаточно надёжно. Мы делимся нашими взглядами с миром, и они часто имеют корни в той культуре и среде, к которым мы принадлежим. Например, Рода Метро, исследуя немецкие детские книги времён письма Гreve и его собственного воспитания, заметила, что "сильнейшее беспокойство эксперты выражают в связи с мыслью, что ребёнок может стать слабым и избалованным, антиобщественным и получившим слишком раннее сексуальное развитие – и всё это из-за чрезмерной родительской заботы, внимания и неразумной привязанности." Высказывания Гreve о сексуальности, браке и слишком раннем развитии – это связь «неортодоксального» и «ортодоксального»,

⁵ Nurge E. Some Depictions of German Cultural Character / E. Nurge // The New Ethnicity: Perspectives from Ethnology / ed. John W. Bennett. - St. Paul, 1975. - P. 237.

но они очень связаны границами спора. Следовательно, когда он пускается в этот спор, он отдаляется от собственного опыта, который мог бы служить ему примером.

Я сам очень пострадал по той же причине. Мне было примерно пятнадцать лет, когда меня соблазнила замужняя женщина.

Греве ставит свою жизнь (отдельные её стороны) в культурные, исторические и географические рамки, и таким путём тематизирует её. Варкентин для него был благословением. Он дал Греве возможность поместить своё истинное «я» (скрытую, изолированную сущность) в управляемую связь с разными сторонами мира которые он перенёс, переступил, предал.

После своего признания Греве снова вернулся в царство мнения, на этот раз связанного с городской сущностью германских цивилизаций. Он колеблется между личным и публичным, между фактами, ложью и вымыслом. Поддержка первого лица продолжается:

Я думаю, что я узнал северо-запад Америки во всех проявлениях, за исключением крайнего северо-запада Канады, и везде я нашёл замкнутый ум.

В такие моменты кажется, что Греве говорит не лично с Варкентином, что он говорит от лица всего относительного иммигрантского опыта. Выделяя свой личный и субъективный опыт, со своей точки зрения Греве может представить свои винклеровские (эхо Винкельтума, его синонима безразличия и загнанности в угол) столкновения. Это настоящий крик души, который раздражает профессора Штоби, но который служит примером ряду культурных наблюдений, которые Греве кажутся совершенно оторванными от их связи с ним. Несколько позже в этом письме он пишет, что ценит «даже самую маленькую часть полученного знания намного сильнее, чем все когда-либо совершённые поступки». Выражение «полученное знание» особенно точно выражает способ, которым Греве с натуралистичным и почти благочестивым трудолюбием искал в своей педантично прожитой жизни значение и смысл. Его винклеровские сражения составляют такое полученное знание, и именно на этой основе (общей для Варкентина и для него самого во многих аспектах) Греве может найти такой страстный, надличностный и обладающий философской серьёзностью тон.

Во всей жизни я не вижу никакого смысла. Если я хочу быть честным, я должен сказать, что в нашем индивидуальном усилии я вижу только старание преодолеть это наилучшим способом. Да, если вам угодно, я стою в стороне. Для меня страшно подумать, что я вообще что-то делаю.

Это подлинная речь; в ней нет никакого парадокса. Он и дальше будет говорить о действии и знании, о деятельной и созерцательной жизни. Но после своего мнимого самоубийства, своего бегства в Америку, после даже сейчас незаметных лет удивительная простота фразы «Для меня страшно подумать, что я вообще что-то делаю» потрясает. Греве нашёл возможным говорить о себе с такой искренностью и свободой, что это тоже потрясает.

Всякий раз, прикасаясь к жизни, вы приводите её в беспорядок. Когда вы молоды, вы этого почти не замечаете.

В этом смысле Греве уже не молод. Сейчас он видит себя как зрителя, того, кто смотрит, наблюдает, анализирует, «желает знать». Самая горькая фраза, которую мы можем принять трезво, звучит так: «Это моё единственное спасение».

Греве пишет об этом в накале и с такой ясностью и отчаянием, что возникает впечатление, будто это только что придумано. Всё, что он читал, где

путешествовал, что наблюдал, всё его существование сходятся в одной болезненной точке, в которой утвердившееся и выстраданное «я» должно отстаивать своё существование против всего лишнего.

Вы говорите: «Если бы мы должны были дожидаться решения немецких философов... то где бы мы были? Неужели жизнь стала теперь хоть ненамного менее дикой и жестокой чем 10000 лет назад? Только крепкие толстокожие люди могут переносить деятельную жизнь: остальные отплавились либо к стенке, либо в пустыню. Я принадлежу к последним⁶.

Это социальный дарвинизм, окрашенный языком религиозной тоски, и находящий почти экзистенциальное место в мыслях Гreve. Это настроение коснётся почти каждой темы, которой Гreve коснётся. Как медленный, надоедливый дождь, который раздражал Варкентина в Германии, апокалиптическая схема дарвинизма всегда вырисовывалась из событий, которые изучал Гreve. Но исследование, рефлексия, анализ всегда были единственной возможностью для рядового человека, чьи собственные мысли о «человечности» настолько выбивались из порядка и фактов истории и свидетельства, приходящего из материального мира и изучения поведения животных. Бездумное действие было недопустимым, бездействующий ум не казался особенно привлекательной альтернативой, но как и надоедливый дождь северной Германии, было более плодоносным, чем разрушительная сила полного действия. Можно понять, почему Гreve так противился недовольству Варкентина немецкой философией. Слишком многое, кроме Германии и судьбы человека в начале жестокого столетия, было поставлено на карту. На этом фоне господствующее «я» в духе Уитмана и Бисмарка становится более понятным. Нет никакой логичной причины, по которой натуралистические нападки на религиозные и гуманистические задачи человека не могли бы захватить один из последних бастионов этих стремлений: почти священное чувство «я» в разумном, отчуждённом, проникающем отношении к собственному существованию. Где нельзя было привлечь доказательства, утверждение должно было быть призвано как безусловный императив. Я должен быть «я», кем бы и чем бы это «я» не было. Это было сложной дилеммой для человека, который желал писать, но у которого не было ни востроженного, утверждённого культурой отпимизма Уитмана, ни суровой, действенной, но также оправданной культурой «реальной политики» Бисмарка. Добавьте к этому его изгнание, его самоубийство, перемену имени, его незаметность в чужой земле, и защита собственного «я» становится понятной. Драма внутренней силы проходит курсивом первого лица в этой переписке, в риторике, эмфазисе и мучительном оттенке, к которому приходит Гreve всякий раз, когда случай или строй языка требует написать сложнейшее из всех простых слов: Я.

Фон, на котором он защищает разум – жесток и соткан из 10000 лет, во время которых чувствительные люди – многие из которых обладали интеллектуальной или сострадательной натурой – шли на казнь или в пустыню. «Я отношусь к последним», говорит Гreve, человек, который в переносном смысле слова предстал перед казнью, и который, со своей точки зрения, удалился в пустыню. Он сражался против страшной возможности, что в конечном итоге пустыня может оказаться той же казнью. Далее, его сильный отпор Винклеру. Перебранка с коллегой стала для Гreve вопросом выбора. У него больше нет причин сдаваться – так как все причины стали апокалиптическими и святыми. «Я вызываю нашего друга на бой.

⁶ Putt S.G. The Fiction of Henry James / S.G. Putt. - Harmondsworth, 1968. - P. 27.

Видимо, вскоре вопрос станет так: он или я». В исторической перспективе, если политика в образовании будет изолирована, можна сказать, что Гreve обладал даром предвидения. Но только содержание и перспектива определяют значимость события для его участников, и ответ Гreve даёт нам представление о том, как он видел себя, «я», пытающееся произвести обряд выхода из хаоса в упорядоченный мир.

Но я истекаю кровью. Вещи, сказанные обо мне, иногда забавны иногда они причиняют боль, потому что в них есть зерно истины. Я не могу себе позволить обращать на них внимание. Я должен победить.

Как не странно, даже в пустыне надо быть закалённым, чтобы выжить, чтобы задать вопросы жизни – которые жизнь может отвергнуть, но которые должны быть заданы. Защита Гreve философского ума исходит от страстного соединения со стремлениями этого ума. В своей исповеди Варкентину он даёт нам *apologia pro vita sua*. Замечания независимого наблюдателя – одно из предположений науки, это становится одним из функционирующих убеждений Гreve. С долей усталой иронии он указывает на это Варкентину: «Даже наука никогда не объясняет, она описывает, описывает всё больше и больше с каждой минутой – и я наслаждаюсь зрелищем».

На этом этапе становятся явными усталость, которую Гreve испытывает от спора с Варкентином и красноречивая игра, которую он ведёт с собственными мыслями и чувствами о тех проблемах, которые мы обозначили как составляющие основу этого письма. Мы предполагаем, что стольбыстрые перемены имеют все признаки середины обряда по анализу Виктора Тёрнера. Но самое интересное выражение этого плодотворного и символического спора приходит, когда Гreve хочет покончить с беспорядком предположений и эмоций, в который обоих участников переписки втянули их личные неурядицы. Гreve устаёт отражать нападки Варкентина на Германию. Он даёт сюрреалистическую клятву:

Пусть неторопливые, старательные немецкие труженики разума работают для меня, и пусть весь Лейпциг рухнет, пусть транспорт остановится и пусть пожарники поднимают свои вагонетки!

Это неистовое проклятие разрыва. Это *non serviam* Фредерика Филиппа Гreve, человека, бывшего писателем в другой стране, и кто теперь, в другой стране и на другом языке, снова будет писать. Это заклятие – также молитва: «Пусть для меня работают неторопливые, старательные немецкие труженики разума – это мир Дедала, художников разума, изгнания и скрытности, художников, не романтических лириков, но размышляющих, рассудительных и уже не столь молодых».

Психологическая отчуждённость, который Гreve проявляет в этой переписке и который является естественным ответом на отчуждённость жизни требует более чёткого самоопределения в связи с его прошлым опытом в Германии и его новой роли в Канаде. Создание того, что мы называем господствующим «я», самовыражение в духе Уитмана, включает в себя переходную ступень между психологической реакцией на мир и более феноменологической, безличной (в том смысле, который вкладывал в это слово Элиот) реакции на обретенную, познанную сторону мира, ставшую основной. Гreve исправил внешнюю неопределённость своего затруднительного положения. Можно сказать, что он перехитрил болезнь изгнания и иммиграции, которая могла захлестнуть ему, сумев проанализировать эту болезнь.

Это, бесспорно, личная победа Грeve, и она придала ему достаточную уверенность. Он создал ряд аллюзий, которые позволили ему писать. И он осуществил это в книгах «Тропами прерий» и «В поисках Америки» с большой силой. Нет ничего удивительного в том, что его первые попытки, после объединения всего опыта тяжёлых времён, были связаны именно с исследованием новой жизненной среды с её физической и символической стороны. В свете его ритуального обмена опытом с Варкентином встаёт такой вопрос: возможно, Грeve из своего «убежища» исследует северную Америку, как в своё время – Де Токвилль и Кревекур? Это интересный вопрос.

Упомянутый в письме в Варкентину от 10. 2. 14. прежний брак Грeve – это а *paranetical insertion*. О нём говорится в скобках после слов о созерцательной жизни как единственном спасении и перед рассуждением о ценности обрeтённого знания. Общие утверждения о науке и медленном германском уме привели к замечанию личного характера:

Что до моей женитьбы, это привело к катастрофе. Я не обвиняю девушку – я её просто не понимаю. Разница в возрасте была существенной; она была моей ученицей, перед тем как поступить в колледж. На Рождество я отправился в Арканзас – в больницу!!! И когда я выписался после недели сильной лихорадки, я больше не узнавал мира, в котором живу!!! Я так изменился. Всё, довольно об этом.

Почему же Грeve упомянул об этом? По-видимому, это часть его биографии. Можно предположить, что Варкентин знал о его женитьбе, хотя никто в Уинклере не видел эту женщину. Дуглас Спеттиг пытался собрать свидетельства об его отношениях с этой женщиной – вернее всего, американкой. Но он ничего не обнаружил. Но, хотя Грeve и был способен к вымыслу в высокопарной манере Феликса Круля или в менее высокопарной, прозаичной иммигрантской манере, вряд ли бы он потревожил зерно истины, которое придавало вымыслу вид подлинности. По-своему он был очень разборчив в тех ограничениях, которые на него наложили обстоятельства и воспоминания о молодости в Германии. Если мы будем понимать этот отрывок дословно, но, принимая во внимание скрытность, которая для него была выражением его контакта с миром, мы замечаем, что Грeve позволяет нам заключить, что он пять лет трудился скорее для брака, чем в самом браке. То есть, это могли быть планы женитьбы, которые пошли крахом, и следствием этого краха могло быть его признание Варкентину, что он ничего не имеет против секса вне брака.

Смысл этих слов неясен, но взгляды, которые они раскрывают – нет. Грeve выступает здесь в роли холостяка из первого романа Генри Джеймса *Watch and Ward* (1871 год выпуска), который удочеряет сироту с мыслью вырастить её в соответствии со своим образом идеальной супруги – чтобы она стала его супругой. Как говорит об этом двоюродный брат Норы Фентон; «Это казалось ему очень странной тратой времени и денег, создать себе супругу по заказу». Грeve работал на женитьбу пять лет, это был своего рода проект. Она была его ученицей перед тем, как поступила в колледж. Разница в возрасте была значительной. Роджер Лоуренс, главный герой *Watch and Ward* не узнал бы своего темперамента в Грeve, он совершенно другой человек. Но Джеймс бы отметил созидательное, воспитательное намерение и сделал бы более чёткой фразу: «Я не обвиняю девушку – я её просто не понимаю». Это объяснение вставки о браке выражает себя в скрытой силе слова «просто» и выразительном «понимаю». Он поместил эту

сцену в стиле Джеймса между словами в защиту созерцательного ума и объяснением слов «обретённое знание». Созерцательную жизнь он определяет как «жизнь зрителя, который хочет знать, а не действовать. Планы женитьбы имели черты наблюдения, желания знать и понять, желания действовать и бездействия. Гreveу необходима ответственность действия и знание условий и последствий действия. Он хочет жениться, но на своих условиях и контролируя отношения. Он приносит элемент творчества и намерения в то, что при других обстоятельствах было бы случайностью и беспорядком. Так можно истолковать его письмо к будущей жене, Кэтрин Винс от 29 июня 1914 года написанное в связи со свадебным торжеством его коллеги Джона Энса. Этот отрывок в стиле Роджера Лоуренса является попыткой слить науку и неторопливый германский ум и очень личный опыт, который в течение пяти лет отнимал у него время и средства, и который, как он надеялся, привёл бы его к спасению. Гreve всегда будет нести свет понимания в переменчивый мир чувств и воображения в своём творчестве. Так это видно по его жизни.

Слово «спасение», как и слово «понимать» имеет в процитированном предложении особое значение. В этом письме присутствует структурная параллель, в котором два момента из разных частей повествования – брак и неторопливый созерцательный ум – связаны со спасительной силой. В дальнейшем Гreve воплотит созерцательный ум в жизнь в своей писательской деятельности. Литература и брак на этом этапе жизни Гreve являются путями искупления, цели, к которым надо стремиться, чтобы выжить. В очень драматичной форме оба эти пути к спасению связаны между собой в его первой опубликованной книге «По тропам прерий», они соединены во имя выживания. Тропа между Гледстоном и Фалмутом, идущая вдоль западного берега озера Манитобы, ведёт человека, который избежал злой участи Роджера Лоуренса, и у которого теперь есть жена и дочь. Но обстоятельства Но обстоятельства разделили супругов Гreve и их дочь, и путь Гreve через полный опасностей зимний ландшафт был исполнен трудностей, постоянной была вероятность заблудиться и погибнуть. Различие между возвращённым и вновь потерянным раем зависела от минутного впечатления. Ум учёного и взгляд натуралиста стали средством сохранения его «я» как изолированной сущности, вместе с тем связанной с другими через семью и брак.

Ойген Дизель в своей работе «Германия и немцы» (1931 г.) заметил, что «когда определённые периоды истории Германии истекали, немцы всегда чувствовали, что они столкнулись с хаосом»⁷. Он противопоставляет такую реакцию способности англичан справляться с кризисом с меньшей затратой душевных сил. Эти вопросы коллективной психологии весьма относительны, и возможно рассматривать порождающие кризис непредвиденные обстоятельства в современной Германии как объяснение ряда реакций, которые не являются врождённым свойством того или иного народа. Но свидетельство о работе и жизни Гreve скорее подтверждает высказывание Дизеля, хотя опыт иммигранта-изгнанника может быть достаточным поводом к настоящей одержимости порядком и столь же сильным страхом хаоса.

В переписке с Варкентином этот вымышленный порядок вступает в сражение с хаосом. В книге «По тропам прерий» хаос находится вне личности рассказчика и за отдельными сторонами его затруднений. Гreve укрылся в защитную оболочку разделённой человечности, разделённой с семьёй и обществом, против сил

⁷ Nurge E. Some Depictions of German Cultural Character. - P. 223.

природы. В этой книге хаос вытеснен из мира человека в мир естественной силы. «По тропам прерий» - это обретение дома изгнанником-иммигрантом. Когда он покончил со своей опекой в духе Джеймса, Гриве обрёл себя в Рождество, в арканзасской больнице: «Когда я вышел из неё, я больше не узнавал свой мир! Он изменился». На дороге между Глэстоном и Фалмутом, он получил свой мир во всех деталях, и сделав так, свёл воедино свой брак и свой писательский труд. Для его таланта это было настоящим возвращением домой. И это привело его к настоящему (как он уже знал) предназначению: быть романистом для иммигрантов Канады.

Герд Ланггут

ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ*.

«Германский вопрос открыт до тех пор, пока существуют Бранденбургские ворота. Открытый германский вопрос - это часть открытого европейского вопроса, мирного устройства Европы».

Эти слова, сказанные во время раскола Германии бывшим президентом Рихардом фон Вайцеккером, продемонстрировали тесную связь между германским и европейским вопросами. Поначалу только западноевропейскую интеграцию в рамках существовавшего Европейского Экономического сообщества (ЕЭС), позднее Европейского Сообщества (ЕС) и сегодняшнего Европейского Союза (ЕС) следует рассматривать с учетом того, что, с точки зрения западноевропейских держав-основателей объединяющаяся Европа, европейская интеграция должна была обеспечить безопасность от Германии, а с точки зрения ФРГ и ее первого канцлера Конрада Аденауэра - принести безопасность Германии.

Факт европейской интеграции является революционным актом, поскольку впервые в европейской истории национальные государства добровольно передали часть суверенных прав на транснациональный уровень. Впрочем, не абсолютно добровольно, т.к. такая интеграция произошла, в первую очередь, под давлением событий. На западе Европы в сильном сообществе видели защиту от распространения того, что воспринималось как «советский империализм». С другой стороны, западноевропейские партнеры Федеративной Республики Германия с самого начала хотели ограничить ее возрастающее влияние. Это началось уже с Европейского Объединения угля и стали (ЕОУС), вступившего в силу в 1952 году. Впервые побежденная Германия в образе ФРГ была равноправным партнером одной из главных держав-победительниц Франции, трех стран Бенилюкса (Бельгии, Нидерландов и Люксембурга), а также Италии. Тот факт, что спустя семь лет после окончания Второй мировой войны на почве угля и стали – основ военной экономики – был заключен равноправный договор с побежденной Германией, ни в коей мере не был случайным. В частности, для французов речь шла в первую очередь о том, чтобы контролировать производство угля и стали в Германии, в то время как Аденауэр, с другой стороны, хотел расширить пространство для внешнеполитического маневра молодой ФРГ. Однако, конфликт Востока и Запада сделал свое дело, и под давлением США Федеративная Республика Германия как можно скорее должна была быть интегрирована в мир демократических государств.

Вплоть до формального объединения в 1990 году и до встречи на высшем уровне в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)

---

* Перевод с немецкого к.и.н. С.И. Дмитриевой. *Gerd Langguth, Die Deutsche Frage und die Europäische Union*

в ноябре 1990 в Париже ФРГ не была суверенной. С восточной стороны давали понять, что в случае ГДР речь идет о суверенном государстве в системе международного права. Но и здесь считалось: Советский Союз как одна из четырех держав-победительниц Второй мировой войны обладает особыми правами над всей Германией. Особенно это проявлялось в политике относительно Берлина. Западный Берлин, хотя и окруженный территорией ГДР, не относился к ее юрисдикции. До воссоединения Германии формально в Западном Берлине высшими правами обладали три западных союзника. Но и для предположительно суверенной ГДР существовали особые предписания. Более всего в этой связи бросались в глаза транспортировки военной продукции через территорию бывшей ГДР в Западный Берлин, чтобы обеспечить три западных гарнизона. Это происходило не на основе каких-либо договоров западных союзников с правительством ГДР, а на основе оккупационного права, ставшего результатом Лондонских протоколов 1944 года. Общая Служба безопасности полетов союзников была еще одним институтом, управлявшимся четырьмя державами-победительницами, включая СССР, вплоть до воссоединения Германии.

Но даже если Советский Союз заявлял, что Западный Берлин является «самостоятельным политическим единством», не принадлежащим к территории ФРГ, имелись, напротив, указания на то, что Восточный Берлин не был полностью интегрированной составной частью ГДР. Это проявлялось в переходе из Западного Берлина в Восточный, поскольку дипломаты и солдаты трех западных союзников имели неограниченный доступ ко всему Берлину, в чем им, несмотря на отдельные попытки с восточной стороны, не препятствовали. То, что американские, английские и французские офицеры могли гулять по улице Унтер ден Линден, как раз символизировало особый статус всего Берлина. Вообще, до воссоединения Германии существовали своего рода пережитки военных правительств – т.н. военные миссии: советская военная миссия (на территории ФРГ) в бывших оккупационных зонах американцев, англичан и французов и военные миссии трех союзников в Потсдаме, т.е. за пределами Восточного Берлина. Служащие этих миссий могли, в принципе, свободно передвигаться по территории ГДР (за исключением изолированных военных округов), хотя время от времени им в этом препятствовали. Это свидетельствует о том, что, вопреки провозглашенному международному суверенитету ГДР бывший Советский Союз признавал особый статус Германии как единого целого. В конечном счете, это было подтверждено т.н. переговорами по формуле «два плюс четыре», переговорами четырех держав-победительниц с правительствами обеих Германий, которые привели к воссоединению.

Без сомнения, раскол Германии был связан с расколом Европы. Это проявилось в Основном законе ФРГ, который объединил две конкурирующие тенденции, поскольку в преамбуле немецкий народ был призван «сохранять свое национальное и государственное единство и служить делу мира в качестве равноправного члена единой Европы».

Здесь нужно остановиться на некоторых аспектах связи германского вопроса и европейской интеграции.

Раскол Германии имел особенно тяжелые последствия для немцев, т.к. одновременно с расколом Европы вставал вопрос их национальной идентичности. Польша без коммунистов во главе все равно остается Польшей. Обновленная Венгрия, не управляемая коммунистами, точно также остается Венгрией. В этой

связи очень логичным было заявление некогда ведущего теоретика коммунистической СЕПГ Отто Рейнхольда: «Какие основания для существования были бы у капиталистической ГДР рядом с капиталистической ФРГ? Разумеется, никаких!» Вопреки доктрине всеилия партии руководство СЕПГ не сумело привить населению ГДР собственной национальной идентичности¹. В частности, национальный гимн ГДР был долгое время запрещен к исполнению, поскольку его текст, написанный Йоханнесом Р. Бехером, со строчкой «Германия, единое Отечество» рассматривался в ГДР как своего рода попытка заговора. В одном комментарии из ГДР к воссоединению немецких государств, появившемся в январе 1990 года значилось: «Одной из самых фатальных политических ошибок партийного и государственного руководства Хонеккера было то, что оно не признавало наличие немецкой нации и объявляло германский вопрос несуществующим. Как показали события 1989 года эта политика была дестабилизирующей для ГДР, для социализма и вместе с тем для мира в Европе»².

Несмотря на некоторые различия понятий «государственная нация» и «культурная нация», ФРГ долгие годы носила временный характер, в то время как руководство ГДР все больше было заиклено на отграничении от ФРГ, не имея при этом возможности привить социалистические идеи и выработать собственное национальное чувство среди населения. Временный характер ФРГ нашел выражение в статье 146 Основного закона: «Этот Основной закон перестает действовать в тот день, когда в силу вступит конституция, принятая свободным решением немецкого народа». В отношении демократического устройства решение ФРГ было отнюдь не временным – оно звучало так: свобода ради единства. Однако ФРГ признавала временный характер своего государственного устройства. Хотя в самой ФРГ периодически выдвигалось требование признания ГДР с точки зрения международного права, оно ограничивалось решениями Федерального конституционного суда. В особенности статья 116 Основного закона термином «немцы» провозглашала единое немецкое гражданство. Этот правовой институт немецкого гражданства был важнейшим институциональным элементом, связующим немцев, поскольку он гарантировал гражданам ГДР обращение на территории ФРГ как с соотечественниками. Этот правовой институт привел затем к эрозии ГДР, к массовому исходу и массовой иммиграции в Западную Германию. И все-таки около 300.000 восточных немцев переселились в Западную Германию в 1989 году. В 1990 году Число переселенцев достигало 3000 человек ежедневно.

Уже в момент основания ФРГ отчетливо проявилась ее независимость от международной политики и от решений бывших держав-победительниц, в особенности в ходе преодоления последствий войны, возрождения в мире, ставшем биполярным, в котором ФРГ искала защиты от крепнущего коммунизма в западной интеграции³. Но только посредством такой связи могла быть восстановлена свобода действий западногерманских политиков. О том, что роль классических национальных государств все больше уступала включенности в международные союзы, превращалась в взаимозависимость от международных процессов принятия решений, говорило не только основание Варшавского пакта в 1955 года и Совета

¹ О неудачных попытках СЕПГ создать собственную социалистическую немецкую нацию см.: Langguth G. Neuer Kurs in der nationalen Frage? - Die Haltung der SED zur deutschen Einheit / G. Langguth // Die politische Meinung. - Bd. 33. - 1988.

² Radio Berlin International (Berlin-Ost, 16. Januar 1990).

³ См.: Bracher K.D. Kein Anlass zu teuto-Pessimismus / K.D. Bracher // Süddeutsche Zeitung. - 24. Mai. - 1989.

экономической взаимопомощи (СЭВ), но и параллельные усилия непосредственно после Второй мировой войны по ограничению национального эгоизма отдельных государств посредством создания международных организаций, прежде всего Организации Объединенных Наций (ООН).

Так увидела свет организация, основанная на сравнительно идеалистических представлениях, как и Лига наций после Первой мировой войны. Но попытка создать в рамках специальных организаций новый экономический миропорядок была нова. ФРГ, которая уже в 50-е годы вступила во все специальные организации ООН, только в 1973 году одновременно с ГДР, получила в этой международной организации полноправное членство. Путь к этому двойному членству стал возможным благодаря восточной политике и политике в отношении ГДР социал-либерального правительства Вилли Брандта. Задачей Международного Валютного Фонда (МВФ) была стабилизация валютных отношений,

Международный банк реконструкции и развития (Мировой банк) должен был осуществлять международные инвестиции, а посредством Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ, сегодня ВТО) в конечном счете была создана основа для многосторонних переговоров о понижении таможенных тарифов и устранении прочих препятствий в торговле. Помимо этого, американский госсекретарь Джордж Маршалл в речи в Гарвардском университете в июне 1947 года предложил финансовую помощь Соединенных Штатов для экономического возрождения Европы. Государствам, входящим в зону влияния Советского Союза, было запрещено принимать эту помощь. Кроме того, в 1949 году был основан Европейский Совет, обладающий ограниченными полномочиями, с резиденцией в Страсбурге, в который до преодоления раскола Европы входили только западноевропейские державы.

Особенно большое значение имела впечатляющая речь Робера Шумана 9 мая 1950 года повлекшая за собой поворот в политике Франции в отношении Германии. Он предложил подчинить добычу угля и производство стали Францией, Германией и другими европейскими странами общему европейскому учреждению.

Подписанным 18 апреля 1951 года в Париже Договором о создании ЕОУС, базировавшимся на размышлениях Жана Монне, ФРГ была признана равноправным партнером со стороны пяти остальных участников⁴. Тем самым было предопределено основание Европейского Сообщества. Вступление ФРГ, помимо прочего, базировалось на статье 24 Основного закона, по которой Федерация может «передавать высшие права межгосударственным учреждениям» - нововведение в немецком конституционном праве. Это определение должно было продемонстрировать, как выразился немецкий социал-демократ Карло Шмид в докладе на втором пленарном заседании Парламентского Совета 8 сентября 1948 года, что «немецкий народ ... решил вступить из национально-государственной фазы своей истории в наднациональную»⁵.

Собственно, революционное значение западноевропейской интеграции с момента основания ЕОУС заключается в том, что государства-участники интеграционного процесса добровольно, без принуждения передали часть функций

---

⁴ По этому вопросу см.: Monnet J. Erinnerungen eines Europäers / J. Monnet - München-Wien, 1978, - S. 404 ff; Schmid C. Erinnerung / C. Schmid. - Bern-München-Wien, 1980. - S. 514 ff; Müller-Roschach H. Die deutsche Europapolitik 1949-1977 / H. Müller-Roschach. - Bonn, 1980. - S. 9 ff.

⁵ Parlamentarischer Rat, Stenographischer Bericht, 2. Plenarsitzung, 8. September 1948, Seite 15; siehe auch C. Schmid, a.a.o., Seite 361 ff.

Объединению (позже Сообществу). Тем самым возврат к национальному государству оказался невозможным (правда, иначе, нежели после Первой мировой войны). Таким образом, создание новой демократии в Германии было тесно связано с европейской идеей. Вскоре стало очевидным, что ФРГ становится силой в центре Европы, обладающей критической массой: крепнущая связь политики ФРГ с Европейским Сообществом наводила на мысль о том, что экономический потенциал тогда 62-миллионного народа сдерживался политической интеграцией, в ходе которой классическое национальное стремление к превосходству умиралось с помощью сотрудничества в ЕС. То есть, политики ФРГ вынуждены были постоянно мыслить и национальными, и европейскими категориями.

Европейское направление внешней политики Федеративной Республики Германия сочеталось с тесным сотрудничеством с Соединенными Штатами Америки, которые, особенно в эпоху Холодной войны, гарантировали Западной Германии защиту от распространяющегося коммунизма.

Наряду с этим, права суверенитета четырех держав-победительниц над Германией как единым целым сохранялись. Ведь даже Советский Союз не заключил с ГДР отдельного мирного договора. Хрущев в связи со вторым Берлинским кризисом между 1958 и 1962 годами угрожал заключить такой мирный договор с ГДР, но он так и не был реализован. Это продемонстрировали три основополагающих договора между СССР и ГДР: Московский договор от 20 сентября 1955 года об отношениях между ГДР и Советским Союзом⁶, затем Договор о дружбе, взаимопомощи и сотрудничестве между ГДР и СССР от 12 июля 1964 года⁷. и Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между двумя государствами от 7 октября 1975 года⁸. В статье 10 этого договора, заключенного на 25 лет, значилось: «Этот договор не затрагивает прав и обязанностей заключающих его сторон, закрепленных действующими двусторонними и многосторонними соглашениями». Эта формулировка была направлена на обязанности Советского Союза относительно трех западных союзников.

Однако и Парижские договоры относительно Германии, заключенные 26 мая 1952 и 23 октября 1954 года в измененной редакции, отражали сохранность преимущественных прав держав – победителей. Так, например, в статье 2 этого договора по германскому вопросу значилось: «В связи с международным положением, которое до сих пор не позволяло объединить Германию и заключить мирный договор, три союзника оставляют за собой использовавшиеся ими или принадлежавшие им до этого права и сохраняют ответственность за Берлин и Германию как единое целое вплоть до воссоединения Германии и заключения мирного договора»⁹. В этих договорах, связывавших три державы-победительницы и ФРГ до воссоединения, подписавшие государства сошлись во мнении, «что важной целью их общей политики является мирное урегулирование для всей Германии на основе договора между Германией и ее бывшими противниками,

⁶ Forschungsinstitut der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik (Hrsg.), Dokumente zur Berlin-Frage, 1944-1966. - München, 1967. - S. 239 ff.

⁷ Ebenda

⁸ Bundesminister für Innerdeutsche Beziehungen (Hrsg.), Texte zur Deutschlandpolitik, II/3, Bonn. - 1976. - S. 440 ff

⁹ Цит. по: Bundeszentrale für Politische Bildung (Hrsg.), Grundgesetz, Textausgabe. - Bonn, 1977. - S. 1109 ff; veröffentlicht auch in: Auswärtiges Amt (Hrsg.), Die auswärtige Politik der Bundesrepublik Deutschland. - Köln, 1972.

которое стало бы основой длительного мира» (статья 7, абзац 1). Кроме того, партнеры были единодушны по поводу того, «что окончательное определение границ Германии необходимо отложить до этого урегулирования» (статья 7, абзац 1).

Определяющим для дальнейшей политики ФРГ был второй абзац статьи 7, по которой до заключения мирного договора государства-участники должны действовать совместно «для осуществления мирными средствами их общей цели: воссоединенная Германия, располагающая свободной демократической конституцией, как ФРГ, а также интегрирована в европейское сообщество». То есть, условиями для получения политического суверенитета в дальнейшем для ФРГ были демократическое развитие, воссоединение и активное участие в процессе европейской интеграции. Таким образом, эта статья не только создала формальную основу для политики Западной Германии, но и показала идеалы западной политики защиты мира и свободы. Это также отражено в статье 3, абзаце 1, где ФРГ заявляла, что ее политика будет соответствовать принципам ООН и целям Совета Европы.

Эти договоры сориентировали политику западных держав в направлении единства Германии, хотя к моменту краха коммунистического режима в ГДР ни французское правительство во главе с Франсуа Миттераном, ни (особенно!) английское правительство Маргарет Тэтчер не собирались открыто поддерживать идею объединения Германии. Прежде всего, это была заслуга американского президента Джорджа Буша, который благодаря своему курсу оказывал влияние на обоих союзников. С другой стороны, это была позиция бывшего советского президента Михаила Горбачева, который видел, на каких глиняных ногах стоит режим в Восточном Берлине.

Прекрасные личные отношения между ним и федеральным канцлером Гельмутом Колем способствовали доверительному сотрудничеству в трудные времена урегулирования германского вопроса. Чем менее могли противиться Франция и Великобритания воссоединению Германии, ответственность за которую они несли перед международным сообществом, тем в определенном смысле болезненнее воспринимался союзниками факт германского единения: пока Германия не была единой, и победители несли за нее ответственность, они могли существенно влиять на политику обеих Германий, нуждавшихся в их поддержке. Без сомнения, это было справедливо также в отношении Советского Союза и ГДР, хотя в официальных заявлениях обоих правительств это отрицалось¹⁰.

Однако, было бы ошибкой заявлять, что ЕС в составе тогда 12-ти государств формировал процесс воссоединения Германии. Среди дружественных западноевропейских государств, конечно, существовали различные видения этого процесса, как и в самой ФРГ. Своего рода сенсацией стал в ФРГ в 1984 году тот факт, что итальянский министр иностранных дел Андреотти не только сформулировал тезис: «Существуют два германских государства, и два их должно остаться», - но и назвал грозящей опасностью призрак пангерманизма¹¹. Тогда именно президент Европейской Комиссии Жак Делор предвидел скорое

¹⁰ См.: Langguth G. Die Berlinpolitik der DDR und der Sowjetunion / G. Langguth // Berlin – Vom Brennpunkt der Teilung zur Brücke der Einheit / hrsg. von G. Langguth. - Köln 1990. - S. 142.

¹¹ Более подробно об этом см.: Langguth G. Die Deutsche Frage und die Europäische Gemeinschaft / G. Langguth // Deutschland zwischen Krieg und Frieden. Beiträge zur Politik und Kultur im 20. Jahrhundert / hrsg. von C.D. Bracher, M. Funke, H.-P. Schwarz. - Bonn 1990. - S. 246.

воссоединение Германии, и поэтому позаботился о том, чтобы состоялись конструктивные переговоры о включении восточной части Германии, ГДР, в правовое поле ЕС. Государственный секретарь Халльштейн, первый президент Еврокомиссии, который вел переговоры от имени ФРГ, сообщил Бундестагу о Римских договорах и заявил при этом: «Федеральное правительство исходит из возможности в случае воссоединения Германии осуществить пересмотр договоров об Общем рынке и Евратоме». Руководитель немецкой делегации 28 февраля 1957 года занес эти слова в протокол¹². В любом случае, это заявление не было составной частью договора, оно даже не было высказано как формальное условие, тем самым была поставлена под сомнение правовая значимость этого условия – условия объединения Германии, поскольку федеральное правительство использовало для такого условия малейший повод, говоря о возможности пересмотра договоров. Но такой пересмотр не предусматривался правительством Г.Коля.

Переговоры по формуле «два плюс четыре» не преследовали целью создание нового субъекта международных отношений. Благодаря включению ГДР в ФРГ была сохранена преемственность «включенности» в процесс европейской интеграции. В связи с воссоединением Германии был дан толчок европейской интеграции. Ведь преодоление страха перед слишком сильной Германией за счет ускорения интеграции отвечало планам бывшего федерального канцлера Гельмута Коля. Маастрихтский договор и принятая им единая валюта стран-членов ЕС, положившая конец доминированию Федерального банка Германии в вопросах валютно-денежной политики, являются конкретным результатом воссоединения Германии.

М.В. Курчанов

ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА - ИСТОРИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ В ДИСКУРСАХ НАПИСАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ИДЕНТИТЕТА.

Существование двух немецких государств в послевоенной Европе стало политической реальностью. Отделение Австрии привело к началу нового австрийского проекта, весьма отдаленного в своих многочисленных проявлениях от тех национальных процессов, которые имели место в ГДР и ФРГ. Поражение Германии во второй мировой войне и крах национал-социализма привели к тому, что понятия «нация» и «национализм»¹, по крайней мере, оказались почти нецензурными, вычеркнутыми из политического лексикона и использовавшимися лишь интеллектуалами и публицистами маргинального национал-реваншистского толка. Однако, к 1950-м годам ситуация изменилась - появление двух государств в центре Европе нуждалось в идейном, в том числе - и национальном, обосновании.

Власти ГДР с особой силой культивировали понятия «немецкое», «национальное» и «народное». Коммунистические власти в ГДР широко использовали национальную терминологию, стремясь показать, что Германия

¹² Ср.: Bundestagsdrucksache 11/3660, Seite 11.

¹ О немецком вопросе, о политике стран-победительниц, расколе Германии и образовании двух немецких государств см.: Schwarz H.-P. Vom Reich zur Bundesrepublik Deutschland im Widerstreit der außenpolitischen Konzeptionen in den Jahren der Bestzungsherrschaft 1945 - 1949 / H.-P. Schwarz. - Stuttgart, 1980. Об истории этих понятий в Германии см.: Koselleck R., Schönemann B., Werner K.F. Volk, Nation, Nationalismus, Masse / R. Koselleck, B. Schönemann, K.F. Werner // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. - Bd. 7. - Stuttgart, 1992. - S. 141 - 431.

имеет право на свой «немецкий путь к социализму»². Первыми легализованными газетами в советской зоне оккупации, где позднее возникнет ГДР, стали газеты коммунистов и социал-демократов с показательными названиями - «*Deutsche Volkszeitung*» и «*Das Volk*». В конце 1940-х годов СЕПГ заявила о своих общегерманских амбициях, направленных на построение нового единого немецкого национального государства. Лозунг «Немцы - за один стол» был явно проявлением этой политической линии руководства ГДР. В целом, «немецкая», «национальная», «народная» лексика в политической жизни ГДР была представлена широко. В ГДР существовал *Nationalen Front*, в его рамках действовал *Nationale Rat der Nationalen Front*. Существовала *Volkskammer* (Народная Палата), *Nationalen Volksarmee* (Национальная Народная Армия). Более того, республика позиционировала себя как именно *немецкое* государство, *Deutsche Demokratische Republik*, а политический строй преподносился как *Volksdemokratie*³.

В то время как в ГДР национальная фразеология находила самое широкое применения, в ФРГ складывалась совершенно иная ситуация. Западные немцы не смогли быстро оправиться от тоталитарного прошлого. Над ними нависали двенадцать лет национал-социалистической диктатуры с ее специфической интерпретаций понятий «нация» и «национализм». Перед ними в обществе ФРГ возник некий иммунитет. Вместо них использовался термин «общенемецкое». К тому же одна из первых попыток восстановления национального единства хотя бы на интеллектуальном уровне, предпринятая литературной «группой 47» была пресечена англо-американскими оккупационными властями. Если власти ГДР сравнительно быстро начали конструировать ГДР не просто как социалистическое, но и как немецкое национальное государство, то в ФРГ о немецком вопросе более активно начали спорить только с началом 1950-х годов. В 1952 году в ФРГ образовалась Общегерманская Народная Партия. В 1955 году группа национально ориентированных немецких интеллектуалов приняла т.н. Немецкий Манифест, который содержал призыв к выходу из НАТО и объединению Германии. Однако, национальная тенденция в политической жизни ФРГ была представлена лишь этими силами и, пожалуй, Евангелической Церковью, в съездах которой принимали участие и представители из ГДР.

В ФРГ национальное самосознание все более очевидным становится во второй половине 1950-х годов. Правительство ФРГ в 1954 году провозгласило 17 июня национальным праздником, выражая солидарность с восстаниями прошедшими в ГДР в этот день в 1953 году. К тому же, историки ФРГ все активнее начинают изучать историю Германии, стремясь показать себя как единственную наследницу общегерманского исторического прошлого. К тому же, в 1954 году возникает и полуофициальный институт «Попечительский совет "Неделимая Германия"» («*Kuratorium Unteilbares Deutschland*»)⁴. Власти ГДР, разумеется, не могли оставаться безучастными. В 1962 году в ГДР увидел свет так называемый Национальный Документ с весьма показательным названием «Историческая задача ГДР и будущее Германии». Авторы новой политической доктрины доказывали

² Ackermann A. Gibt einen besonderen deutschen Weg zum Sozialismus / A. Ackermann // Einheit. - 1946. - No 1.

³ По истории этих структур см.: Staritz D. Geschichte der DDR. 1945 - 1985 / D. Staritz. - FaM., 1985; Weber H. DDR. Grundriß der Geschichte 1945 bis 1981 / H. Weber. - Hannover, 1984; Heitzer H. DDR. Geschichtler Überblick / H. Heitzer. - Berlin (Ost), 1987.

⁴ Kreuz L. Das Kuratorium Unteilbares Deutschland. Aufbau, Programmatik, Wirkung / L. Kreuz. - Opladen, 1980.

необходимость пока отдельного существования ГДР без ФРГ: «мы должны считаться с тем, что в течение длительного времени нам предстоит жить в условиях существования двух принципиально различных и совершенно независимых немецких государств ... сегодня эти два государства враждебно противостоят друг другу. Это невыносимо, но таково положение вещей»⁵. К тому же в конституции 1968 года ГДР провозглашала себя «социалистическим государством немецкой нации».

Если ГДР в 1960-е годы еще более активно чем раньше использует национально ориентированную фразеологию, то в ФРГ наметилась странная тенденция интеллектуального отмежевания от всего немецкого и национального. В ФРГ прошла смена поколений в политике и культуре. Представители «группы 47» перестали быть маргиналами, но национальное их уже не очень привлекало. К тому же Карл Ясперс выдвинул тезис о том, что немцы имеют права на свободу, но не национальное государство. Несколькими годами ранее, в 1959 году, Гельмут Плесснер в отношении ФРГ употребил термин «запоздалая нация». Более того, нередко вся последующая политическая история ФРГ интерпретируется в современной историографии как «постнациональная ситуация». К тому же, большинство населения ФРГ фактически не проявляло никакого интереса к ГДР и ее жителям, стремясь таким образом ментально отделить себя от другого немецкого государства - интерес к этой теме проявляли только немецкие интеллектуалы, которые все еще по инерции писали о немецком единстве. Поэтому, широкое и активное изучение наций и национализма в ФРГ и публикации переводных исследований по данной тематике здесь начались лишь после объединения - только в 1990-е годы, хотя периодически исследования по этой проблематике появлялись и ранее. Однако историческая наука в ФРГ оказалась не в состоянии решить проблему немецкого единства. Большинство публикаций по данной тематике нередко имело декларативный характер, а публикации документальных источников по проблеме единства Германии в лучшем случае способствовали росту интереса к этой проблеме, но не реальному политическому объединению⁶.

На таком фоне национальной апатии в ФРГ, Германская Демократическая Республика достигает не только своего высшего экономического расцвета, но и пика национального самоутверждения. По мнению современного историка О. Данна в ГДР 1970-х годов возникает «новая формулировка собственной национальной идентичности»⁷. Этому способствовали конституционные изменения. Пересмотр конституции в 1974 году привел к тому, что из нее исчезли утверждения об общегерманском единстве и единой нации. После этого гимн «Deutschland einig Vaterland» стал исполняться без слов. Проблема слов, точнее языка, была очень актуальной в процессе создания особого идентитета в ГДР. Местные идеологи осознавали, что трудно привить немцам в ГДР особое национальное мировоззрение до тех пор, пока они объединены с немцами в ФРГ ...

⁵ Данн О. Нации и национализм в Германии. 1790 - 1990 / О. Данн. - СПб., 2003. - С. 327.

⁶ Benz W., Plum G., Röder W. Einheit der Deutschland. Diskussionen und Konzeptionen zur Deutschlandpolitik der großen Parteien seit 1945 / W. Benz, G. Plum, W. Röder. - Stuttgart, 1978; Gellner E. Nationalismus und Moderne / E. Gellner. - Berlin, 1991; Hobsbawm E.J. Nationen und Nationalismus / E.J. Hobsbawm. - FaM., 1991; Anderson B. Die Erfindung der Nation. Zur Karriere eines erfolgreichen Konzepts / B. Anderson. - FaM., 1988; Die deutsche Einheit als Problem der europäischen Geschichte / hrsg. von C. Hinoichs und W. Berges. - Stuttgart, 1960; Die deutsche Nation. Aussagen von Bismarck bis Honecker / hrsg. von C.C. Schweitzer. - Köln, 1976.

⁷ Данн О. Нации и национализм в Германии. - С. 349.

немецким языком. До создания нового немецкого языка дело не дошло, но местные интеллектуалы в ГДР особое внимание акцентировали на особенности языка в Восточной Германии. Восточногерманские интеллектуалы не отрицали, что именно немецкий язык - особая форма связи с культурными традициями прошлого, своеобразная «рецепция наследия». При этом они стремились вычистить из языка те элементы, которые ассоциировались с буржуазным и национал-социалистическим прошлым. Более того, интеллектуалы ГДР в своем языковом творчестве обращались к Мартину Лютеру, видя в нем своего предшественника⁸.

Несмотря на усилия, направленные на отдаление от ФРГ, уже в 1970-е годы в ГДР начинается кризис. Попытки создания нового немецкого национального идентитета на революционной и социалистической основе оказываются безуспешными, растет оппозиционность⁹. Власти продолжали развивать идею об особом пути, о том, что культура в ГДР развивается иначе, чем в ФРГ, что привело к формированию еще одной - немецкой социалистической культуры. Однако, уже тогда в ФРГ появились публикации, в рамках которых проводилось сравнение различных национальных идентитетов, которые постепенно развивались на Востоке и на Западе Германии. В этой ситуации ФРГ начинает ментально готовиться к тому, что ей рано или поздно придется принять в свой состав восточные земли. К тому же благодаря развитию телевидения в 1970-е годы жители ГДР смогли смотреть передачи из ФРГ. Так постепенно формировалось чувство сопричастности с событиями, имевшими место в Западной Германии. В ФРГ стал очевиден интерес к немецкой национальной проблеме, началась дискуссия о немецком национальном идентитете¹⁰. Примечательно, что западно-германские исследователи оспаривали существование особого национального идентитета в ГДР, пытаясь распространить на нее общенемецкий идентитет. Кризис в ГДР, перестройка в СССР, местные попытки либерализации и реформ привели к окончательному кризису ГДР как национального немецкого проекта.

Несмотря на этот кризис и крах ГДР, период ее существования представляет собой череду интересных попыток построения нового национального государства, которые представлены в нескольких различных дискурсах. Восточногерманский дискурс восприятия ГДР - это местный официальный дискурс историописания и нациестроительства. Он культивировался усилиями восточногерманской историографии и усиленно пропагандировался историками ГДР. Примечательно, что понятие «национализм» в ГДР, как и в СССР, было скорее негативным, чем позитивным, а понятие «идентитет» - официальные идеологи вообще стремились

---

⁸ Хепке К. Излишества в употреблении иностранных слов / К. Хепке // Хепке К. Литература и жизнь. Классика и современность в восприятии читателя / К. Хепке. - М., 1984. - С. 135 - 139; Хепке К. Языковое творчество Лютера: что оно дает тем, кто сегодня говорит и пишет? // Хепке К. Литература и жизнь. Классика и современность в восприятии читателя / К. Хепке. - М., 1984. - С. 222 - 246. О Клаусе Хепке см.: Гранин Д. Диапазон человека / Д. Гранин // Хепке К. Жизненные ценности и наши книги / К. Хепке. - М., 1988. - С. 5 - 8. См. так же: Хепке К. Жизненные ценности и наши книги / К. Хепке. - М., 1988; Höpcke K. Chancen der Literatur. Werte des Lebens und unsere Bücher / K. Höpcke. - Leipzig, 1986.

⁹ Об оппозиции в ГДР см.: Fricke K.W. Opposition und Widerstand in der DDR. Ein politische Report / K.W. Fricke. - Köln, 1984.

¹⁰ Honecker E. Bericht des Zentralkomitees der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands an den IX. Parteitag der SED / E. Honecker // Neues Deutschland. - 19. Mai. - 1976. - S. 11; Schweigler G. Nationalenbewußtsein in der BDR und der DDR / G. Schweigler. - Düsseldorf, 1973; Die Identität der Deutschen / hrsg. von W. Weidenfeld. - Bonn, 1983.

изгнать из немецкого языка¹¹. Официальная историография ГДР преподносила ГДР как истинное немецкое государство, как прямое продолжение немецких политических традиций. В данном случае историки шли вслед за политиками, например, Э. Хонеккером, отмечавшим, что «Германская Демократическая Республика является немецким государством социального прогресса, наследницей всего прогрессивного и гуманистического в истории немецкого народа». Таким образом, ФРГ исключалась из исторического процесса и не признавалась как полноправное немецкое национальное государство. Исключая ФРГ из континуитета общегерманского исторического развития, власти ГДР стремились доказать, что сознание восточных немцев в корне отлично от буржуазного мировоззрения жителей ФРГ. Вальтер Ульбрихт, например, говорил о том, что в ГДР имеет место «формирование социалистического сознания людей, освобождение от старого буржуазного и капиталистического образа мышления и привычек, подъем до уровня сознания общественной деятельности, до социалистического сознания дисциплины, активности, ответственности и инициативы»¹².

Особое внимание акцентировалось на том, что истоки ГДР - это революционное и демократическое антифашистское движение. Таким образом, при написании национальной истории в восточнонемецком варианте особо подчеркивался революционный романтизм, а все изменения, произошедшие после 1945 года, позиционировались как «революционные преобразования». ГДР преподносилось как уникальное историческое явление, как не просто новое немецкое государство, а как истинное именно немецкое государство, государство рабочих и крестьян. ГДР в восточногерманской историографии превращалось не в просто государство, а в «рабоче-крестьянское государство». Подтверждением его легитимности служило то, что «империалистическая буржуазия» была лишена власти, а в экономике создан «народный сектор»¹³.

Рассматривая конкретные сюжеты истории ГДР, восточногерманские историки культивировали особый идентитет, стремясь доказать, что развитие культуры и духовности в социалистической ГДР шло совершенно иначе, чем это имело место в соседней капиталистической ФРГ. «Kulturbund» так же много сделал для культивирования отличительных особенностей ГДР в культурной сфере¹⁴. Создаваемый такими общими усилиями идентитет можно определить как, в значительной степени, революционный. Эта идея в течение длительного времени культивировалась на страницах официальных изданий: «возникновение социалистической государственной власти в Германской Демократической Республике является величайшим историческим достижением германского рабочего класса и руководимых им всех трудящихся масс немецкого народа». СЕПГ преподносилась как опора народной власти, как организатор успехов и побед немцев в деле строительства нового

¹¹ «Кому еще неясно, куда мы придем, если продолжать перегружать речь такими словами как "Identität"» - см.: Хепке К. Излишества в употреблении иностранных слов / К. Хепке // Хепке К. Литература и жизнь. Классика и современность в восприятии читателя / К. Хепке. - М., 1984. - С. 135 - 139.

¹² Neues Deutschland. - Dezember 30. - 31. - 1978; Ульбрихт В. Развитие германского народно-демократического государства. 1945 - 1958 / В. Ульбрихт. - М., 1961. С. 656.

¹³ Крегер Г. Власть рабочих и крестьян в Германской Демократической Республике / Г. Крегер // Германское рабоче-крестьянское государство. - М., 1963. - С. 13 - 45; Хайцер Х. ГДР. Исторический очерк / Х. Хайцер. - М., 1982. - С. 40, 52, 66.

¹⁴ О «Культурбунде» см.: SED und Intellektuelle in der DDR der fünfziger Jahre. Kulturbund Protokolle / hrsg. von M. Heider, K. Thöns. - Köln, 1990.

(социалистического/коммунистического) общества. СЕПГ была в центре внимания многочисленных официальных публицистов и писателей, которые воспевали «партийность, творчески воплощенную»¹⁵. В ГДР по темам, связанным с СЕПГ, писали так много, что СЕПГ стала одним из неотъемлемых компонентов восточно-германского варианта немецкой национальной идентитета. СЕПГ стала тем стержнем вокруг которого строилось большинство национальных концепций.

Тезис о том, что «демократическая и социалистическая культура» стали основой культурного развития в ГДР. Появление социалистической культуры объяснялось тем, что успешно прошла «культурная социалистическая революция». Интеллектуалы считали, что культурные изменения ведут и к национальным изменениям. Логическая цепочка «литература - нация - современность» широко представлена в исследованиях интеллектуалов ГДР. Поэтому, культура ГДР в восточнонемецкой историографии оценивалась как «социалистическая национальная культура» и «культура развитого социализма». Подчеркивая всё социальное, историки ГДР особо старались подчеркнуть то, что социалистическое в ГДР было именно немецким национальным. Культивируя особый национальный идентитет в ГДР, местные интеллектуалы стремились доказать, что исключительно в Германской Демократической Республике немецкая культура развивается, а в ФРГ находится в состоянии кризиса: Курт Хагер в связи с этим писал, что в ФРГ как в «империалистическом обществе» господствует модернизм, кризисное и упадочное течение. В ГДР, напротив, создана подлинно национальная немецкая культура¹⁶.

Интеллектуалы в ГДР в связи с критикой ФРГ критиковали теории о западном и европейском характере ее культуры, параллельно доказывая, что только в культуре ГДР «соединяется величие немецкого прошлого с величием немецкого настоящего». Таким образом, интеллектуалы ГДР стремились доказать существование континуитета между немецкой классической культурой и культурной жизнью ГДР. Это вело к тому, что культура ФРГ превращалась в тупиковую ветвь на дереве общенемецкой культурной традиции. Более того, они стремились доказать, что социалистическая культура ГДР стоит на более высоком уровне развития, чем культура ФРГ. При этом, восточнонемецкие интеллектуалы стремились самоотстраниться от культуры Западной Германии: это явление рассматривалось ими как «размежевание с империализмом, милитаризмом, фашизмом и преступной войной». Культура ФРГ оценивалась как застой -

¹⁵ Германское рабоче-крестьянское государство. Сборник статей / ред. Н.А. Сидоров. - М., 1963. - С. 7; Шюслер Г., Вейраух Э. Социалистическая единая партия Германии - руководящая сила рабоче-крестьянской власти / Г. Шюслер, Э. Вейраух // Германское рабоче-крестьянское государство. - М., 1963. - С. 122 - 146. См. так же: V. Deutscher Schriftstellkongreß. Vom 25. bis 27. Mai 1961. - Berlin, 1962; см так же русский перевод: Иностранная литература. - 1961. - № 9.

¹⁶ Girnius W. Von Umstülpungen, geschwungenen Hämmern und der Metamorphose des Menschen / W. Girnius // Sinn und Form. - No 4. - 1972; Klaus J. Literatur - Nation - und unsere Zeit / J. Klaus. - Berlin, 1960; Koch H. Kultur und Kunst in der entwickelten sozialistischen Gesellschaft / H. Koch // Zur Theorie des sozialistischen Realismus. - Berlin, 1974; Хайцер Х. ГДР. Исторический очерк. - С. 31, 119, 171; Хонеккер Э. Из отчета Центрального Комитета VIII съезду СЕПГ / Э. Хонеккер // Творчество и жизнь. Литературно-художественная критика в ГДР. - М., 1976. - С. 29 - 33; Хонеккер Э. Отчет Центрального Комитета VIII съезду СЕПГ. 15 июня 1971 года / Э. Хонеккер. - М., 1971. - С. 119 - 126; Хагер К. К вопросам политики Социалистической Единой Партии Германии в области культуры / К. Хагер // Творчество и жизнь. Литературно-художественная критика в ГДР. - М., 1976. - С. 34 - 36; Hager K. Literatur und Kunst bereichern unser Leben / K. Hager // Hager K. Zu Fragen der Kulturpolitik der SED / K. Hager. - Berlin, 1972.

интеллектуалы в ГДР придумали даже громкий лозунг в духе Э.М. Ремарка «Im Westen nichts Neues», стремясь доказать, что ФРГ не знает развития¹⁷.

Кроме такого культивирования национального идентитета на культурной основе, официальная историография ГДР преподносила Германскую Демократическую Республику не иначе как Der Deutsche Arbeiter-und-Bauern Staat или Германское рабоче-крестьянское государство. Концепция Der Deutsche Arbeiter-und-Bauern Staat культивировалась официальной историографией на протяжении всего существования ГДР. Особенно активно эта тема разрабатывалась в 1960-е годы. Власти ГДР позиционировали публикации по этой теме как анализ сущности и развития «народно-демократической и государственной власти». Немецкие интеллектуалы, культивируя эту теорию, рассматривали ГДР как истинно германское государство, как «первое рабоче-крестьянское государство, правомерное германское государство, представляющее будущее всей Германии»¹⁸. В данном случае очевидна ментальная дискуссия между интеллектуалами ФРГ и ГДР: если первые отрицали наличие у ГДР исторического прошлого, то вторые - отрицали возможность политического будущего у ФРГ.

Особенный интерес к «народному» - отличительная черта историографии ГДР. Один из крупнейших официальных историков ГДР Хайнц Хайцер писал, что «народ ГДР может по праву гордиться тем, что уже достигнуто в социалистическом немецком государстве». Развивая эту идею, он отмечал, что «в ГДР исторический прогресс совершается за счет трудового народа. Здесь сам народ пожинает плоды своего труда, своих усилий»¹⁹. Такой подход - не результат внутреннего развития исторической науки в Восточной Германии. Он, скорее, результат контроля со стороны властей, идеологического диктата и политического заказа. Идеи историков пересекались с официальными политическими доктринами, широко представленными в работах и выступлениях лидеров ГДР, например Э. Хонеккера ГДР, отмечавшего, что «образование нашего государства стало поворотным пунктом в истории немецкого народа и Европы, последствия которого сейчас более ощутимы, чем тридцать лет назад. Социализм навсегда победил на немецкой земле. Там, где когда-то господствовали империализм и реакция, теперь правят рабочие и крестьяне, претворяя в жизнь революционные идеи Маркса, Энгельса и Ленина»²⁰.

Советский дискурс восприятия ГДР был в значительной степени похож на рассмотренный выше восточногерманский. В данном случае, вопрос о вторичности дискурса или его первичности не имеет принципиальной важности, хотя очевидно, что многие национальные исторические нарративы в ГДР возникли под явным советским влиянием. Советская историография выработала свои особые нарративы описания истории ГДР как немецкой национальной истории. Появление ГДР оценивалось советскими историками как наивысшая точка развития немецкого исторического процесса, как приход к власти самых прогрессивных сил немецкого

¹⁷ Kaufmann H. Zehn Anmerkungen über das Erbe, die Kunst und die Kunst des Erbens / H. Kaufmann // Weimarer Beiträge. - 1973. - No 10; Бехер И. Вариации на неисчерпаемую тему, имя которой человек / И. Бехер // Творчество и жизнь. Литературно-художественная критика в ГДР. - С. 61 - 62; см. так же: Die sozialistische Kultur und ihre nationale Bedeutung. - Berlin, 1958; Нойберт В. Исполненная воинствующего гуманизма / В. Нойберт // Творчество и жизнь. Литературно-художественная критика в ГДР. - С. 193; Redeker H. Im Westen nichts Neues / H. Redeker // Weimarer Beiträge. - 1973. - No 3.

¹⁸ Der Deutsche Arbeiter-und-Bauern Staat. - Berlin, 1960; Германское рабоче-крестьянское государство. Сборник статей. - С.7.

¹⁹ Хайцер Х. ГДР. Исторический очерк. - С. 260 - 261.

²⁰ Neues Deutschland. Dezember 30. - 31. 1978.

общества. Образование ГДР, в соответствии с историческими советскими нарративами, начало принципиально нового исторического этапа в развитии немецкого общества, важнейший момент не только истории Германии, но и всей истории Европы в целом. В образовании ГДР советские германисты были склонны видеть «важнейший фактор борьбы за единую, независимую, демократическую и миролюбивую Германию». Советские историки считали, что появление ГДР - акт братской и бескорыстной помощи Советского Союза немецкому пролетариату и революционному движению²¹. Таким образом, особый метанарратив о руководящей роли советского (русского) народа переносился и на написание национальной истории ГДР.

Правда, в ряде случаев советские исторические нарративы были более радикальны, чем аналогичные концепции в историографии ГДР. Если восточнонемецкие историки выводили сам факт появления ГДР из антифашистского движения, то советские германисты в ряде случаев были склонны отсчитывать истоки от событий Октября 1917 года. Более того, советская историография была склонна доказывать историческую предрасположенность Германии именно к социализму. Вся история Германии до 1949 года оценивалась лишь как череда событий, которые готовили появление социалистической Германии: «рождение и успешное развитие в центре Европы немецкого социалистического государства - наглядное свидетельство необратимости исторического процесса преобразования мира на новых, социалистических началах». Создание ГДР, в рамках официальной советской историографии, «поворотный пункт в германской истории»²².

В ряде случаев советские историки при создании национальной истории ГДР использовали типичные нарративы западной историографии. Это относится к категориям «бастиона» и «оплота». Правда, если западные концепции о «бастионе европейского духа» и «оплоте европейской цивилизации» отвергались - советские нарративы о ГДР как об «оплоте миролюбивых сил немецкого (германского) народа» и «западном бастионе социализма»²³ получили свое развитие, искусственно культивировались и переходили из исследования в исследование. Отличительная черта советского дискурса восприятия ГДР состоит в признании факта существования двух немецких государств. Комментируя существование ФРГ и ГДР советские германисты отмечали, что Германская Демократическая Республика является «суверенным социалистическим государством, сосуществующим с другим немецким государством - Федеративной Республикой Германии». Если ФРГ описывалось как оплот империализма, то ГДР рассматривалось как государство, которое существует на совершенно иных

²¹ История Германской Демократической Республики. 1979 - 1973. Краткий очерк. / Ред. В.Д. Кульбакин. - М., 1975. - С. 5; Согомонян Г.С. Образование Германской Демократической Республики - поворотный пункт в истории Европы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. / Г.С. Согомонян. - М., 1952; Григорьев Г. Образование Германской Демократической Республики - поворотный пункт в истории Европы / Г. Григорьев // Вопросы экономики. - 1949. - № 11; Поклад Б.И. Образование и развитие ГДР как важнейший фактор борьбы за единую, независимую, демократическую и миролюбивую Германию и заключение мирного договора. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. / Б.И. Поклад. - М., 1953; Николаев П.А. Политика Советского Союза в германском вопросе 1945 - 1964 / П.А. Николаев. - М., 1966; Галкин А.А., Мельников Д.Е. СССР, западные державы и германский вопрос / А.А. Галкин, Д.Е. Мельников. - М., 1966.

²² История Германской Демократической Республики. 1979 - 1973. - С. 6, 105.

²³ Алексеев С. ГДР - оплот миролюбивых сил немецкого народа / С. Алексеев. - М., 1952; Собинов М. ГДР - оплот миролюбивых сил германского народа / М. Собинов // Коммунист. - 1954. - № 14; Савелин З. Западный бастион социализма / З. Савелин. - М., 1957.

принципах. Наличие социализма и прочих советских атрибутов в ГДР преподносилась как проявление особой исключительности и уникальности, как проявление национальной неповторимости²⁴.

Исторические нарративы о ГДР, которые бытовали в среде советских интеллектуалов, нередко органически и по содержанию были связаны с аналогичными концептами, которые развивались их коллегами в ГДР. Такая своеобразная переключка двух историографий не была случайной. Особенно она очевидна в сфере исследования культуры. Советские интеллектуалы внесли свой вклад в культивирование особой немецкой социалистической культуры, пропагандируя ее в исследовательском советском сообществе. Эта широкая популяризация вела к тому, что возникло представление об исключительности культуры ГДР, ее высоком развитии, в то время как информация, связанная с аналогичными процессами в ФРГ, носила исключительно негативный и политизированный характер²⁵. Советские нарративы о ГДР как немецком национальном государстве отличаются еще большей официозностью и помпезностью, чем аналогичные восточногерманские нарративы. Авторы, например, официальной истории ГДР писали, что в Германской Демократической Республике имели место «глубокие социально-демократические преобразования, которые имеют принципиальное значение для социального прогресса, мира и безопасности в Европе». Официальные советские германисты считали, что «созидательная деятельность народа ГДР под руководством СЕПГ занимает видное место в мировом революционном процессе». Советские исторические нарративы о ГДР, как правило, завершались традиционными утверждениями о том, что «коммунисты и все трудящиеся ГДР твердой поступью идут по пути социализма и коммунизма»²⁶.

Современная немецкая историография оценивает национальные амбиции ГДР, направленные на культивирование местного идентитета, весьма скептически. Отто Данн в своем исследовании, посвященном истории нации и национализма в Германии склонен интерпретировать появление ФРГ и ГДР как своеобразный и неизбежный распад рейхснции, вызванный тем, что политика национал-социалистов довела немецкую культуру и нацию до состояния кризиса. Примечательно то, что, несмотря на общий скептический настрой, современная немецкая историография признает то, что в ГДР широко использовалась национальная фразеология²⁷. Современный германский дискурс восприятия ГДР не ограничивается исключительно этими научными проявлениями. С ГДР в сознании современного среднего немца, как правило, связано немало стереотипов. Особенно эта ситуация характерна для восточных территорий. Некая существующая ностальгия по социалистическому прошлому - показательная черта современной культурной жизни на бытовом уровне. Она не ограничивается такими проявлениями массовой культуры как распродажа прошлого в сувенирных магазинах и проведение всякого рода «дней ГДР», когда жители ФРГ пытаются вернуться в социалистическое прошлое.

²⁴ История Германской Демократической Республики. 1979 - 1973. - С. 9.

²⁵ См. напр.: Гугнин А.А. Современная литература ГДР / А.А. Гугнин. - М., 1987; Млечина И. Жизнь романа. О творчестве писателей ГДР 1949 - 1980 / И. Млечина. - М., 1984; Млечина И.В. Типология романа ГДР / И.В. Млечина. / М., 1985; Фролов Г.А. Наследие романтизма в литературе ГДР / Г.А. Фролов. - Казань, 1987; История литературы ГДР / ред. А.Л. Дымшиц. - М., 1982.

²⁶ История Германской Демократической Республики. 1979 - 1973. - С. 442.

²⁷ Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland 1770 - 1990 / O. Dann. - München, 1996.

Германская Демократическая Республика все еще достаточно глубоко сидит в сознании многих немцев. Проблема того, кто не отпускает: социалистическое прошлое или сами немцы не могут (или не в состоянии, или не хотят) отпустить часть своего прошлого - это проблема вторичная и не принципиально важная. Важность ее состоит в том, что ГДР, точнее ее образ, уже достаточно прочно вписался в число существующих национальных стереотипов современной ФРГ. Как бы некоторые интеллектуалы не хотели сказать «Goodbye Lenin!», что равносильно «Goodbye DDR!» - это им, все-таки, не удастся. Несмотря на крах национального проекта в ГДР, он по-прежнему привлекает немцев, если не в политическом, то хотя бы в бытовом и психологических планах. ГДР на протяжении всего периода существования пыталась культивировать особый немецкий идентитет на социалистической основе. Он культивировался местными интеллектуалами в истории и культуре. История ГДР и культура ГДР стали национальными проектами, над которыми работали многочисленные восточнонемецкие интеллектуалы. Однако создать нацию в полном смысле этого слова не удалось. Местная идентичность в ГДР была, скорее всего, близка к общей германской национальной идентичности и, возможно, носила лишь политический характер.

Национальный проект в ГДР закончился неудачей в силу ряда причин. Общность языка и общность культурного прошлого, общая история - основные силы, которые не способствовали постепенному отдалению двух Германий друг от друга. Они служили своеобразными доказательствами существовавшего между ними единства. Как бы официальная идеология ГДР не стремилась доказать, что в ГДР и ФРГ проживают две немецкие нации, социалистическая и капиталистическая, подобные настроения оставались уделом лишь верившей в это партийной номенклатуры СЕПГ и официозной историографии. С относительной уверенностью можно писать о том, что к национальным процессам в ГДР применимы западные теории наций и национализма. Сама современная немецкая историография этого и не отрицает, обращаясь к опыту англо-американской историографии. Попытавшись синтезировать исторические особенности развития ГДР с исследованиями национализма, мы неизбежно выйдем на термин, предложенный Бенедиктом Андерсоном еще в 1980-е годы. Андерсон ввел в гуманитарные исследования понятие «воображаемое сообщество», понимая под ним нацию, которая постепенно конструируется (воображается) местными интеллектуалами. Несмотря на то, что исследование Андерсона базируется на азиатской проблематике, его выводы могут быть использованы в рамках анализа национального проекта в ГДР.

ГДР, действительно, представляет собой удачный пример «воображаемого сообщества». Оно воображалось усилиями многочисленных интеллектуалов, как местных, так и зарубежных, главным образом, советских. Воображая ГДР, они фактически ее создавали. Благодаря такому «национальному воображению» возникли свои национальные исторические и культурные нарративы, которые создавались с целью поддержки местного особого идентитета, ради отдаления от ФРГ. Обретя национальную историю и культуру, ГДР, вместе с тем, не стало нацией. Истоки этой неудачи лежат в господстве социалистической доктрины, которая была слишком интернациональна. Если бы власти ГДР попытались вообразить новую нацию с новым языком, это им вполне бы удалось. Они же пытались синтезировать немецкое классическое наследие с советскими

политическими схемами. Привязка национальной идентичности к социально-политической системе оказалась самой слабой стороной режима ГДР. Кризис ГДР и ее крах автоматически повлек и крах национального проекта. Вместе с тем, данная проблема не ограничивается теми аспектами, что проанализированы в настоящей статье. ГДР как национальный проект - феномен сложный и многоуровневый, который нуждается в дальнейшем изучении, что будет способствовать развитию отечественной германистики в региональных университетах, выводя ее из «прокрустова ложа» изучения немецкой социальной или христианской демократии и роли Германии в европейской интеграции.

И.В. Крючков

«НЕМЦЫ» ВЕНГРИИ В XVIII - НАЧАЛЕ XX ВВ. ИЛИ К ИСТОРИИ ЗАБЫТОГО НАРОДА.

С самого начала своей истории Венгрия формировалась как многонациональное государство. В эпоху средневековья, вплоть до трагедии при Мохаче в 1526 г. и последующей оккупации страны турками-османами, венгры (мадьяры) составляли около 80% населения¹. Турецкая агрессия имела самые губительные последствия для Венгрии, которая привела к массовой гибели мадьярского населения и запустению целых областей страны. Так, например, в Банате, освобожденном от турок в 1718 г., где сейчас живет около 1 млн. человек, проживало всего лишь 700 человек². В других областях положение было не лучше, особенно в Трансильвании и других районах Южной Венгрии. Поэтому Габсбурги начинают поощрять колонизацию венгерских территорий переселенцами из других частей империи и даже сопредельных государств. В 1640 г. несколько тысяч сербов во главе со своим патриархом переселяются из Османской империи в Бачку, Срем, Банат и ряд других южных областей Венгерского королевства, за ними последовали хорваты и немцы³. Это привело к славянизации Южной Венгрии и размыву четкой границы расселения между южными славянами и мадьярами.

С начала XVIII в. в Трансильванию хлынул поток немецких и румынских колонистов из придунайских княжеств. Только в первой половине XVIII в. в Трансильванию переселилось от 300 до 500 тыс. румын при общей численности населения Трансильвании в то время 800-865 тыс. человек, а всей Венгрии – 2,5 млн. человек⁴. Постепенно румыны стали доминирующей этнической группой в Трансильвании. К середине XIX в. их насчитывалось около 1.200 тыс. человек, а венгров и близких к ним секлеров – 830 тыс. человек, немцев, или «саксов» – 200 тыс. человек и представителей остальных народов – около 70 тыс. человек⁵. В 1910 г. этническая структура населения Трансильвании выглядела следующим образом: румыны - 2,819 млн. человек (54%), венгры и секлеры - 1,658 млн. человек (31,7%), немцы - 0,551 млн. человек (10,5%)⁶.

Немецкая колонизация Венгрии проходила в три этапа. Первый этап приходится на XIII – XVI вв., когда немецкие колонисты из Средней Германии, и ее прирейнских областей по приглашению венгерской короны расселяются в

¹ The Hungarians: A divided nation / ed. S. Borsody. - New Haven, 1988. - P. 15.

² Documented facts and figures on Transylvania / Moderator A.W. de Czege. - Astor Park, 1977. - P. 19.

³ Чериковер С. Сербия. Босния и Герцеговина / С. Чериковер. - М., 1910. - С. 23.

⁴ The Hungarians: A divided nation... - P. 29.

⁵ Transylvania. The Roots of Ethnic conflict / Ed. by J.F. Cadzov, A. Ludanyi, L.J. Eiteto. - Kent, 1983. - P. 63.

⁶ Kocsis K., Kosis-Hodosi E. Hungarian minorities in the Carpathian basin / K. Kocsis, E. Kosis-Hodosi. - Toronto-Buffalo, 1995. - Appen. - Tab.14.

Трансильвании, Буде, Пеште, нижнекарпатских провинциях. Все они получали широкую автономию, живя полузамкнутыми общинами. Кроме этого немецкие колонисты не платили большую часть налогов, освобождались от уплаты дорожной пошлины и т.д. В Трансильвании, где было наибольшее число таких общин, в том числе города Германштадт, Кронштадт, Брашов, этих колонистов вплоть до первой мировой войны называли «саксонцами» или «саксами».

Второй этап приходится на конец XVII – конец XVIII вв., когда сразу после освобождения страны от турков из католических районов Южной и Западной Германии (Баден, Вюртенберг, Эльзас, Лотарингия, Вестфалия, Бавария, Швабия) в Венгрию при содействии правительства хлынул поток немецких колонистов, прежде всего в Паннонию, «Великую Равнину», Банат. Колонисты получали на льготных условиях землю, скот и на несколько лет освобождались от налогов. Несмотря на то, что немецкие колонисты, осевшие в долине Дуная, были родом из разных районов Германии, их всех венгры называли «швабами». Основную массу колонистов составляли бедные крестьяне, которые на берегах Дуная спасались от феодальных повинностей, высоких налогов и воинской повинности. Потоки колонистов из разных районов Германии, как правило стекались к г.Ульм, далее по Дунаю они добирались до Вены. Там их регистрировали, выдавали сертификаты на владение землей и определяли маршрут движения. Из Вены колонисты на фургонах, через Будапешт продвигались к Банату. С 1718 по 1737 гг. в Венгрию прибыло около 15 тыс. колонистов. Правда, большая их часть погибла во время турецких набегов и эпидемии чумы. С 1744 по 1772 гг. в Венгрию приехало более 75 тыс. немцев и с 1782 по 1787 гг. около 60 тыс. колонистов. После 1789 гг. правительство Австрии ограничивает немецкую колонизацию Южной Венгрии. С одной стороны, свободный земельный фонд был практически исчерпан, а с другой стороны политическая нестабильность в Европе, вызванная революционными событиями во Франции не способствовали дальнейшей интенсивной колонизации региона.

Третий этап приходится на конец XVIII - в начале XIX в. Это период так называемой стихийной колонизации, когда многие немцы, в основном швабские крестьяне и ремесленники устремились в Венгрию в поисках «лучшей жизни»⁷. Данный этап завершается в 1829 г. Главным условием переезда в Венгрию для немецких колонистов в это время являлось наличие у них не менее 500 гульденов. Всего, на территории Южной Венгрии немцы основали около одной тысячи деревень и несколько городов. Причем все они строились по чертежам и планам, утвержденным в Вене. Все города строились в форме квадрата с центральной площадью, на которой стоял католический костел. Жизнь колонистов на первых порах изобиловала трудностями: набеги турок, эпидемии, нехватка продовольствия, освоение целины и т.д. Однако они все преодолели, обладая пресловутым немецким упорством, создав к началу XX в. довольно развитую экономическую инфраструктуру в регионе. В 1910 г. в районе, который принято, причем не совсем верно с исторической точки зрения называть Воеводиной, проживало 324 тыс. немцев, или 21,4 % населения региона, для сравнения численность венгров составляла 425 тыс. человек, а сербов 510 тысяч⁸.

Поощряя колонизацию Венгрии, Габсбурги решили сразу несколько задач: 1) они способствовали экономическому подъему опустошенных областей; 2) в

⁷ Петерсон А. Венгрия и ее жители / А. Петерсон. - СПб., 1876. - С. 261.

⁸ Kocsis K., Kosis-Hodosi E. Hungarian minorities in the Carpathian basin... - Appen. - Tab.21.

приграничных с Турцией районах создавали для себя благоприятную этническую ситуацию; 3) заселение Венгрии немалыми народами ослабляло возможности страны в борьбе за свою независимость, т.к. данные народы, в отличие от мадьяр, в подавляющем большинстве были верны Габсбургам, особенно это было присуще немцам; 4) Габсбурги стремились выполнить свое цивилизационное предназначение, распространив католицизм на Юго-Востоке Европы.

К концу XVIII в. численность венгров в королевстве Св. Иштвана сократилась до 40%, что было вызвано большими потерями среди мадьярского населения и колонизацией Венгрии немцами, румынами, славянами. В 1851 г. мадьяры составляли 40,7% (4,527 млн. человек) населения страны, румыны – 19,5% (2,163 млн. человек), словаки 15,2% (1,69 млн. человек), сербы – 4,0% (0,446 млн. человек), украинцы – 3,2% (0,355 млн. человек), немцы – 12,3% (1,367 млн. человек), евреи, армяне, цыгане и другие народы – 5,2% (0,572 млн. человек)⁹.

Однако процесс мадьяризации в последней трети XIX в. несколько изменил положение дел в пользу мадьяр. По переписи 1910 г. в Венгрии уже проживало венгров (мадьяр) – 54,5%, румын – 16,1%, словаков – 10,7%, немцев – 10,4%, украинцев – 2,5%, сербов – 2,5%, хорватов – 1,1%.¹⁰

По данным статистики, с 1850 по 1910 г. мадьяризации подверглось около 2 млн. человек, из них 700 тыс. до этого являлись евреями, 500 тыс. немцами, проживающими в центральных районах Венгрии, 400 тыс. словаками, 150 тыс. сербами и хорватами¹¹. Главным образом мадьяризации подвергались высшие и средние слои населения, в меньшей степени – крестьяне. Прежде всего, мадьяризация затронула города. Если до середины XIX в. венгерский город был немецкоговорящим и все в городе говорило о господстве «немецкого духа», то к концу века ситуация полностью изменяется¹². Например, в 1848 г. 79,8% населения Пешта говорило на немецком языке, а к 1900 г. только 25%.

После соглашения 1867 г. и создания Австро-Венгрии мадьяры занимают ведущие позиции в политической и социально-экономической жизни страны. Венгерский язык становится государственным языком. В политике, бизнесе и других сферах жизни нельзя было достичь больших высот без знания венгерского языка. Поэтому немецкие и еврейские бюргеры теперь своих детей воспитывали с привлечением мадьярских воспитателей, которые могли бы обучить детей венгерскому языку и приобщить их к мадьярской культуре. Показателем респектабельности и светскости являлось полное соответствие «мадьярскому духу», к чему и стремились немецкие и еврейские бюргеры. Они даже свои фамилии и имена переделывали на мадьярский лад. Все эти внешние изменения в основном приводили и к изменению внутреннего мира человека. Подавляющее большинство мадьяризованных евреев и немцев были настоящими венгерскими патриотами. Венгрию они считали своей отчизной и готовы были защищать ее интересы до конца. Еще в 1868 г. известный знаток Венгрии И. Петерсон, путешествуя по Венгрии, подметил, что немцы Венгрии, так же как и мадьяры, «ненавидят венское правительство» и обижаются, когда их называют «немчу-

⁹ The Hungarians: A divided nation... - P. 344.

¹⁰ Петерсон А. Указ. соч. - С. 238.

¹¹ The Hungarians: A divided nation... - P. 21-22.

¹² Петерсон А. Указ. соч. - С. 24; Macartney C.A., Litt D. Hungary. A Short History / C.A. Macartney, D. Litt. - Edinburgh, 1962. - P. 102; Sisa S. The Spirit of Hungary. A panorama of Hungarian history and Culture / S. Sisa. - Ontario, 1990. - P. 101.

рой»¹³. Очень символично, что они называли себя «Deutsche ungaru», т.е. немцы Венгрии, а не «Ungarische Deutschen», т.е. венгерские немцы. Этим они подчеркивали свою привязанность, к Венгрии отчасти отделяя себя от остального германского мира. Поэтому не случайно, то, что в Сегеде или Пеште можно было встретить человека, искренне считающего себя «чистокровным мадьяром» с фамилией Шмидт или Мюллер.

Несмотря на ассимиляцию немецкого населения в центральной и Северной Венгрии, немцы Трансильвании и Западной Венгрии в основном избежали данной участи. Западная Венгрия непосредственно примыкала к немецким районам Австрии, и эта близость спасла немцев от ассимиляции. Немцы Трансильвании или «саксы», жили замкнутыми, самоуправляемыми общинами, где они сохраняли свой язык, культуру, традиции¹⁴. Романизации и мадьяризации в Трансильвании подвергались только немецкие колонисты XVIII – XIX вв., но не «саксы».

«Саксы» создали уникальный мир, «Малую Германию» без которого невозможно представить историю Трансильвании. В отечественной историографии о «саксах» встречались эпизодические сведения, а румынская историография игнорировала роль «саксов» в развитии Трансильвании¹⁵. В то время как в центре Трансильвании, вдали от Германии, возник своеобразный остров германской культуры, приведший к активному межкультурному диалогу в Трансильвании от которого выиграли все народы.

Высокий уровень культуры, образования, экономическая активность «саксов» не могли не сказаться на соседних народах, поэтому многие румынские рабочие, прислуга, работая у немцев, перенимали их образ жизни, язык, т.е. шла их германизация. Менее активно этот процесс наблюдался у мадьяр и, особенно, сербов. В то же время в Трансильвании и Южной Венгрии можно было встретить сербские деревни, где люди общались между собой и в семье на немецком языке. Данное явление наблюдалось и в некоторых мадьярских селах западной Венгрии. Уже в XIX в. многие современники отмечали следующую особенность: уровень жизни мадьяр и румын, проживавших по соседству с «саксами» был выше уровня жизни их соплеменников проживавших вдали от «саксов». Соседние народы перенимали от «саксов» передовые агротехнологии, способы ведения домашнего хозяйства, почтительное отношение к образованию и т.д. Кроме этого с «саксами» в города Трансильвании пришла готика, кирпичная кладка и другие архитектурные черты немецкого города.

Здесь следует выделить еще один важный момент. Вплоть до отмены крепостного права в Венгрии в 1848 г., саксонские муниципалитеты выступали в роли коллективного феодала по отношению к соседнему венгерскому и румынскому крестьянству. После отмены крепостного права большинство бывших крепостных по-прежнему работало на муниципалитеты.

«Саксы» всегда тщательно следили за монолитностью своих рядов. Браки они заключали только с соплеменниками. Однако демографическая ситуация для «саксов» в Трансильвании складывалась в XIX в. не в их пользу. С одной стороны браки между ближайшими родственниками привели к увеличению детской смертности и это при том, что уровень жизни «саксов» был довольно высоким по сравнению с уровнем жизни мадьяр и прежде всего румын. В конце 50-х годов XIX

¹³ Петерсон А. Указ. соч. - С. 246-247.

¹⁴ Реклю Э. Всеобщая география. Земля и люди. Т.3 / Э. Реклю. - СПб., 1878. - С.283.

¹⁵ Breve histoire de la Transylvanie/ sous la redaction de C.Daicoviciu. - Bucarest, 1965.

в. смертность среди «саксов» составляла 1 человек 33,5 жителя, в то время как у мадьяр этот показатель приходился на 36,3 жителя, а у румын на 39 жителей¹⁶. С другой стороны «саксы» сознательно ограничивали рождаемость, чтобы не допустить чрезмерного дробления собственности, особенно земельной. В семье «саксов» в среднем было не более двух-трех детей. В то время как в румынских и мадьярских семьях количество детей было значительно больше. Поэтому ряд населенных пунктов, где еще в начале века доминировали «саксы» меняет свой этнический облик, включая и столицу Трансильвании Коложвар (Клаузенбург). Округ Бурценлад в котором традиционно доминировали немцы к концу XIX в. стал округом с преобладающим румынским населением. «Саксы» стремились, как могли сохранить свои лидирующие позиции в регионе. Они продавали землю и другую собственность только соплеменникам. В случае отсутствия наследников собственность переходила к соседям или общине¹⁷. Однако это не могло изменить ситуацию коренным образом.

«Саксы» Трансильвании имели широкие политические привилегии, особенно на уровне органов местного самоуправления. Саксонские муниципалитеты имели общее управление и представительство, возложенные на «университет саксонской нации», состоящий из 44 депутатов во главе с графом, назначаемым королем, которые координировали действия саксонских муниципалитетов и отстаивали интересы «саксов» в Венгрии. Муниципалитет составляли главный город и прилегающая к нему сельская округа. При этом граждане, проживавшие в городе и за его пределами, пользовались одинаковыми правами. Особый статус «саксонской автономии» опирался на привилегии, полученные саксами еще в средние века от венгерских королей. До 1790 г. года в сейме Трансильвании существовал принцип голосования по нациям: венгры, секлеры, «саксы». Таким образом, «саксы» могли заблокировать принятие сеймом любого решения. Определенный удар по правам «саксов» нанесла политика «унификации» империи императора Франца II. При нем права саксонских муниципалитетов были несколько ограничены. Эти ограничения действовали с 1806 г. по 1848 гг.

«Саксы», кроме широких прав в местном самоуправлении также обладали значительной культурно-образовательной автономией. Не считая начальных школ «саксы» в Трансильвании в начале XX в. имели 5 высших гимназий, 2 низшие гимназии, высшее реальное училище, учительский институт, 3 экономических школы, 10 ремесленных школ и это при населении в 400 тыс. человек. Кроме этого «саксы» создали прекрасный музей в Германштадте, «Общество естествознания», «Экономическое общество», «Общество по изучению истории Трансильвании», «Общество по изучению трансильванской почвы и полеводства» и ряд других обществ.

Сама жизнь и специфика проживания сделала «саксов» сплоченной этнической группой. Имея в парламенте Венгрии 12 депутатов, «саксы» решительно защищали свои права и интересы, причем саксонские депутаты в основном занимали правительственные позиции¹⁸.

Традиционно из числа «саксов» рекрутировалась верная Габсбургам часть бюрократического аппарата и армии. Во время событий 1848-1849 гг. большинство

¹⁶ Реклю Э. Указ. соч. - С.276.

¹⁷ Петерсон А. Указ. соч. - С.387.

¹⁸ АВПРИ Ф. 151. Политархив. Оп.482. Д.582/1. Л. 297-300.

«саксов» вступило в армию Габсбургов, которая вела боевые действия против войск революционной Венгрии.

«Саксы» отличались в религиозном плане от других немецких колонистов в Венгрии, если последние принадлежали к числу католиков, то «саксы» являлись последовательными лютеранами. Лютеранская церковь играла значительную роль в жизни «саксов». Она являлась хранительницей национальных традиций, консолидируя сообщество «саксов». Церковь имела собственность и солидные финансовые средства. Священнослужители помимо всего выступали и в роли политических лидеров, судей, преподавателей и т.д.

Политическим партиям Венгрии приходилось всегда считаться с мнением немцев Венгрии, так как они составляли весомую часть электората страны. В 1910 г. число избирателей страны составляло около 1 млн. 70 тысяч, из них на мадьяр приходилось 637 тыс. человек (59,57 % от числа всех избирателей), на немцев – 125,5 тыс. (11,74%), на словаков – 105,5 тыс. (10,6%), на румын – 113 тыс. (10,6%), на украинцев (русин) – 30,2 тыс. (2,8 %), на хорватов – 11,4 тыс. (1,0%) (без Хорватии), на сербов – 28,5 тыс. (2,67%) и на другие народы – 17,50 (1,6%)¹⁹. Если говорить о проценте мужчин старше 24 лет, получивших право голоса, то самый высокий показатель был у русин – 34,9%. Вслед за ними шли немцы – 28,5%, венгры – 27,3%, словаки – 26,1%, хорваты – 25,2%, сербы – 24,4%, румыны – 15,3%²⁰.

Правда, на рубеже XIX – XX вв. среди «саксов» и немцев Южной Венгрии начинают распространяться пангерманские настроения. Первые симптомы данного явления начинают проявляться после поражения Австрии в войне с Пруссией в 1866 г. и создания Германской империи. Именно в Трансильвании зарождается пангерманизм в Венгрии. Лидерами пангерманистов Венгрии становятся два саксонца из Трансильвании – Крамер и Корн. По их мнению, после соглашения 1867 г. династия Габсбургов во многом предала интересы немецкого населения Венгрии, отдав его под полный контроль Будапешта. «Саксонский банк» в Германштадте оказывает помощь «Венгерскому Союзу немцев» и другим пангерманским организациям страны. Пангерманская газета «Gross Kikinder Zeitung» не раз подвергалась судебным преследованиям за публикацию антимадьярских статей²¹. Немецкая печать Германии и Австрии обрушилась с критикой действий венгерских властей по отношению к пангерманским и другим немецким организациям Венгрии. Рост пангерманизма в Трансильвании и на Юге Венгрии во многом стал следствием проведения политики мадьяризации.

Первая мировая война нарушила размеренный образ жизни немцев Венгрии. Многие из них оказались мобилизованными в ряды действующей армии. Они оказались хорошими солдатами, что не раз подтверждалось во время боев²². Первая катастрофа для немцев Венгрии грянула после 1918 г. с падением Дунайской империи. Власти Румынии, Югославии, и отчасти Чехословакии относились к немецкому населению с недоверием, во многом игнорируя его права и чаяния. Окончательно позиции немецкого населения в Карпато-Дунайском регионе были подорваны в годы второй мировой войны и в период строительства социализма.

¹⁹ Katus L. Multinational Hungary in the Light of Statistics / L. Katus // Ethnicity and Society in Hungary / ed. F. Glatz. - Budapest, 1990. - P. 129.

²⁰ Ibid. - P. 129.

²¹ АВПРИ Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 577, Л. 158.

²² Rauchensteiner M. Der Tod des Doppeladlers: Österreich-Ungarn und der Erste Weltkrieg / M. Rauchensteiner. - Graz-Wien-Köln, 1994.

Если в 1910 г. в Словакии проживало около 198 тыс. немцев, то в 1950 г. их осталось чуть более 5 тыс., в Транскарпатии (Подкарпатской Руси) эти показатели составили 64 и 11 тыс. соответственно, в Трансильвании 551 и 332 тыс. (данные на 1948 г.), Воеводине 324 и 29 тыс. (данные на 1948 г.). В 1986-1991 гг. в Словакии оставалось 5,4 тыс. немцев, Транскарпатии 3,4 тыс., в Трансильвании 253 тыс. в Воеводине 0,2 тыс.²³. В настоящее время эти показатели выглядят еще меньше в связи с оттоком части немецкого населения в Германию после крушения социализма, особенно это, притом Трансильвании.

Т. Гундорова

**ПРЕОДОЛЕНИЕ МАРГИНАЛЬНОСТИ: БУКОВИНСКАЯ ЖЕНЩИНА МЕЖДУ
«СВОИМ» И «ЧУЖИМ».**

В украинской литературе место Ольги Кобылянської типично маргинально. Этому не противоречит то, что на протяжении XX столетия она периодически оказывалась в центре литературных дискуссий и интеллектуальных рефлексий, а ее произведения стали объектами изучения со стороны самых влиятельных украинских критиков и социологов культуры различных направлений¹. Кобылянська и в жизни и в творчестве персонально олицетворяет ситуацию модерна в украинской литературе, поскольку воплощает ее как процесс актуализации особой маргинальной идентичности в плане языковом, культурном и гендерном. Ядром ее литературных образов становится трансгрессия (переход) за границы традиционных образов и смыслов, а также видоизменение преобладающего (центрального) народнического дискурса. При этом собственная биография писательницы становится моделью для феминистских нарративов, а женское «я» - основной темой литературного творчества и ключом к осмыслению смысла и места «другого» в модернистском процессе формирования культуры.

Творчество Кобылянської обострило в украинской литературе дискуссию вокруг идей и нарративов Фридриха Ницше. Именно философия Ницше оказалась тем рецептивным полем, на котором вырастает вся современная европейская, в том числе - и украинская, литература. Особый контекст восприятия философии Ницше связан с феминистическими идеями. В частности, определяющие для творчества Кобылянської концепты «высшей культуры», образ женщины-товарища, разделение репродуктивной и воспитательной функций матери обусловлены ее своеобразным полемическим переосмыслением Ницше. Так, Заратустровому импульсу «будучности» украинская писательница придает феминный характер и наделяет женщину аполлоновской культуросозидающей силой.

Открытие женского личностного «я», как и открытие женской сексуальности в произведениях Ольги Кобылянської было особой формой символического автобиографизма, вариантом личностного нарратива. Изображение раннее табуированного индивидуального опыта, да еще и выполненное женщиной-писательницей, стало революционным событием в украинской литературе конца XIX столетия. По словам писательницы, ее собственные переживания сыграли немалую роль в том, что она писала². Это особенно примечательно на фоне того,

²³ Kocsis K., Kosis-Hodosi E. Hungarian minorities in the Carpathian basin / K. Kocsis, E. Kosis-Hodosi. - Toronto-Buffalo, 1995. - Appen. - Tab.4, 11, 14, 21.

¹ См. Ольга Кобылянська в критиці та спогадах. Упоряд. Ф.П. Погребенник та ін. - Київ, 1963.

² Кобылянська О. Твори в п'яти томах / О. Кобылянська. - Т. 5. - Київ, 1965. - С. 236.

что многие украинские писатели в то время опасались обвинений в субъективности и автобиографичности.

Воссоздание женской проблематики в творчестве Кобылянської приобретает важный национальный и социальный смысл. Она пишет преимущественно о жизни маргинализованной женщины-русинки в многокультурной Буковине, ее героиня - незамужняя женщина из среднего класса, «новая женщина», которой приходится отстаивать свою независимость в условиях глубоко патриархального общества и глубоко патриархальной семьи.

Модернистскую трансформацию маргинальной личности в индивидуальный характер «новой женщины» в творчестве Кобылянської можно рассматривать в категориях ритуальной критики, предполагающей преодоление лиминальности - состояния, которое сопровождает каждое изменение места, среды, социальной позиции, возраста. Согласно Тернеру, «лиминальные единицы находятся не здесь и не там, они не то и не другое, они пребывают между различными состояниями, определенными и установленными законом, обычаем, согласием или церемонией»³. Примечательно, что героини буковинской писательницы переживают лиминальное положение, отражая в этом плане разные идентичности самой Кобылянської - русинки на грани между украинством и «немецщиной»; женщины без определенного социального статуса; прародительницы нового литературного стиля неоромантизма в украинской литературе; незамужней женщины, модернистки и феминистки; человека *fin de de siecle*. И каждая из этих идентичностей имеет свой ритуал перехода, *rites de passage*, по выражению Тернера.

Родившись на Буковине, в горах неподалеку от Кимполунга, Ольга Кобылянська начала писать на немецком языке и только позднее перешла на украинский. Известно, что украинский язык был родным для отца Ольги Кобылянської, гербового шляхтича, который позднее принадлежал к числу так называемых «твердых» русинов-москвофилов. Мать писательницы, Мария, происходила из польско-немецкого рода Вернеров, но в свое время сознательно приняла «родной язык» мужа. Языковой выбор можно рассматривать как парадигму, которая отражает национальную, культурную и гендерную самоидентификацию Кобылянської. В литературе писательница сознательно выбрала украинский язык, а ее национально-культурным идеалом стал образ не «естественной», а «сконструированной» украинской идентичности - «культурной народности». Таким образом, ей удалось связать феминизм, модернизм и национализм в одну, нацеленную в будущее, парадигму. Устами своих героинь она утверждала идеи женской эмансипации как условие развития украинской современной нации и современной культуры.

Если рассматривать становление гендерной идентичности и языковой выбор как ситуации архетипные, то Кобылянська фактически переосмысливает основной фактор «природной» идентичности – «материнский язык». Последний оказывается предметом выбора, а не рождения. Описывая, как у них в семье выбирали родной язык, писательница показывает, что языковой выбор является символическим обменом. Мать писательницы, по происхождению «чужестранка» (полька), в своей семье пребывает в приграничном, пороговом, состоянии, между двумя или тремя языками. Создание «чисто украинской хаты» в семье Кобылянських выпало на долю матери, польки по рождению. «У нас дома говорили по-украински, потом,

³ Turner V. The Ritual Process. Structure and Anti-Structure / V. Turner. - Ithaca - NY., 1987. - P. 95.

пока нам не стал доступным немецкий, по-польски, - писала О. Кобылянська, - мать, хотя и очень любила украинский язык и с удовольствием на нем говорила, выходя замуж за отца, перешла из католичества в униатство, но не забывала родного языка, так как ее мать была родом из российской Польши, а отец, Йозеф Вернер, был немцем с Познаньщины - он ради жены (моей бабушки) выучил польский, на котором только и говорили дома, пока бабушка не выучила украинский»⁵.

Показательно, что феминистская концепция Кобылянської возникает в условиях полиэтнической Буковины. В автобиографии, написанной в 1927 году, Кобылянська признается, что была вынуждена «духовно выживать» в Кимполунге, где стремилась сохранить «культуру, литературу среди смешанного населения, населенного как немцами, так и румынами, определенным процентом гуцульщины, и поляками»⁴. Так, Кобылянська рассматривала национально-культурные параметры современного украинства, принимая в расчет полиэтничность Буковины. Находясь в поле зрения «другого», она сопоставляет культурные традиции русинов и немцев, маркирует меланхолическую ментальность русинов и говорит о непостоянстве цыган. Гендерную проблематику она также рассматривает через призму восприятия «другого», показывая женскую эмансипацию не как проявление борьбы полов, а как потребность личностного взаимопонимания.

Место Кобылянської на пограничье украинской и немецкой культур символически отражает ситуацию сосуществования нескольких культур на Буковине. Выбор именно украинского языка как языка творчества означал новое осознание своего родного языка, который традиционно определялся через естественную, то есть этническую и родовую принадлежность. Кобылянська сделала из себя именно украинскую писательницу, выйдя за границы немецкого языка и немецкой культуры, которые с детства были для нее почти родными. Итак, она предложила свое понимание «природы» в отношении языка, культуры, пола. При этом ключевым стал вопрос о ее «неметчине» - погруженности в немецкую культурную стихию.

Начав писать на украинском языке, но не вполне преодолев немецкий, Кобылянська подвергалась критике со стороны народнической украинской критики за свою «неметчину». Это обстоятельство обострило чувство языковой, в частности украиноязычной, некомпетентности писательницы в период ее наибольшей творческой активности в 1890 - 1900-е годы, и она просит коллег редактировать свои тексты. Украинские критики упрекали ее также в нищезанстве, аристократизме, чужестранности создаваемых ею характеров. Совершенно иначе смотрели на «неметчину» приверженцы литературного модернизма в Украине, особенно ее подруга Леся Українка. Комментируя творчество Кобылянської, она указывала на то, что «неметчина не сгубила, а спасла ее, показала ей широкий европейский мир, научила стилю - не в значении слов и лексики, а в смысле фразы и богатства формы»⁶. В одном из писем к Кобылянської она писала: «галицкая критика укоряет Вас за неметчину, а я думаю, что в этой неметчине и было Ваше спасение, она дала Вам возможность познать мировую литературу, она вывела вас в широкий мир идей»⁷.

⁵ Там же. - С. 219.

⁴ Кобылянська О. Твори / О. Кобылянська. - Т. 5. - Київ, 1965. - С. 218.

⁶ Українка Леся. Зібрання творів у 12-ти тт. / Леся Українка. - Т.11. - Київ, 1978. - С.125 - 126.

⁷ Там же. - С.111.

Важным аспектом этой дискуссии является вопрос о природе немецкоязычного творчества Кобылянської. Невзирая на близость к немецкому языку, писать на нем, а тем более - писать литературно, Кобылянської было нелегко: это требовало от нее досконального знания немецкого литературного языка. Таким было пожелание одного из первых читателей ее ранних произведений, товарища ее брата Адольфа Крамера: «ей надо постараться полностью овладеть немецким языком»⁸, - указывал он. Можно было бы также развернуть все признаки «обедненного» черновицкого варианта немецкого языка, как то сделал, например, Франц Кафка с его пражским вариантом немецкого языка, используя его как средство создания «новой умеренности, новой экспрессивности, новой звучности, новой гибкости, новой интенсивности» самого языка⁹. Кобылянська выбрала третий путь – она перешла в украинскую литературу и стала прародительницей литературного модернизма в Украине.

В украинском культурном контексте начала XX столетия Буковина приобрела значение топоса модерности. Правда, топос этот воспринимался и трактовался различно. Леся Украинка в статье «Малорусские писатели на Буковине» (1901) назвала Буковину местом, где влияние литературного народничества не было особенно сильно и где собственно и зарождалась новоромантическая образность в украинской литературе. Она была и первой, кто означил это место в параметрах «малой» литературы. «В наше время наряду с колоссальным развитием мировых литератур, - писала Леся Украинка, - заметным становится и еще одно интересное явление: литературы маленьких народов, даже небольших этнографических групп начинают все более громко и уверенно поднимать голос, защищая право меньшинства»¹⁰. Иван Франко, напротив, относил Буковину к области «нездоровой» модерности. Специфику творчества Кобылянської он объяснял условиями буковинского пограничья, или, в соответствии с его оценкой, «румынско-украинской культурной отсталости». «Ольга Кобылянська - дитя «зеленой» Буковины, той культурно-территориальной области, где, на почве местной румынско-украинской культурной отсталости, прививаются некоторыми заезжими путешественниками наиболее современные способы мышления и выражения мысли, но только в отдельных исключениях они дают действительно оригинальные и здоровые цветы и плоды»¹¹, - писал Франко.

Если воспользоваться предложенным Франко разделением результатов современного способа мышления и художественного выражения на «здоровые» и «больные» плоды, то в Буковине, кроме Ольги Кобылянської, «болезненный» буковинский топос проявился и в творчестве Юрия Федьковича. Близкий друг Кобылянської, Осип Маковэй, сам буковинец, в 1911 году опубликовал жизнеописание Федьковича, обращая внимание на неврастенические факторы творчества последнего, на «неведомую ему самому тайну его организма, унаследованную от предков, панов и священников, род неврастении, которая у него то ослабевала, то вновь давала о себе знать, доводя его до выдумок про себя», и указал на гомоэротические склонности последнего¹².

⁸ Возняк В.О. Про Ольгу Кобылянську. Нові матеріали. Роздуми. Знахідки / В.О. Возняк. - Київ, 1983. - С. 26.

⁹ Deleuze G., Guattari F. Kafka. Toward A Minor Literature / G. Deleuze, F. Guattari. - Minneapolis - NY., 1986. - P. 23.

¹⁰ Українка Леся Зібрання творів у 12-ти тт. / Л. Українка. - Т.7. - Київ, 1978. - С. 62.

¹¹ Франко І. Зібрання творів: у 50 тт. / І. Франко. - Т. 50. - Київ, 1986. - С. 281.

¹² Маковей О. Життєпис Осипа Юрія Гординського-Федьковича / О. Маковей. - Львів, 1911. - С. 1, 239.

«Немецкость» Ольги Кобылянської (в понимании не только лингвистическом, но в причастности к новейшей западной культуре, в частности - немецкоязычной), то есть ее буковинская маргинализованный «инаковость» на фоне украинской литературы сыграла роль того мостка, на котором писательница сошлась с украинскими модернистами разных поколений, которые признали в ней своего предтечу. Кобылянська стала культовой фигурой для украинских модернистов. Такие литературно-критические объединения как «Молода Муза», а позднее и «Українська Хата» возвели ее на пьедестал. Однако, как констатирует Соломия Павличко, это уже не имело значения для Кобылянської, так как произошло слишком поздно, но было важно для новых поколений писателей, которые стремились отыскать свою традицию в рамках украинской культуры¹³.

Сама Кобылянська видела себя, как свидетельствует ее переписка, одновременно в двух литературах - немецкой и украинской. Ранние ее произведения писались и публиковались одновременно на двух языках - немецком и украинском. На замечания Михайло Павлыка про ее «проклятую неметчину» Кобылянська реагировала следующим образом: «Что он знает, чем неметчина становилась для меня в духовном голоде и холоде», добавляя: «я горжусь, что немцы на минуту задерживаются возле меня. От них исходила мне всегда самая лучшая награда»¹⁴. Немецкий язык стал для Кобылянської проводником в литературный и культурный мир - она знакомилась с произведениями современных европейских и российских авторов именно через их немецкие переводы (в личной библиотеке писательницы до сих пор сохранились переводы на немецкий язык «Анны Карениной» Толстого, «Братьев Карамазовых» Достоевского).

Кобылянська была хорошо знакома и со вкусами немецкой публики, сама стремилась стать посредницей между двумя культурами и литературами, переводя произведения украинских авторов на немецкий язык. Готовя переведенное собрание новелл украинских писателей, она хочет сопроводить его ею же написанным предисловием, чтобы «немцы узнали, что такое *Kleinrussische Literatur*»¹⁵. При этом украинская литература оценивалась ей без народнического идеализма: она, например, отказывается от узко локальных рассказов Тымофия Бордуляка, замечая в письме к Маковэю, что эти «новеллы сладки, без артистизма, что Вы тут хотите немцам показать (...)». «Я их очень внимательно перечитала, - замечала она, - и никак не могу найти в них того, что читатель мог бы из них взять, они русинам могут нравиться, а немцам - нет. Поэтому, не забывайте, что вы немцам обязаны подать сборник лучших новелл (...). Этой книгой немцев надо привлечь к нашей литературе, надо, чтобы они и потом нас захотели читать, а не только один раз (...)»¹⁶.

Примечательно, что вышедший в 1901 году сборник немецкоязычных новелл Кобылянської назывался «*Kleinrussische Novellen*» и содержал три наиболее радикальные модернистские новеллы писательницы «Природа», «Битва» и «Некультурная». Итак, творчество Кобылянської стало для немцев явлением «малорусской» литературы. Однако можно рассматривать и ее украиноязычные произведения в смысле «малой литературы» Жюль Делеза и Феликса Гваттари, так как оно сыграло революционную роль в модернизации украинской литературы.

¹³ Павличко С. Дискурс модернізму в українській літературі / С. Павличко. - Київ, 1999. - С. 90.

¹⁴ Кобылянська О. Твори / О. Кобылянська. - Т. 5. - Київ, 1965. - С. 413.

¹⁵ Там же. - С. 480.

¹⁶ Кобылянська О. Твори / О. Кобылянська. - Т. 5. - С. 418.

Согласно Делезу и Гваттари, мы можем утверждать, что «малая литература» означает революционную ситуацию для каждой литературы внутри так называемой «большой литературы». Эта ситуация связывается ими с процессами детерриториализации, которая может иметь различные измерения, но касается также и вопроса языка. Так, в условиях существования локального меньшинства, например - еврейского в Праге или немецкого в Буковине, проявление и развитие немецкого языка было возможно в двух направлениях. Первое направление состоит в обогащении местного немецкого языка за счет художественных средств символизма. Таким образом, например, поступили Густав Мейнринк, Макс Брод или Пауль Целан. Другой путь предложил Франц Кафка. Он предпочел выбрать «обедненный» и «несовершенный» пражский диалект немецкого языка и провести его детерриториализацию в направлении осмысленной, но вместе с тем и интенсифицированной языковой выразительности. В такой ситуации создатели «малой» литературы могут задаться вопросом: «Как стать кочевником, цыганом и иммигрантом в своем родном языке?». Следом за тем же Кафкой они могли бы ответить: «выкрасть дитя из колыбели и пойти по натянутому канату»¹⁷.

Фактически Кобылянська в украинской литературе и совершила такое смещение, приняв украинский язык в многокультурной Буковине, вращаясь среди немецкого, польского и румынского многоголосья, отразив мобильность языковых, гендерных и морально-психологических ролей. Лексически и синтаксически ее украинский язык так и остается вариантом «германизированного» украинского языка. Он соединился с особой образностью и лиризмом писательницы и теперь воспринимается как особый код стилистики Кобылянської. Войдя в украинскую литературу со своим «онемеченным» украинским языком и непреодолимой тягой к немецкой культуре, писательница оказала революционизирующее влияние на всю литературу. На это повлияло еще одно условие: принадлежность к национальному и культурному меньшинству перекликалась и с причастностью к меньшинству гендерному. Понятие «малой» литературы обретает в этой связи новый смысл, как литература, созданная женщиной и написанная о женщине. И как буковинка, и как женщина Ольга Кобылянська выполнила пере/смещение украинской литературы в смысле стиля и тематики. Так локус пограничья Буковины и ситуация «малой литературы» способствовали появлению нового типа письма в украинской литературе, который выкристаллизовывался на границе между украинской и немецкой культурой, с одной стороны, и народничества и модернизма, с другой.

Среди немецких и скандинавских авторов, которые в то время были особенно популярны и чьи работы широко печатались на страницах немецкой прессы, внимание Кобылянської привлекали те, которые представляли новейшие современные литературные направления. Она знакомится с критикой Германа Бара, Арно Гольца, упоминает работу Йогана Шлафа «*Die Kunst, ihr Wesen und ihre Gesetze*», ссылается на статью Феликса Топперберга «*Die jungste Phase der nordischen Seele*». Круг ее чтения составляли в тот период Герхардт Гауптманн, Мария Эбнер-Эшенбах, Густав Гэрштам, Герман Банг, Кнут Гамсун, Енс Петер Якобсен, Морис Метерлинк, Арне Гарборг...

Как свидетельствует переписка писательницы с редакцией «*Gesellschaft*», где была опубликована и очень тепло воспринята ее новелла «Битва», у нее просили для журнала статьи об украинской литературе. Новый редактор Якобовски, как отмечала Кобылянська в письме О. Маковэю, «очень просил написать

¹⁷ Deleuze G., Guattari F. Kafka. Toward A Minor Literature. - P. 18 - 19.

исследование про нашу литературу»¹⁸. При этом сама Кобылянська рекомендовала Маковэю написать такой очерк об украинской литературе, планируя перевести на немецкий язык несколько произведений украинских авторов. Произведения самой Кобылянської Кобылянської выходили на страницах немецкой периодики 1890-х годов - в «*Neue Zeit*», «*Neue Revue*», «*Vorwärts*», «*Gesellschaft*». В переписке с Петко Тодоровым она спрашивает его про берлинские журналы и признается, что сама получает «*Neue Deutsche Berliner Rundschau*», а раньше получала и «*Gessellschaft*». Вильгельм Бельше, редактор «*Neue Deutsche Berliner Rundschau*», был одним из тех, кто поддержал молодую писательницу, признав ее литературный дар¹⁹. Она, вероятно, знала и то, что Бельше был автором книги «*Das Liebesleben in der Natur*» (1892), где тот связывал идею эволюции с эротизмом, а секс определял как объединительную силу мироздания. Работами Бельше интересовался и молодой Зигмунд Фрейд.

Среди немецких авторов Кобылянську особо интересовал модный в то время Фридрих Ницше. Его особая философия и то место, которое он отводил в ее рамках женщине, вызвали широкую дискуссию еще при жизни философа и особенно в XX столетии, которое мыслитель и открыл своей смертью в 1900 году²⁰. В одном из своих писем Кобылянська упоминала, что имеет книгу «*Unzeitgemässe Betrachtungen*» и особенно много ждет от ее первой части, посвященной литературе. В письме к О. Маковэю она писала: «я думаю, что теперь буду понимать его лучше, чем раньше, когда только много читала о нем»²¹. Еще годом ранее она предлагала ему самому почитать Ницше: «про женщин там можете опустить, это чисто восточные взгляды, без которых можно обойтись, но все, что до этого очень интересно»²².

Открытость и смелость чувств Кобылянської достойны удивления. Едва ли не самая скандальная ее новелла «Природа», повествующая о «свободной» любви, была написана на немецком языке в 1887 году. На украинском языке она смогла опубликовать ее лишь десятью годами позднее. Но даже и на немецком языке она увидела свет далеко не сразу, а вышла лишь в 1895 году, принятая Карлом Каутским в штуттгартскую газету «*Die Neue Zeit*». В 1898 году там же выходят и ее другие новеллы - «Битва» и «Некультурная». Эти три новеллы легко вписались в общий поток тогдашней европейской, в особенности, немецкой литературы. Меланхолическая «новая женщина», созданная Кобылянської, явилась новым культурно-психологическим типом, реализовавшим свою индивидуальное самоосуществление и потребность «высшей» культуры основе взаимодополнения «своего» и «чужого». Таким образом, она воплотила своеобразный вариант

¹⁸ Кобылянська О. Твори / О. Кобылянська. - Т. 5. - С.321.

¹⁹ Там же. - С. 180, 223.

²⁰ Наряду с известным мнением о женоненавистничестве Ф. Ницше, существует и другая точка зрения, согласно которой в нем можно видеть предшественника современного феминизма. В 1930-е годы одна из видных немецких феминисток Хелен Штокер пыталась превратить Ницше в философа феминизма. Хайда Шлюпманн так же из идей Ницше выводила феминизм. Х. Штокер опубликовала сборник эссе про Ницше. Она писала, что женщины могут воспользоваться тем, что мыслитель настаивал на максимальном и наиболее полном развитии индивидуальности и независимости от условий жизни. См.: Stocker H. Lou Andreas-Salome: Dichterin and denkerin / H.Stocker // Neue Generation. - 1931. - Januar; Schlupmann H. Zur Frage der Nietzsche-Rezeption in der Frauenbewegung gestern und heute / H. Schlupmann // Nietzsche heute: Die Rezeption seines Werkes nach 1968 / hrsg. S. Rouschinger, S. Cocalis, S. Lennox. - Bern, 1988. - S. 177 - 194.

²¹ Кобылянська О. Твори / О. Кобылянська. - Т. 5. - С. 297,

²² Там же. - С. 297.

преодоления лиминальности и маргинальности буковинской женщины в литературе конца XIX - начала XX столетия.

Софи А. Веллиш

НЕМЕЦКАЯ ЖЕНЩИНА В БУКОВИНЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ*

Проблемы женской истории в Буковине практически не изучены. Из 12202 названий приведенных в библиографии, составленной Эрихом Беком, всего пять работ посвящено гендерной истории. Публикации в периодических изданиях так же малочисленны и незначительны¹.

В отсутствие доступных изданных материалов по гендерной истории Буковины в ранние 1920-е годы, эта статья базируется на информации, тщательно подобранной на основе анализа работ, посвященных другим проблемам. Используются также интервью и личные наблюдения автора. Для того, чтобы выяснить женскую роль в исторической и сравнительной перспективе, необходимо вести исследование за пределами этой хронологической и культурной структуры.

Первые наблюдения быта и жизни германцев, в том числе и женщин, были сделаны Тацитом. В трактате «Германия» он писал, что «германцы, когда шли сражаться, двигались строем, который направляли женщины». Продолжая эту мысль, Тацит отмечал, что среди германцев женщины пользуются уважением, так как у них есть «некоторая святость». Мужчины, по его словам, серьезно относились к мнениям женщин и не отвергали их². Если верить Тациту, то женско-мужские отношения в германском обществе на его раннем этапе развития были нормальными. Какова же была ситуация в этой сфере в самой восточной австро-венгерской провинции, в Буковине, в начале XX столетия?

Социализация детей начинается в младенчестве. В буковинском консервативном аграрном сообществе существовало четкое и ясное различие между ролями и обязанностями мужчин и женщин. От самого детства к юности женщина была аккультурирована внутри немецкого сообщества и подготовлена к будущему статусу жены и матери. От нее ожидалось, что она посвятит себя исключительно «трем К» - кайзеру, детям и кухне. Эта формула позднее получила широкое применение в третьем рейхе, в годы правления Адольфа Гитлера.

Социальная мобильность, как для мужчин, так и женщин была чрезвычайно затрудненной, но особенно осложнена она была для женщин. В то время как сын, возможно, имел шанс учиться, например, в профессиональной технической школе, академической высшей школе (гимназии), или университете, то для дочерей продолжение образования после шести классов начальной школы (Volksschule)

* Перевод с английского с согласия и разрешения автора. Welisch S.A. *Bukovina-German Women in Social Perspective* / S.A. Welisch // *Journal of the American Historical Society of Germans From Russia*. - Vol. XIII. - No 4. - 1990. - P. 20 - 24. Перевод с английского М.В. Курчанова.

¹ Beck E. *Bibliographie zur Landskunde der Bukowina: Literatur bis zum Jahre 1965* / E. Beck. - Munich, 1966; *Bibliographie zur Kultur und Landskunde der Bukowina: Literatur aus den Jahren 1965-1975*. - Dortmund, 1985.

² Tacitus *De Germania* / Tacitus // *Classics of Western Thought: The Ancient World* / ed. D.S. Gochberg. - Vol. 1, 1988. - P. 421.

было часто не возможно. Получаемая местными немцами крайне незначительная прибыль, которая, как правило, затрачивалась на сына, так как сын мог стать кормильцем. Родители были вынуждены думать и о том, что сын позднее создаст свою семью, в то время как дочь выходила замуж и обеспечивалась бы мужем. Поэту, девушки могли претендовать на крайне простое образование.

В случае свадьбы местное немецкое сообщество было призвано поддерживать новую семью и не допустить ее распада. Это интегрировало семью и церковь в особую ситуацию культивирования святости и нерушимости брака, запрета развода. Проституция и аборты также законодательно в Империи Габсбургов были объявлены вне закона, но реализация этого запрета была далека от последовательности. Кроме того, гражданское и каноническое право разрешило избиение жен. Таким образом, в Австрии, где католицизм был государственной религией, домашнее насилие имело место, но не доходило до судебных разбирательств.

Незамужние девушки в немецких семьях часто воспринимались как обуза. Родители ожидали, что дети будут заботиться о родителях в старости - поэтому холостая и бездетная женщина экономически рисковала, так как она могла оказаться в зависимости от семейного благочестия и местного сообщества. До тех пор пока незамужняя девушка не выходила замуж она считалась едва ли не семейным бедствием. При этом общественное осуждение тех, кто преступал нормы, в Буковине никогда не было в моде. В случае появления внебрачных детей в немецкой среде устанавливалась атмосфера общественного неприятия и непризнания, которое могло длиться на протяжении всей жизни отступницы. Если ей не удавалось вступить в законный брак с отцом ребенка, ее шансы на восстановление прежнего статуса были минимальны.

Несмотря на то, что браки среди немецких переселенцев не организовывались непосредственно родителями, они влияли, чтобы дети сделали правильный выбор. Брак был очень важен, что бы быть решением исключительно местной немецкой молодежи. Свадьба представителей одной веры была ли не самой высокой целью немецких поселенцев в Буковине. Обычно немецкие девушки выходили замуж за уже относительно взрослых подростков, а незамужний статус в возрасте 23 или 24 лет был уже предзнаменованием возможных проблем. Мужчины, как правило, не женились до прохождения трехлетней военной службы. Традиционная крестьянская жизнь немецких переселенцев превращала их выживание в Буковине в насущную необходимость. Три поколения буковинских немцев работали, чтобы обеспечить существование семей своих потомков в начале XX века. По свидетельству немецкой жительницы Елизаветы Габриель-Березов сразу после появления немецкие поселений в Буковине женщины оказались вынужденными трудиться рядом с мужчинами на вырубке лесов, обработке полей и строительстве домов. А так как переселенцы были очень бедны и не имели ни лошадей не быков, то их место, запрягшись в плуги и фургоны, заняли женщины вместе со своими мужьями³.

Таким образом, немецкие женщины принимали самое активное участие в развитие немецких поселений в Буковине: именно они превращали дом в настоящий дом с цветочными горшками на подоконниках. Они ткали, ловили рыбу, мыли посуду, сами пекли хлеб, изготавливали мыло и свечи. В этом во многом

³ Gabriel-Berezow E. Die deutsche Frau des Buchenlandes / E. Gabriel-Berezow // Neuland (Freilassing). - Juli 31. - 1954. S. 3.

традиционном разделении труда в немецких поселениях (Бори, Фюрстенхаль, Пояна Микули, Альтхютте) мужчинам была отведена роль ремесленников, изготавливавших обувь, известную как *Holzpantoffel*. Местное немецкое выражение «*die Frau gehört ins Haus*» («женщина принадлежит дому») иллюстрирует веками сложившиеся представления о месте и роли женщины. В такой ситуации семья превращалась с самостоятельную единицу, где женщина участвовала в решении вопросов, связанных с расходом и без того незначительных денежных средств, воспитанием детей и их здоровьем⁴. Поэтому, роль немецких женщин среди немецких поселенцев на территории Буковины была значительной.

Но не следует обманывать себя: немецкие поселения в Буковине оставались в основном миром мужчин. В обычной немецкой семье мужчина был, как правило, старше, выполнял больше работы и, поэтому, доминировал в решении всех семейных вопросов. Как хозяин дома он нуждался в жене как в «компаньоне»: ей отводилась роль воспитания детей, в хранительнице домашнего очага. В такой ситуации мужчина был свободнее и имел больше возможностей для самовыражения. По сути он пользовался двойными стандартами: в общественном месте, на людях, он мог свободно есть и пить с друзьями, не опасаясь женской сплетни. Кроме того, возможности его карьерного роста, хотя и ограниченные местными условиями, были гораздо шире, чем у женщин.

С другой стороны, местная немецкая поговорка «кто встает в утренний час успевает съесть золото» («*Morgenstund hat Gold im Mund*») возможно была сформулирована именно женщинами. Они, действительно, были вынуждены вставать раньше и готовить завтрак для мужей и детей. Поэтому жизнь буковинских немцев была рутинной и скучной. С этим они боролись, собираясь вместе вечерами. Такая практика в буковинской немецкой среде, возможно, возникла под румынским влиянием, где аналогичная практика известна как *claca*⁵. Потомки буковинских немцев в США (например, Бригитте Кульханек Луизенталь, Клаус Стефани) в 1960-е годы описывали это так: «девушки заходили в комнату, называемую *Spinnstube*, потом приходили молодые люди с губными гармошками, после чего они все вместе начинали петь». Такие вечера могли одновременно проходить в трех четырех домах, что свидетельствует о том, что численность незамужних девушек в немецких поселениях была значительной⁶. В отсутствии современных средств информации именно эти деревенские *claca* служили источником новостей.

В традиционной среде буковинских немцев обычно не ожидалась, что замужняя женщина будет искать работу или работать за пределами собственного дома. Это свидетельствовало бы о семейном разорении и о том, что муж оказался не в состоянии обеспечить семью. Кроме этого, условия работы для буковинских немцев в начале XX столетия были крайне незначительны, и они могли рассчитывать только на место швей, горничных, служанок, учительниц и поварих. Некоторые становились прачками. Другие прислуживали в отелях и пивных, ткали

⁴ Kübler M.S. Das Hauswesen / M.S. Kübler. - Stuttgart, 1899. - S. 5.

⁵ The Romanian word *claca*, (spelled *Klaka* using German phonetics) means "compulsory service," and referred to the unpaid labor required of the serfs under the feudal system. After the emancipation of the peasantry from this seigniorial obligation, people continued the habit of working in groups, and indeed took pleasure in it. In *Das Brauchtum von Bayrischen, deutsch-böhmischen Buchenländern* (Essen: by the author, 1989), S.S. 69-78, Sigfried Mirwald describes the various activities for which *Klakas* were organized and the social activities which accompanied them.

⁶ Stephani Cl. Erfragte Wege: Texte aus der Südbukowina, Kreis Suceava / Cl. Stephani. - Bucharest, 1975. - S. 142.

ковры или гобелены, или работали рядом с мужчинами в магазинах и парикмахерских.

Самое престижное занятие, на которое могли рассчитывать буковинские немки в начале XX столетия, было акушерство. В Буковине деятельность акушерок была официально разрешено и хорошо оплачивалась. В условиях традиционного крестьянского быта ее роль становилась очень важной. Обычно, они посещали молодую мать и новорожденное дитя в течение одной недели. Поэтому, наряду с государственным содержанием она могла рассчитывать получение денег от своих клиентов. Хотя такие подарки, как правило были очень незначительными и редко превышали дюжины яиц⁷.

Позднее те немки, которые могли найти работу на мельницах, в 1930-е годы получали не более 300 или 400 лей в месяц⁸, в то время как 100 лей равнялось одному американскому доллару⁹. Незначительное число рабочих мест существовало и в городах. Правда, в виду того, что индустриализация только начиналась, их было крайне немного. Условия труда были тяжелыми: профсоюзы и законы о минимальной заработной плате отсутствовали. Кроме этого такая работа была не только плохо оплачиваемой, но и непрестижной. Ситуация немного улучшилась когда женщины в Румынии, в том числе и немки, получили избирательные права. В немецком языке на территории Буковины слова «девушка» и «служить» оказались очень тесно связанными. Слова *Magd*, *Mädchen* и *Dirne* нередко обозначали именно молодую девушку, которая работала, служила, или оказывала некоторые услуги. В последнем значении эти слова могли означать и занятие проституцией.

Крайне плохие условия для работы существовали и для мужчин. Они работали в тяжелых условиях, по много часов и за низкую плату. В такой ситуации у них видимо просто не оставалось времени для ущемления женщин, так и те и другие в одинаковой степени испытывали давление со стороны существовавшей социальной системы, которая едва ли могла дать шанс на изменение социального статуса. Поэтому становится очевидным то, что многие буковинские немцы предпочли или эмиграцию в Америку, или переселение *en masse* в Германию, как только, в 1940 году, такая возможность им представилась.

Переселившись в США буковинские немцы поняли, что для них открыт путь к продвижению вверх, облегченный значительными экономическими ресурсами страны. Кроме этого, потомки немецких переселенцев из Буковины воспользовались в США широкими возможностями получения высшего образования. Ни того, ни другого они не имели в Буковине, где женское образование вообще пребывало в зачаточном состоянии. В Буковине существовало раздельное образование для детей немецких поселенцев - отдельно для мальчиков и отдельно для девочек. В 1872-1873 годах, когда в Черновцах был открыт женский учительский институт из 21 одной набранной девушки немки составляли десять. В 1912 - 1913 годах были организованы женские гимназии с преподаванием немецкого языка для девушек в Черновцах, Радовце, Гурахуморе и Сучаве. В Черновцах находилась еще одна немецкая школа, *Privatrealgymnasium*, которая

⁷ Conversation with Theresia Wagner, Valley Cottage, NY, June 12, 1990. Mrs. Wagner's grandmother, Theresia Tomaszewski, served for some three decades as the midwife for the Christians of Gurahumora. With its sizable Jewish population, Gurahumora also had a Jewish midwife.

⁸ Die deutsche Frau der Bukowina // Der Auslandsdeutsche. - Bd. 16. - 1933. - S. 534.

⁹ Hamden, CT: Archon Books, 1969. - P. XII.

давала некоторое образование, но не возможность последующего поступления в университет. Там же, в Черновцах, действовала и женская гимназия, где преподавание велось на немецком, украинском и румынском языках¹⁰. Родители были вынуждены платить за жилье, если девушка приезжала в Черновцы из немецких буковинских поселений. Однако, гимназия нередко открывала дорогу в университет.

В 1880-е годы Университет в Черновцах был не только единственным классическим университетом, но и единственным университетом, в который принимались девушки. В 1890-е годы число девушек, обучавшихся в университете, последовательно росло, и к 1903-1904 годам они составили одну треть студентов на факультете философии. Когда первая, закончившая университет, немка получила ученую степень, ректор заявил: «Я хочу только пожелать, чтобы случай фройлян Клементины фон Ханкевич не стал единственным, а принес хорошие результаты для университета»¹¹. В 1905-1906 году число студенток составило 59 (из 698), а в 1907-1908 году - 78 (из 799)¹². Правда, преподавательский состав оставался почти исключительно мужским. Единственное исключение - доктор Йоханна Отт-Аллач - преподавательница английского языка, да и та работала, когда университет находился на территории Румынии.

В межвоенный период немецким учреждениям и традициям в Буковине стала угрожать новая опасность - румынизация. Сохранение идентичности вновь оказалось в руках женщин, как активных носительниц традиций, языка и фольклора. После завершения первой мировой войны, когда территории Буковины оказались в составе Румынии, закончилась немецкая эра, и немецкий язык потерял статус государственного. Немцы оказались подвержены многочисленным опасностям. Однако буковинские немки смогли сберечь народные песни, детские стихи, немецкие пословицы - они сохранили немецкую устную традицию в окружении чуждых культур. То, что немецкие сообщества в Буковине не деградировали до положения языковых анклавов было заслугой именно немки. Они редко знали и немецкий и румынский язык одновременно, в отличие от мужчин, которые ежедневно контактировали с румынами на работе, местном рынке или в пивной¹³.

В Буковине не было ничего удивительного в том, чтоб найти носителей славянских или румынских фамилий, которые идентифицировали себя как немцы. Это стало результатом того, что такие люди, скорее всего, имели немецких матерей. Именно мать формировала мировоззрение ребенка, в отличие от отца, который не мог проводить много времени с детьми. Именно об этом писала немецкая газета *Czernowitzer Deutsche Tagespost* в декабре 1929 года: «немецкая женщина в Румынии принадлежит группе, борющейся для поддержания и сохранения своей этнической идентичности, ее роль отличается от роли немецкой женщины в Германии или румынской женщины в Румынии. С падением немецкой империи сохранение нашей немецкой культуры стало самой важной задачей.

¹⁰ Prokopowitsch E. Die Entwicklung des Schulwesens in der Bukowina / E. Prokopowitsch // Buchenland: 150 Jahre Deutschtum in der Bukowina / hrsg. Fr. Lang. - Munich, 1961. - S. 307 - 308, 312.

¹¹ Turczynski E. Die Universität Cernowitz / E. Turczynski // Buchenland: 150 Jahre Deutschtum in der Bukowina / hrsg. Fr. Lang. - Munich, 1961. - S.S. 345-346.

¹² Prokopowitsch E. Grundung, Entwicklung und Ende der Franz-Josephs-Universität / E. Prokopowitsch // Cernowitz (Bukowina-Buchenland). Bd. 1. Schriften zur Geschichte des Deutschtums in der Bukowina (Buchenland) / hrsg. Herbert Mayer. - Clausthal-Zellerfeld, 1955. - S 40.

¹³ Gabriel-Berezow E. Die deutsche Frau des Buchenlandes. - S. 3.

Женщина - это дух семьи. Она учит ребенка первым словам, формируя его дух, мысли и саму суть»¹⁴.

Десятилетие 1930-х годов прошло под знаком националистического движения. Немецкие девушки в Буковине начали создавать местные группы для поддержания и сохранения немецкой национальной идентичности. Так возникли *Mädelgruppen*, которые представляли собой объединения, в рамках которых встречались молодые девушки для изучения немецкой национальной истории, деятельности немецких героев и немецких традиций. Такие встречи имели целью подготовки к решению политических и социальных задач, как в обществе, так и в семье¹⁵.

Рассматривая роль немецких женских организаций, следует упомянуть и «Объединение немецких женщин» («*Vereinigung deutscher Frauen*»), которое было основано в Черновцах в сентябре 1921 года. Оно занималось благотворительностью, общественной и образовательной деятельностью. «Объединение немецких женщин» стремилось поднимать образовательный уровень и тех немок, которые жили в сельской местности. Поэтому, организовывались лекции и конференции, где обсуждались вопросы воспитания детей, ухода за пожилыми и бездомными. «Объединение немецких женщин» хотела таким образом снизить степень различий между буковинскими немцами по религиозному и социальному признаку¹⁶.

Тот кто знаком с историей Запада вообще и гендерной историей в частности заметит, что положение немецких буковинских женщин не отличалась от статуса женщин в других традиционных аграрных сообществах и доиндустриальных обществах. Женщины могли «наслаждаться» безопасностью то четко определенной роли, которую они играли в семье. Женщина была не только не изолированной, она пользовалась уважением в семье и в местном немецком сообществе. Отвлекаясь от ностальгических воспоминаний мы сможем составить портрет типичной средней буковинской немки начала XX столетия: она выходила замуж за уже повзрослевшего немецкого подростка в возрасте между 16 и 18 годами, немецкие семьи, как правило, были многодетны. В немецких семьях могло быть восемь и более детей. Иногда число рожденных детей доходило до восемнадцати или девятнадцати. Быт таких семей был патриархальным, так как электричество еще не нашло широкого применения: прежде чем приступить к приготовлению еды женщины были вынуждены принести воды, нарубить дров и развести огонь. Когда она стирала белье, она делала это при помощи ей же изготовленного мыла. Она начинала казаться женщиной среднего возраста раньше, чем кажутся современные женщины. Она так же имела и проблемы со здоровьем, что подтверждает изучение старых фотографий, где все женщины с закрытыми ртами по причине отсутствия зубов. Скорее всего уже к шестидесяти годам она теряла все зубы. Поэтому буковинские немцы и немки на фотографиях начала XX столетия никогда не улыбаются. Здравоохранение в сельской местности было настолько примитивно, что не смогло изменить ситуацию в лучшую сторону. Число докторов и дантистов было незначительно, и местные немцы были вынуждены прибегать к услугам традиционной медицины и довольствоваться настойками и снадобьям,

¹⁴ Skrehunetz Br. Welt der Frau: Die Bukowiner deutsche Frau / Br. Skrehunetz // Czernowitzer Deutsche TagesS.ost. - 12 Dec. - 1929. - S. 3 - 4.

¹⁵ Göry E. Deutsche Mädchenarbeit im Buchenland / E. Göry // Deutscher Kalender für die Bukowina. - Czernowitz, 1935. - S. 41 - 42.

¹⁶ Ein Jahr deutscher Frauenarbeit // Bukowiner Bote. - 1923. No 7. - S. 5 - 6.

изготовленными такими же, как они немецкими крестьянами. Эта сфера народной медицины почти полностью была монополизирована женщинами.

Спорт, игры, и развлечения для женщин за пределами дома и церкви фактически были невысказаны. В то время как танцы были организованы для того, чтобы способствовать социализации, помочь девушкам найти будущего мужа. Мужчины могли найти развлечения в местной пивной, а ее посещение было запрещено для любой уважающей себя женщины. Если немка не жила в крупном городе, например, Черновцах или Радавце, она не имела возможности когда-либо посетить театр или читать газеты. Немки не могли так же занимать рабочие места в городах, которые требовали от них специальных навыков. Но не следует считать, что буковинские немки в начале XX века были более несчастны чем их освобожденные потомки. Они были не в силах осмыслить свое положение, так как будучи социализированными в раннем возрасте осмысление не было присуще их сознанию, находясь за пределами их восприятия мира.

Буковинские немецкие женщины, оказавшиеся в Германии, Австрии и Америке смогли воспользоваться возможностями и выгодами, которые предоставляются современным индустриальным обществом¹⁷. Потомки буковинских немцев активно осваивают гуманитарные и экономические профессии. Даже основное объединение потомков буковинских немцев возглавила женщина: во главе *Landsmannschaft der Buchenlanddeutschen* (Ассоциации немцев Буковины) находится доктор Пола Тифенталер. Она стала первой женщиной, которая смогла возглавить одно из двадцати обществ, объединяющих изгнанных немцев. Другая буковинская немка Ирма Борнеманн курирует деятельность еще одного общества - объединения *Kaindl Gesellschaft*. Эта организация имеет своей целью изучение истории, генеалогии, культуры и традиций немцев Буковины. Воспользовавшись предоставленными возможностями, немецкие женщины смогли найти сферу выражения своей энергии. Видимо, Вирджиния Слим была недалеко от истины, сказав, что «у вас за спиной долгий путь, девочки».

И.А. Суздальцева

НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОГО ДАГЕСТАНА (ХАСАВЬЮРТСКИЙ ОКРУГ) В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА.

Первые немецкие иммигранты появились на Северном Кавказе одновременно с другими переселенцами в конце XVIII века. Российские правящие круги не жалели средств и прилагали немало усилий для переселения колонистов на Северный Кавказ с целью освоения новых земель. Кроме того, преследовалась цель создания здесь прочной социальной базы, так как колонисты получали лучшие земли, платили небольшие налоги и почти не несли повинностей. Правительство уделяло большое внимание заселению российских земель выходцами из других стран, особенно из Германии. В свою очередь, возрастающая земельная нужда в Германии и других европейских странах создавала благоприятные условия для появления колонистов в России.

Еще при Елизавете Петровне наметились направления колонизации территорий в бассейне Оки, верхней и средней Волги. Одним из первых указов

¹⁷ См. подробнее: Jachomowski D. Die Umsiedlung der Bessarabien-, Bukowina- und Dobrudschadeutschen / D.Jachomowski (Buchreihe der Südostdeutschen Historischen Kommission. Bd. 32.). - Munich, 1984.

Екатерины II был Манифест от 4 декабря 1762 года, приглашавший иностранцев в степные районы Российской империи. В документе не разъяснялось, на каких условиях предлагалось переселение, и 22 июля 1763 года издали новый Манифест, текст которого был опубликован, переведен на европейские языки и рекламировался российскими представительствами в Германии, Голландии, Англии, Швеции и других странах. Иностранцам были обещаны земельные участки для ведения хозяйства, полная свобода совести, самоуправление, свой суд, освобождение от воинской повинности и от всех податей в течение тридцати лет. Неимущим переселенцам предлагались, кроме того, пособия на переселение, съестные припасы до первого урожая или «кормовые деньги». Наиболее желательным признавалось привлечение целых общин, которые устраивались бы особыми колониями, для которых за казенный счет возводились церкви и школы¹.

Вопрос о переселении иностранных колонистов на Кавказ был определен 27 октября 1778 года, когда немцам из Саратовской губернии было разрешено селиться на Северном Кавказе. Манифест от 24 июля 1785 года о дозволении иностранцам селиться в городах и селениях Кавказской губернии определял положение переселенцев. Правительство предоставило им возможность широкой деятельности в области ремесел, промыслов, торговли на льготной основе. Они освобождались на 6 лет от всех государственных податей. В случае выхода из государства по окончании этого срока им гарантировалась свобода действий, обусловленная лишь уплатой трехлетней подати².

Павел I, перечеркнувший многие предначертания Екатерины II, продолжил политику наибольшего благоприятствования колонистам и развил ее дальше. Как отмечал исследователь истории колонизации А.А. Велицын, «исключительно родительским попечением» отличалось отношение Павла I к немецким колонистам. «Отеческой, родственной нежностью проникнуты все мероприятия ... правительства этого времени»³.

Таким образом, заманчивые предложения русского правительства привлекли тысячи семей из разных частей Германии. Вначале большинство немцев селилось в Санкт-Петербургской и Лифляндской губерниях, а затем в Поволжье и на Юге России. Северного Кавказа достигла ослабевшая иммиграционная волна, представленная переселенцами из внутренних губерний России.

В XVIII – первой половине XIX века на Северо-Восточном Кавказе не отмечалось массового переселения немцев. Однако правительство пыталось привлечь их в регион. Как отмечали отдельные чиновники из Министерства земледелия и государственных имуществ России, на Кавказе царское правительство «жаловало частным лицам земли, устраивало русские и немецкие поселения, обращало свободные земли в оброчные статьи и вообще, по мере надобности, эксплуатировало разные угодья по своему усмотрению»⁴.

В целом, в первой половине XIX века переселение немцев на Кавказ шло медленно, поскольку их отпугивала Кавказская война. Тем не менее, из «Отношения князя Воронцова к графу Киселеву от 6 апреля 1851 г.» известно о желании 220 семей «пруско-подданных» переселиться на северо-восточный берег

¹ Плохотнюк Т.Н. Дорога / Т.Н. Плохотнюк // Тарих. - № 1. - Махачкала. - 1994. - С. 25.

² ПСЗРИ. Собр. 10-е. Т. 22. № 16226.

³ Велицын А.А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге и Востоке России / А.А. Велицын. - СПб., 1893. - С. 27.

⁴ Лисенков. Записка о захватах частными лицами ценных казенных земель на Кавказе и мерах против этих захватов / Лисенков. - [б.г.], [б.м.] - С. 13-14.

Черного моря. Однако желание немцев не было удовлетворено. В качестве причины указывалась недостаточность войск Черноморской береговой линии для защиты поселений⁵.

На территории Дагестана, в частности в Хасавюртовском округе, немцы стали селиться со второй половины XIX века. Сюда они направлялись из районов Поволжья и Южной Украины, куда их предки переселились из Германии во второй половине XVIII века. На новом месте немцы стали создавать свои поселения, которые их соседи называли колонками, т.е. колониями. Большинство приехавших на Северный Кавказ немцев были протестантами (лютеране, баптисты, адвентисты 7-го дня и др.). Первоначально немцы занимались исключительно сельскохозяйственным трудом. Позже из их среды вышли механики, инженеры, ветеринары, врачи, фармацевты и т.д.⁶ В конце XIX – начале XX века в северных районах Дагестана развернулось широкое переселенческое движение, в ходе которого в край направилось значительное число русских крестьян и немецких колонистов. В крае ими было образовано большое число сел, хуторов и колоний. Немцы переселялись сюда из Таврической, Бессарабской, Екатеринославской, Херсонской губерний и Крыма⁷.

Немецкие колонисты, как и русские переселенцы, образовывали, как правило, свои поселения в виде больших селений и колоний на надельной, частновладельческой и приобретенной в собственность земле при содействии Крестьянского поземельного банка. Более или менее крупные селения создавались на казенных землях, а мелкие хутора или колонии – на частновладельческих землях, купленных или арендованных в частном порядке⁸. Начальник Хасавюртовского округа писал, что «пришлое русское и немецкое население, приобретая земли князей и узденей плоскости, образовали на своих землях отдельные сельские и хуторские хозяйства; число дымов в некоторых поселках достигает 60, особенно много хуторов с меньшим количеством дымов...»⁹. На рубеже XIX и XX веков в Хасавюртовском округе были образованы поселки и хутора: Измайлово, Дубовка, Евгеньевка, Романовка, Баташова (номера 1 и 2), Капланова, Львовские номера 1 - 9, Могилевский, Екатеринославский и другие, в которых проживали русские и немецкие переселенцы¹⁰. В 1906 году в 74 селениях Хасавюртовского округа проживало более 8.060 русских и других, в том числе немецких, переселенцев¹¹. На Кумыкской плоскости немецкими переселенцами были основаны населенные пункты Шенфельд, Шпрингфельд, Фридгейм, Хронсфельд и др.¹².

Немецкие колонисты, как правило, оседали в крупных селениях на землях, приобретенных в собственность или арендованных. Так, в ноябре 1900 года «...Харьковский купеческий сын Гейнрих Готлибович Шпренгель, поселянин

⁵ Акты Кавказской Археографической комиссии. - Тифлис, 1885. - Т. 10. - С. 116.

⁶ Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного населения). Книга историко-культурных регионоведческих очерков / В.Б.Виноградов. -Армавир, 1995. - С. 90.

⁷ Ахмадов Ш.Б. Русские переселенцы в Северном Дагестане на рубеже XIX – XX вв. / Ш.Б. Ахмадов // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана. - Махачкала, 1990. - С. 161.

⁸ Там же. - С. 159.

⁹ РГИА. Ф. 426. Оп. 3. Д. 512. Л. 221.

¹⁰ Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России / И.Р. Нахшунов. - Махачкала, 1956. - С. 69.

¹¹ Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. - С. 160.

¹² Нахшунов И.Р. Указ. соч. - С. 69.

Таврической губернии Андреас Фридрихович Валендер, поселянин Бессарабской губернии Александр Эмануилович Штрауб, Екатеринославский мещанин Мирон Осипович Демченко и Александровский мещанин Георгий Иванович Ищенко... купили участок земли Терской области Хасав-Юртовского округа под названием «Камбулатовский» пространством 2 тыс. 352 десятины удобной и неудобной земли» и образовали на ней несколько хуторов¹³. В 1908 году немецкими колонистами было образовано селение Гофнунсфельд из 51 семьи на приобретенной в собственность земле¹⁴.

Земельные наделы часто приобретались отдельными немецкими колониями при содействии банков (Донского коммерческого и Крестьянского поземельного). Так, в докладе начальника Хасавюртовского округа на 1-м Северокавказском мелиорационном съезде говорилось: «По освобождению крестьян кумыкские князья и уздени (дворяне) лишились рабочих рук, перестали возделывать свои земли, и, не имея никаких других средств к жизни, кроме доходов от земель, поспешно стали распродавать их; земли эти частями стали переходить к пришлому русскому и немецкому населению. Выдача банками ссуд под землю князьям и узденям плоскости ускорила переход земель к пришлому элементу, так как князья и уздени, закладывая свои земли в банки, благодаря малой доходности земель не могли своевременно уплачивать проценты в банки и земли продавались с торгов»¹⁵.

Всего по Хасавюртовскому округу числилось 2.296 человек (1189 мужчин, 1107 женщин) немецких переселенцев. По численности они занимали второе место среди инонационального населения региона. Так, в 1901 году в Хасавюртовском округе проживало: русских - 9.687 человек, армян - 163, поляков - 123, персов - 120, грузин - 11 человек¹⁷. Активизации переселенческого движения в край мешали постоянные грабежи и разбои, на которые указывали исследователи¹⁸, в том числе и П.П. Надеждин, отмечавший, что «... немцы-колонисты Северного Кавказа... не сближаются с туземцами..., видя в них хищника-татарина, от которого надо старательно охранять свои поля и сады»¹⁹.

Земля в поселках подушно не делилась. Каждый хозяин владел тем количеством десятин земли, которое он приобретал в колонии или на хуторе. Так, например, только в 3-х немецких колониях Вандерло, Александровка и Николаевка на одно хозяйство немца-переселенца приходилось 80 десятин земли, а в остальных колониях или хуторах - по 40 десятин²⁰. Многие хозяйства немцев-переселенцев Дагестана, судя по количеству принадлежащей им земли, являлись помещичьими. Так, хутора Якова Ремпеля, Петра Гофмана, Эдуарда Артеса, Филиппа Целлера, Генриха Ширенгеля, Конрада Клюда и другие, состоящие из одного двора (семьи), имели в личной собственности от 100 до 900 десятин. Два хутора Большая и Малая Шава, состоящие из двух семей (хозяйств) немцев-переселенцев, имели в личной собственности в общей сложности 9.737 десятин

¹³ Центральный Государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 147. Оп. 3. Д. 125. Л. 2.

¹⁴ ЦГА Северной Осетии. Ф. 11. Оп. 10. Д. 37. Л. 119-120.

¹⁵ ЦГИА РФ. Ф. 426. Оп. 3. Д. 512. Л. 221; Мансуров М.Х. Русские переселенцы в Дагестане (2 половина XIX - начало XX в.). Махачкала, 1994. С. 41.

¹⁷ Там же. Л. 23.

¹⁸ См.: Кауфман А.А. Свод трудов местных комитетов по Кавказу, области войска Донского, Сибири, Степному краю и Туркестану / А.А. Кауфман. - СПб., 1904. - С. 445.

¹⁹ Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди / П.П. Надеждин. - Тула, 1895. - С. 122.

²⁰ ЦГА Северной Осетии. Ф. 11. Оп. 12. Д. 304. Л. 36, 36 об, 86-89.

земли. Наряду с ними создавались и такие хутора и колонии, как Романовка, Фрейденфельд, Евгеньевка, Влади́н, Эбенфельд, Гофнунсфельд и другие, в которых земля, находящаяся в пользовании немцев-переселенцев, едва превышала 3 десятины на душу населения²¹.

Немецкие поселки отличались порядком и чистотой. Основу хозяйства первых немецких поселенцев на Северо-Восточном Кавказе составляли огородничество, садоводство, табаководство и частично зерновое земледелие²². Исследователи справедливо отмечают, что немецкие колонии повсеместно достаточно быстро достигали экономического благополучия и, как свидетельствуют источники, производили на современников «приятное впечатление своим опрятным и веселящим видом»²³.

Немецкие переселенцы оказали прогрессивное влияние на развитие земледельческого хозяйства Дагестана. По словам начальника Хасавюртовского округа «... пришлый русский и немецкий элементы, приобретая землю на Кумыкской плоскости за свой счет или при содействии различных банков, внесли в край известную культуру: количество рабочих рук увеличилось, орошение значительно улучшилось, площадь возделываемых полей возросла, а потому стоимость земли быстро стала подниматься и те земли, которые в 60-х годах прошлого века имели цену в 1 руб. десятина, в настоящее время (начало XX века – И.С.) стоят 170 руб. и более десятина»²⁴.

В отчете начальника Темир-Хан-Шуринского округа говорится, что «архаический способ обработки полей повсюду вытеснен более совершенным, причем превалирует обработка немецкими плугами»²⁵. Немцы-переселенцы участвовали в создании различных кредитных учреждений в Дагестане. Так, в 1914 году в Хасавюртовском округе было открыто 11 кредитных товариществ, в том числе Николаевское и Фрейденфельдское²⁶. Русские и немецкие предприниматели были основателями и владельцами пивоваренных предприятий в городах Хасавюрт, Темир-Хан-Шура, Петровск и т.д.

Таким образом, в связи с окончанием Кавказской войны государство было заинтересовано в скорейшем заселении местностей Кавказа. Немецкое население Северного Дагестана начало формироваться в конце XIX – начале XX века, когда переселенческий поток из внутренних губерний России переместился на Северо-Восточный Кавказ, и в крае, в том числе в Хасавюртовском округе, было образовано значительное число русских и немецких переселенческих поселков. Немцы Дагестана создавали свои поселки на купленных или арендованных землях, проживали в городах и слободах края. Они внесли прогрессивный вклад в развитие производительных сил Северного Дагестана: активно участвовали в развитии различных отраслей сельского хозяйства, занимались торговлей и предпринимательством, участвовали в создании промышленных предприятий и т.д.

М. М. Мусаев

²¹ Там же.

²² Дзагов Р.Н. Формирование полиэтничного населения Кабарды в XIX – начале XX веков. Автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / Р.Н. Дзагов. - Нальчик, 2003. - С. 18.

²³ Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи... - С. 99.

²⁴ ЦГИА РФ. Ф. 426. Оп. 3. Д. 512. Л. 221; Мансуров М.Х. Русские переселенцы в Дагестане (2 половина XIX – начало XX в.) / М.Х.Мансуров. - Махачкала, 1994. - С. 41.

²⁵ ЦГА РД, Ф. 21. Оп. 6. Д. 29. Л. 90.

²⁶ Мансуров М.Х. Русские переселенцы в Дагестане (2 половина XIX – начало XX в.). - С. 143.

ОБРАЗОВАНИЕ НЕМЕЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ХАСАВЬЮРТСКОМ ОКРУГЕ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА.

Территория региона – Термин «Северный Кавказ» официально был введен в середине XIX века - постепенно «прирастала» к Российской империи в результате ряда войн.¹ Терская область была организована в 1861 году. В неё входили четыре отделения: Пятигорское, Моздокское, Кизлярское и Сунженское и шесть округов: Владикавказский, Назрановский, Грозненский, Введенский, Нальчикский и Хасавюртовский. В 1863 году административным центром Терской области стал город Владикавказ. В результате быстрого роста территорий на юге России и в частности на Северном Кавказе, царское правительство старалось заселить этот регион, чтобы освоить и культивировать земли и создать заслон от нападений, кочующих племен. В 1804 году русское правительство выделило 623306 десятин земли русским помещикам и генералам. Эти земли в 1860-е годы были частично проданы немецким колонистам.

Говоря о причинах переселения немцев, основной причиной была острая необходимость расширить свои землевладения. В немецких общинах старший сын был наследником земельного участка отца. Но семьи были многодетными, и родители считали своим долгом обеспечить земельными участками и других сыновей. Для этой цели основывались общинные кассы. После того как в кассе было собрано большое количество денег община посылала своих агентов на поиски продажных земельных участков.² На Северном Кавказе земли были значительно дешевле, чем на Волге и Причерноморье целые семьи продавали свои участки и переселялись на Северный Кавказ.

Теперь уже переходя к Хасавюртовскому округу Терской области нужно отметить, что исследовательница Э.Я. Агаева отмечала факты поселения немецких колонистов в Хасавюртовском округе.³ И так, например, переселенцы из Молоканского региона купили у русских князей Львовых 24000 десятин земли по 40 рублей за одну десятину и основали на этой земле 15 колоний. Самые большие колонии так и назывались Львов 1 и Львов 2.

Уместно будет привести один источник к вопросу о заселении Хасавюртовского округа: «Начальник штаба Кавказского военного округа: Его превосходительству С.Е. Толстому начальнику Терской области. Милостивый государь Сергей Евлампиевич по имеющимся сведениям в настоящее время возник целый ряд русских поселений и немецких колоний в Хасавюртовском округе вверенной Вашему превосходительству области. 1902 г»⁴.

Теперь возвращаясь к выше названным 15 менонитским колониям, мы хотим перечислить эти колонии, назвать, сколько земли приходилось во владении каждой колонии и количество людей проживающих в ней: 1) Колония Вандерлоо число колонистов составляло 121 человек обоего пола. Землей они владели на правах частной собственности. Во владении колоний находилось 1920 десятин земли; 2) Колония Харчь. Число колонистов составляет 91 человек обоего пола, количество земли составляло 1200 десятин; 3) Колония Тальма. Число жителей

¹ Чернова Т.Н. К истории первых переселенцев поселений на Кавказе / Т.Н. Чернова // Вестник ПГЛУ. - № 4. - 2004.

² Агаева Э.Я. Становление и дальнейшая судьба немецких колоний в Терской области / Э.Я. Агаева // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. - С. 120.

³ Там же. - С. 121

⁴ ГАСО. А. Ф.11. Оп 11. Д. 304. С.15.

колоний составляет 100 человек, количество земли 1040 десятин; 4) Колония Константиновка. Число жителей составляло -143 человека. Количество земли 1200 десятин; 5) Колония Сулак. Число жителей этой колонии составляет 115 человек, количество земли составляет 1080 десятин; 6) Колония Марьяновка. Число жителей колоний составляет 115 человек, количество земли составляет - 1080 десятин; 7) Колония Александровка. Число жителей составляет 99 человек, количество земли принадлежащей колонии составило 1920 десятин; 8) Колония Рорбах. Число жителей насчитывалось 133 человека, количество земли 1200 десятин; 9) Колония Николаевка. Число жителей составляет 120 человек. Земли находящейся в их пользовании 1920 десятин; 10) Колония Мидельбург. Число жителей 63 человека, количество земли -1200 десятин; 11) Колония Претория. Число жителей равно -54 человека, земли находящейся в их пользовании равно 1080 десятин; 12) Колония Остгейм. Количество жителей равно 47 человек, количество земли равно 1200 десятин; 13) Колония Тарановка, число жителей 97 человек, количество земли 1200 десятин; 14) Колония Камышлин. Число жителей 73 человека, количество земли 1400 десятин; 15) Общества Гольбштадской и Гнаденфельдской властей Таврической губернии. Число жителей не указано. Количество земли находящейся в пользовании этих обществ было равно 6250 десятинам.

Говоря о годе образования этих колоний, отправной точкой считается 1901г. Земли колонисты приобретали при посредничестве банков таких, как Донской банк и т. д. подушно разделена не была т.к. приобреталась в частное пользование.⁵ Самое раннее поселение немцев в Хасавюртовском округе была колония Евгеньевка основанная 1889г. Далее в 1897году в районе селения Ново-Владимировки был основан хутор Кирпич-кутан. Здесь проживали переселенцы из Бессарабской губернии. Уже в 1898г. в этот район прибывает еще одна партия бессарабских колонистов и основывает хутор Татьяновку.

В 1900 году появляется колония Владино Качалай-кутанского района. В этой колонии не было жителей - переселенцев, какой - либо одной губернии. Здесь проживали выходцы из нескольких губерний, а именно: Волынской, Варшавской, Херсонской, Таврической и Екатеринославской губернии. Далее в 1900 году образуется селение Романовское. Поселившиеся здесь немцы были выходцами и Варшавской, Екатеринославской, Таврической и Херсонской губернии. На поземельные нужды здесь было выделено 1144 десятин земли. Хутор Эбенфельд Романовского района был образован в 1900 году выходцами из Варшавской, Таврической, Екатеринославской и Херсонской губернии. Количество домов составляло 25 дворов. Жители наделены землей в количестве 925 десятин.

Селились здесь и отдельными семьями. Так в районе селения Андреево находилось поселение Густава Шелера. Прибыл этот поселенец в 1902 в Бессарабской губернии, где и жили его предки. В 1910 году образовался хутор Гофнунгсфельд поселенцы прибыли сюда из Бессарабской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губернии. В 1906 году в районе селения Татаюрт образуется хутор Мариенфельд. Здесь проживали немцы из Бессарабской губернии. В этом же районе в 1906г. здесь обосновались два хуторянина - Эдуард Артес и Филипп Целлер. Оба они выходцы из Таврической губернии.

Следующая группа поселенцев селится в районе селения Кази-юрт в 1910 году. Это хутор Кронсфельд, образовавшийся из переселившихся сюда из

⁵ Агаева Э.Я. Становление и дальнейшая судьба немецких колоний в Терской области. - С. 122.

Донской, Таврической и Екатеринославской губерний колонистов. Там же образуется хутор Фридгейм, количество жителей этого хутора составляло 47 человек обоего пола. Это были переселенцы из Таврической губернии. В районе с. Костек появились два поселения. Это поселения Генриха Шпренгеля, переселившегося сюда в 1905 году из Екатеринославской губернии и Конрада Клюдта, переселившегося сюда в 1911г. из Херсонской губернии.

В район селения Тамаза-тюбе с 1901- по 1914г. прибыли переселенцы из Бессарабской, Таврической, Херсонской, Самарской и Саратовской губернии. Основывают здесь хуторы три переселенца – Натаниэль Шульц, переселившийся сюда из Бессарабской губернии в 1914г., Петр Гофман в 1912г. из Херсонской губернии и Яков Давидович Ремпель в 1901г. из Таврической губернии.⁶ Э.Я. Агаева отмечает в Хасавюртовском округе следующие поселения – Штраухдорф, Владино, Мариенфельд, Львов 1, Львов 2, Каплан, Романовка, Алексанровка, Марьяновка и др. Всего на Терской области было основано 63 колонии. Нельзя не упомянуть о хозяйственной деятельности немецких переселенцев. Не будет открытием упоминание того, что переселенцы, как и местные жители, занимались земледелием и скотоводством с упором на особенности местного климата.

В Хасавюртовском округе почва была песчаной и кислой. Жаркая и сухая погода часто приводила к неурожаем. 20 февраля 1909г. четырнадцать немецких колоний Хасавюртовского округа обращается с прошением к начальнику Терской области: «В Хасавюртовском округе Терской области в течение последних семи лет (1902-1909) основаны 15 колоний меннонитов на участке, купленном у братьев Львовых. Мы, переселенцы, несомненно, внесли уже некоторую культуру в дикий дотоль край и основанные нами колонии принимали благоустроенный европейский вид. Как мы не трудились, нам до сих пор не пришлось видеть плоды своего урожая. Дело в том, что в этой местности можно существовать только при искусственном орошении почвы из реки Сулак. Просим направить гидротехника и нивелировать водоканал. Уполномоченные поселяне Никольского правления Иоганн Никель и Яков Фаст».

Только после того как был построен стокилометровый канал Тальма, большие площади пахотной земли превратились в плодородные поля, которые давали по 50-80 центнеров пшеницы с десятины. В области скотоводства довольно скоро пришел успех. Переселенцы из Причерноморья скрестили привезенных с собой лошадей с татарскими и получили, таким образом, сильную и выносливую лошадь.

Кроме лошадей у каждого хозяина имелись от 10-до 25 коров. Красная немецкая корова давала жирное молоко в большом количестве. Близость управления округа города Хасавюрта, растущее количество населения повышал спрос на молочные продукты. В поселениях Вандерло, Харчь, Шальма, Львовка, Марьяновка и др. основной упор делается на производство продуктов из молока.

Овцеводство не получило широкого развития среди немецких переселенцев Хасавюртовского округа. Только в поселении Шенфельд упоминается об овцеводстве, но в малых количествах. Со временем все переселенцы отказались от этого занятия в пользу земледелия. Сады были неотъемлемой частью немецкого колониистского хозяйства. В поселениях Надеждинский, Марьино, Татьянаовка, Вандерлоо выделялось определенное количество земель для посадки садов. Из светских заведений во всех колониях были школы.

⁶ ГАСО-А. Ф. 11. Оп. 52 Д. 120.

Нельзя не отметить, что на территории Хасавюртовского округа существовали различные концессии немцев переселенцев. Такие как меннониты, анабаптисты, баптисты, сторонники «движения исхода».⁷

В Хасавюртовском округе было наибольшее количество менонитских молельных домов: в поселениях - Харчь молитвенный дом 403 квадратных аршин, Тальма - молитвенный дом 390 кв. аршин, Романовка - два молитвенных дома (площадь не указывается) и т.д. Приведём архивный документ о религиозной стороне жизни переселенцев: «Его превосходительству Начальнику Терской области и наказному Атаману Терского казачьего войска. Поверенных колоний Николаевки, Марьяновки и Тальма, 1-го участка Хасавюртовского округа, Терской области, Иоганна Генрихова Даль, Давида Иоганнова Вепкь и Генриха Генрихова Заккау. ПРОШЕНИЕ. Представляя при сем общественный приговор колонии Николаевка, Марьяновка и Тальма, коим общества постановили об исходатайствовании разрешения постройки для названных колоний одного молитвенного дома, для каковой надобности и уполномочили нас. А, поэтому, представляя Вашему Превосходительству, план предполагаемой постройки молитвенного дома покорнейше просим Ваше Превосходительство о выдаче нам разрешительного удостоверения на постройку молитвенного дома на средства менонитского Братства Риккенауского прихода, в котором мы и дети наши крайне нуждаемся. Марта 1902 г. Слобода Хасавюрт 8».

Завершая данную статью, я бы хотел перечислить все поселения немцев колонистов существовавших на территории Хасавюртовского округа: Аграхан №16; Акташ №17; Алексанровка; Асельдер-Хажи; Вандерлоо №1 (колония №1); Владимировка; Гоффнунгсфельд; Дикс-хутор; Дреус-хутор; Евгеньевка; Египет; Камышляк; Каплан №15; Капланово; Константиновка; Кронсфельд; Львов №1; Львов №3; Мариенфельд; Марьяновка; Миддельбург; Ней Гоффнунг; Ней-Терек; Николаевка; Ново-николаевка; Остгеми №12; Претория; Люксембург; Рорбах; Самур-кент; Сулак; Тальма; Тарановка; Туршунай; Фрейденталь; Фриденстейм; Хасанай; Шенфельд; Шпренгель; Шпрингсфельд; Шульц-хутор; Эмильяновка. Таким образом, число немецких поселений было велико, а немцы играли свою роль наравне с другими этническими группами региона.

Делая общий вывод надо отметить, что немцы - колонисты, несмотря на многочисленные трудности, связанные помимо объективных причин и с субъективными факторами (недоброжелательное отношение местных властей, местного населения, особенно туземного) приступили к хозяйственной деятельности и добились довольно значительных результатов.

Занявшись земледелием, переселенцы использовали новые методы обработки земли, (введение черного пара) давшие большой толчок в развитии земледелия, этому способствовало использование местных традиций, местной технологии обработки земли, а также создание новых орудий и внедрение новых методов, благодаря слиянию двух культур землепользования (немецкой и дагестанской).

Об успехах на этом поприще можно судить по результатам упорного труда колонистов, благодаря которому некогда дикий край приобрел благоустроенный европейский вид, но со специфическими местными условиями. Немецкие

⁷ Дизендорф В.Ф. Немецкие населенные пункты в СССР до 1941 года / В.Ф. Дизендорф. - М., 2002. - С. 57-59.

переселенцы оказали прогрессивное влияние на развитие земледельческого хозяйства Дагестана.

В целом колонизация или как принято говорить в наше время – переселение удалось пройти безболезненно и без больших потерь для колонистов и их хозяйств. Северный Кавказ, часть Дагестана - Хасавюртовский округ имели инфраструктуры средневропейского региона, с цветущими садами, радующими глаз селениями, с аккуратно обделанными полями и огородами.

Эрик Курляндер

МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ И АССИМИЛЯТОРСКАЯ МОДЕЛИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НЕМЕЦКОГО НОРДМАРКА, 1890 - 1933*

Почти столетие, от немецкой революции 1848 года до краха Третьего рейха в 1945 году, на территории Шлезвиг-Гольштейна шла острая политическая борьба за этническое и политическое выживание между немцами и датчанами. Династически датский, но немецкий этнический, Шлезвиг-Гольштейн первым после европейских революций 1848-1849 годов понял, что такое политическая независимость только, чтобы пасть после Франкфуртского парламента, который привел к началу создания жизнеспособного немецкого государства. Пятьдесят лет спустя, руководствуясь своей *Realpolitik*, и чувствуя народную поддержку, Бисмарк вынудил Данию уступить два немецких герцогства Австрии и Пруссии после первой из трех войн за объединение страны. Победа Пруссии над Австрией в войне, длившейся шесть недель, во второй войне в 1867 привело к тому, что оба герцогства оказались аннексированными. В результате после успешной кампании фон Мольтке в 1870 - 1871 годах против Франции Шлезвиг-Гольштейн был официальной инкорпорирован в состав Германского Рейха. Раннее преобладавшая культура местных жителей говорящих на датском языке, оказалось культурой меньшинства (менее 100 тысяч) в пятидесяти миллионном немецком рейхе. Но существование этого относительно незначительного датского меньшинства вылилось в пол столетия попыток раскола, преследования культуры и изгнания датчан имперскими властями, то есть в попытку создания немецкого Северного Шлезвига.

Первая мировая война, конечно, изменила ситуацию. Статьи 119 - 124 Версальского договора предусматривали проведение двух плебисцитов в Шлезвиге с целью определить будет территория немецкой или датской¹. В ходе первого плебисцита в феврале 1920 года 80 % жителей южных районов Шлезвига высказались за пребывание в составе Германии. В марте жители северной части Шлезвига высказались за возвращение в состав Дании. В течение тридцати последующих лет политически и экономически слабая Веймарская Республика пыталась сохранить немецкий характер (*Volkstum*) немцев, живших в Северном Шлезвиге. Но эти попытка, как и вся политика республики в целом, не привели к конкретному результату. Нацисты вновь захватили и аннексировали Северный Шлезвиг. К 1945 году, после столетия этнических перемещений, регион окончательно стабилизировался в соответствии с юридическими и

* Редакторы сборника благодарят Автора и Журнал «The Global Review of Ethnopolitic» за разрешение на перевод и издание статьи. Kurlander E. Multicultural and Assimilationist Models of Ethnopolitical Integration in the Context of German Nordmark, 1890 - 1933 // The Global Review of Ethnopolitic. - 2002. - Vol. 1. - Issue 3. - P. 39 - 52. Перевод с английского М.В. Курчанова и И.Б. Горшневой.

¹ Rietzler R. Kampf in der Nordmark / R. Rietzler. - Neumunster, 1982. - S. 12

географическими границами плебисцита 1920 года, что позволило сообществам интегрироваться по обе стороны границы.

В этой статье датско-немецкие отношения будут анализироваться в контексте Нордмарка в период между 1890 и 1933 годами в рамках обращения к двум моделям либеральной интеграции - ассимиляторской и мультикультурной². В противоположность современным требованиям признания нетолерантности присущей ассимиляции как модели интеграции, эта статья оспаривает, что использование мультикультурной модели так же бывает проблематичным. Как мы сможем понять, большинство либералов в Шлезвиг-Гольштейне отстаивали политическую и культурную автономию, то есть, что мы сейчас можем назвать мультикультурализмом, но на исключительно этнических и откровенно расистских позициях. Многие либералы защищали ассимиляцию, поддерживаемую государством через нескончаемые мольбы о сохранении толерантных принципов и общих ценностей.

Либеральные партии в Шлезвиг-Гольштейне, как немецкие, так и датские, будут в центре этого исследования по двум причинам. Во-первых, немецкие и датские либералы доминировали на локальных выборах и в местной политической культуре по крайней мере до конца 1930-х годов, то есть до резкого подъема радикально правых³. Во-вторых, что более важно, любая концепция интеграции, которую мы можем назвать либеральной, была характерна и для самих либеральных взглядов политиков Шлезвиг-Гольштейна⁴. В Центральной Европе после первой мировой войны демократический плюрализм и толерантность не всегда оказывались в центре либеральных политических платформ. Более того, в начале XX века либерализм, особенно немецкий, был принимаем сторонниками свободного рыночного капитализма, буржуазного индивидуализма и антиэтатизма⁵. Либералы в Германии были представлены левыми прогрессистами (например, немецкая демократическая партия, после 1918 года) и более центристскими национальными либералами (например, немецкая народная партия). В ряде случаев идеи этих партий были далеки от секулярного гуманизма, но имели много общего с мессианским национализмом фёлькешистского типа⁶. Анализируя отношение либералов к этнической интеграции в 1890 - 1933 годах в этой статье будет оспорена точка зрения, согласно которой этническая интеграция в период 1890-1933 годов, необходимая для анализа этих отношений в гуманитарной перспективе, осознается как политические методы, которые, возможно, использовались не только консерваторами под националистическими предложениями, но и в рамках мультикультурализма. В тоже время, я попытаюсь

² The author would like to thank two colleagues in the political science department at Stetson University, Gary Maris and Gene Huskey, for their invaluable suggestions in revising an earlier version of this paper. This shorter version was presented at the conference, 'Integration - Fiction or Reality?', held at the University of Greifswald, Greifswald, Germany. December 5-7, 2001.

³ For example, of the 10 available parliamentary seats in the national elections of 1907 and 1912, 7 went to the German liberal parties, and 1 to the Danish liberals. Only one other district in all of Germany, Lower Silesia, ever approached this level of liberal electoral dominance.

⁴ Kurlander E. The Rise of Völkisch Nationalism and the Decline of German Liberalism: A Comparison of Schleswig-Holstein and Silesian Political Cultures 1912-1924 / E. Kurlander // European Review of History/Revue Européenne d'Histoire. - 2002. - Vol. 9. - No 1.

⁵ Langewiesche D. Liberalismus im 19. Jahrhundert: Deutschland im europäischen Vergleich / D. Langewiesche. - Göttingen, 1988; Langewiesche D. Nationalismus im 19. und 20. Jahrhundert: Zwischen Partizipation und Aggression / D. Langewiesche. - Bonn, 1994,

⁶ Sheehan J. German Liberalism in the Nineteenth Century / J. Sheehan. - Chicago, 1978.

спасти понятие «ассимиляции» от дополнительного смысла, который сводится к тому, что либерал-универсализм - самая большая гарантия для прав меньшинства.

В последние годы перед началом нового столетия либерализм, подверженный *völkisch*-влиянию, получил широкое распространение в Шлезвиг-Гольштейне. Либералы, находясь в оппозиции юнкерской аристократии, с особым трепетом относились к сохранению региональной северо-немецкой этничности в условиях консервативного, восточно-немецкого, прусского национализма⁷. Поэтому либералы в Шлезвиг-Гольштейне не только самоопределялись демократически и мультикультурно, но и расистски⁸. Напротив, пробуждая достоинства и традиции местного *stämme* для защиты своих собственных прав, местные либералы искали и моральное оправдание для поддержки прав соседей, датчан, которые по крови выделялись из северо-немецкого *Volksgemeinschaft*. При этом немецкие либералы утверждали, что датчане сами в праве определять культурную и языковую политику до тех пор, пока они лояльны⁹. Такая либеральная терпимость в отношении датской культурной автономии, или - мультикультуралистская защита датских прав, на практике казалась во многом универсалистской. Для такой этнополитической версии мультикультурализма существовала теоретическая угроза. Подобно сторонникам мультикультурализма в версии *Völkisch* многие либералы имели совершенно разное отношение к признанию негерманских меньшинств, например, поляков. Как писал один их деятелей немецких левых либеральных прогрессистов «существует признание, которое, скорее, является обязанностью». Для многих *Völkisch*-либералов поляки и чехи были только проявлениями «ненормального роста», которые следовало удалить с расового дерева политики¹⁰.

Этот особый тип *völkisch*-мультикультурализма имел все признаки эндемии не только среди радикально правых и консервативно правых, но и среди прогрессивного либерального лагеря в Вильгельмине и Веймаре в Шлезвиг-Гольштейне. Очевидно, что идеи *völkisch*, которые сводились к поддержке датской этнической автономии в то же время и признавали дискриминацию в отношении «внутренних» меньшинств, например, поляков. Для немецких либералов датчане были «германцами как мы». В них они были склонны видеть «нашу собственную кровь». Согласно *völkisch*-либералам расовое превосходство германских племен давало им право на быструю интеграцию. На датчан, вне всякого сомнения, они, в такой ситуации, распространяли право на самоопределение. Как и другие «почтенные национальности», датчане должны были «выбрать свой собственный путь» до тех пор, пока они не войдут в состав «немецкой нации и культуры»¹¹. Если славяне принадлежали к расово чуждой культуре, то и поляки соответственно имели другой политический опыт: их либералы были в ответе за сохранение культурных и языковых особенностей в условиях репрессивной политики образовательной и политической дискриминации¹².

⁷ Wulf P. Die politische Haltung des schleswig-holsteinischen Handwerks 1928-1932 / P. Wulf. - Köln, 1969; Zimmermann H.-J. Der Kreis Herzogtum Lauenburg 1918 bis 1933 / H.-J. Zimmermann. - Neumünster, 1978.

⁸ Hauser O. Gustav Frenssen als niederdeutscher Dichter / O. Hauser. - Leipzig, 1936;

Hauser O. Zur Grenzfrage Schleswig: Vier Historisch-Politische Vorträge / O. Hauser. - Kiel, 1954.

⁹ Lange U., Schulz H.-J. Geschichte Schleswig-Holstein / U. Lange, H.-J. Schulz. - Neumünster, 1996,

¹⁰ 'Where, however, national consciousness infringes upon the equal rights of other nations in representing the true or ostensible rights of one's own nation, they undermine their own principles in their total disregard for the commonality of the ideal of nationality'

¹¹ Hanssen H.P. Diary of a Dying Empire / H.P. Hanssen. - Bloomington. 1955

¹² Itzehoer Nachrichten. - 19 August 1908

В действительности не только сторонники мультикультурализма были *völkisch*. Истинные либералы поддерживали принципиально мультикультуралистскую политику предоставления культурной и языковой автономии для всех меньшинств, включая поляков и датчан. Яро противостоя расовому критерию в политике, такие либералы отказались жертвовать либеральными принципами, так как идея угнетения других наций казалась им несправедливой и ошибочной. В такой ситуации у немецких либералов нередко появлялась аллергия на все формы необычайной живучести *völkisch*-идеологии. Они считали, что национальная борьба может привести к войнам и конфликтам между носителями негерманских языков с немцами¹³. Универсалисты возражали, что интеграция в Германский Рейх может стать продолжительной, потребовать терпения и обеспечения политической демократизации. Это замедляло темпы интеграции, но и обеспечила немцам этническим группам, датчанам и полякам, краткий период культурной и лингвистической толерантности.

Либералы в Шлезвиг-Гольштейне оказались объединенными в общем признании культурной и языковой автономии датчан. Во взглядах на мир они диаметрально разошлись. Для сторонников мультикультурализма в его *völkisch* варианте, которые были внешне толерантны, идеология «крови и почвы» была куда более привлекательной. Этим они создали условия для расовой политики в Третьем Рейхе. Эта дихотомия проявилась в деятельности Ассоциации за мир в Северном Шлезвиге (*Friedensverein für das nördliche Schleswig*), доминирующей политической организации, призванной защищать гражданские права датчан в Нордмарке. Основанная либерально ориентированным пастором Йоханнесом Шмидтом-Воддером, она хотела достичь примирения между немцами и датчанами через взаимное признание культурных, языковых и религиозных прав. Многие либералы прогрессистского толка, например еврей по происхождению Феликс Вальдштейн или лауреат Нобелевской премии Людвиг Квид приветствовали такую политику. Они считали, что поляки и датчане должны иметь право посещать церковные службы и занятия в школах на родном для них языке. С другой стороны в состав *Friedensverein für das nördliche Schleswig* входило немало и *völkisch*-либералов, личностей типа мистика, сторонника «крови и почвы» Кристиана Тренккера и будущего гауляйтера балтийских провинций Хайнриха Лозэ. Позднее оба оказались в НСДАП.

Не все либералы в Шлезвиг-Гольштейне были согласны с тем, что делала *Friedensverein für das nördliche Schleswig*. В конце концов, любая угроза *volksplitter*, даже расово чистого, казалась им прелюдией к культурному и политическому хаосу. Поэтому, местные либералы разработали программу ассимиляции, которая мало чем отличалась от германизаторской политики, применяемой в Польской Силезии или Эльзасе и Лотарингии¹⁴. Эти либералы ссылались на общие причины необходимости государственно поддерживаемой политики ассимиляции. Они считали, что германизация будет обеспечивать «тенденции к равноправию». Для тех, кто «не читал, не говорил и не писал по-немецки» и не мог быть интегрированным, либералы исключали и возможность пользования

¹³ Some progressives reasoned, for example, that 'patriotism and nationalism' were 'quite dissimilar concepts', and that 'love of country and national feeling stand starkly opposed'.

¹⁴ Hagen W.M. Germans, Poles, and Jews / W.M. Hagen. - Chicago, 1986; Hiery H. Reichstagwahlen im Reichsland / H. Hiery. - Düsseldorf. 1986.

политическими правами¹⁵. В данном контексте сторонники либеральной ассимиляции напоминали своих коллег от мультикультурализма, упрекавших «прусскую конституцию в том, что она признает поляков ... в качестве немцев». Они считали, что такая ситуация характерна и для Шлезвиг-Гольштейна, «замечательно описывая местные отношения»¹⁶.

Идеи сторонников ассимиляции в самом общем виде оказались представлены в деятельности одной из местных немецких ассоциаций - *Deutscher Verein für das nördliche Schleswig*¹⁷. Это движение ставило перед собой цели развития немецкого языка в Шлезвиге, строительства немецких библиотек и издания книг на немецком языке¹⁸. С другой стороны сторонники этого движения хотели ослабить протекторатскую оппозицию в Шлезвиге, которая была представлена политиками типа Ханса-Петера Йессена и Йеса Йессена¹⁹. Расовая чистота в регионе означала немного и попытка достичь соглашения между пангерманистами не удалась. При этом в регион датчане знали немецкий язык, скорее всего, лучше, чем немцы датский²⁰. В такой ситуации, если поляки рассматривались как нация плохо пригодная для ассимиляции, то в датчанах немецкие политики были готовы видеть заблудших сынов, которые рано или поздно вернуться в лоно германства²¹.

Либеральные взгляды на проблему ассимиляции оказались связанными с двумя интересными парадоксами. Первый состоял в том, что некоторые германизаторы либерального толка были сторонниками патерналистской интеграции и использовали универсалистские принципы. Они задавались вопросом, как кто-то может быть гражданином государства, не зная его языка и не воспринимая культуры. Подобная политическая логика была чревата для ее сторонников и многочисленными проблемами. Но чем дальше политики подобного плана убеждались в том, что датчане, поляки и евреи должны быть ассимилированы в рамках простого процесса массовой аккультурации, их политическое кредо все больше начинало отражать именно либеральные ценности²². Второй парадокс сводился к тому, что сторонники сохранения датской идентичности нередко были сторонниками *völkisch*-идеологии. Если они были готовы терпеть датчан, то в отношении поляков и евреев подобного либерализма они не проявляли.

В самой северной части Шлезвиг-Гольштейна культурная и языковая граница между датчанами и немцами была не столь широка. Значительное число этнических немцев говорило или понимало по-датски. Многие датчане так же знали немецкий язык. Некоторые немецкие националисты (например, Отто Шеель) вообще имели датских предков. Фамилии многих датских лидеров выдавали их немецкое происхождение. Один из немецких националистов датского происхождения писал, что датчанин, думающий по-немецки лучше, чем немец, думающий по-датски²³. Такое этническое братство вовсе не означало

¹⁵ Schleswiger Nachrichten. - 1.09.1907.

¹⁶ Berliner Tageblatt. - 7.02.1901; Die Nordmark. - 8.15.1901.

¹⁷ Die Nordmark. - 2.15.1898.

¹⁸ Lange U., Schulz H-J. Geschichte Schleswig-Holstein / U. Lange, H-J. Schulz. - Neumünster, 1996,

¹⁹ Die Nordmark. - 15 November 1902

²⁰ Die Nordmark. - 2.15.1901

²¹ Fortschritt. - 1907. - S. 97-101.

²² Schleswiger Grenzpost. - 26.01.1912; Sonderburger Zeitung. - 24.12.1912

²³ Die Nordmark. - 11.15.1902

политического согласия. Датские либералы, подобно немецким, оказались в двух политических лагерях: мультикультуралистском и ассимиляционистском.

Тем не менее, все датчане противостояли пангерманистским устремлениям немецких националистов. Сторонники датского политика Х.П. Ханссена считали, что немцы и датчане могут мирно сосуществовать пока датские права будут соблюдаться и признаваться. Они были сторонниками мультикультурного решения шлезвиг-гольштейнского вопроса. Другая часть датского населения считала, что Шлезвиг-Гольштейн должен быть объединен с Данией. Обе группировки датских либералов выдвигали программы, политический язык которых базировался на расовых формулировках. Это было особенно характерно для Датской Партии Ханссена, который возражал против того, чтобы датчане были лояльны немецкому Рейху. Правда, иногда он заходил на столько далеко, что называл себя немцем.

Позднее Ханссен и его сторонники не признавались немецкими *Völkisch* националистами. Продолжая протестовать против лояльности немецкому государству, Ханссен и его сторонники выступали в поддержку немецких социалистов, или польских, чешских или австрийских депутатов, противопоставляя себя сторонникам аннексионистской политики. Особенно чувствительный в отношении расовой и религиозной нетерпимости, Ханссен в своих воспоминаниях описывает тот момент, когда в рейхстаге выступал депутат-еврей, стоявший на пацифистских позициях лидер Прогрессивной партии Юлиус Корш перебил его криками: «Снова еврей! Еврей! Что еврей делает здесь?»²⁴.

Несмотря на значительную критику немецкой политики, Датская партия мало что могла реально сделать для развития датской культурной автономии. В годы первой мировой войны немецкие националисты утверждали, что все германские нации плечом к плечу должны сражаться против славян и романцев. Датские политики в Шлезвиг-Гольштейне не поддержали эту идею. Карл Штраккерян, «правый» лидер Германской Ассоциации, и Йоханнес Тидье, основатель «левой» либеральной Ассоциации за мир одинаково критиковали Ханссена и его Датскую партию. Штраккерян интересовался нордической мифологией и сравнивал сторонников немцев с Хёдуром, слепым стражем у ворот рядом с мостом-радугой в Асгард. самих датчан он сравнивал с Локки, изменившим Одину²⁵. Не желая признавать эти *Völkisch* устремления, датчане начали подвергаться преследованиям и арестам²⁶.

В начале Первой мировой войны идеология *völkisch* нашла ещё большую поддержку среди либералов Шлезвиг-Гольштейна. Это включало две важнейшие либеральные партии Веймарской республики, ДДП Фридриха Науманна и ДВП Фридриха Штрезаманна. Демократ Кристиан Трэнкер, например, требовал «возрождения немецкого *Volkstum*» и «оживления расового характера Шлезвиг-Гольштейна»²⁷. Трэнкер, некогда поддерживавший леволиберальную Ассоциацию мира, теперь признавал «нордический характер» датчан, их «глубоко лежащие в земле корни почвы и расы». Но его беспокоила их лояльность великому германскому Рейху²⁸. Йоханнес Тоннесон, коллега Трэнкера по соперничающей

²⁴ Hanssen H.P. *Diary of a Dying Empire* / H.P. Hanssen. - Bloomington, 1955.

²⁵ Strackerjan K. *Dänen an der deutschen Front* / K. Strackerjan. - Hadersleben. 1915; Strackerjan K. *Nordmärkische Dänentreue* / K. Strackerjan. - Hadersleben, 1916.

²⁶ *Kieler Zeitung*. - 31.10.198; *Kieler Zeitung*. - 2 November 1913, 3 November 1913; *Itzehoer Nachrichten*. - 6 November 1918.

²⁷ Schwensen B. *Der Scheswig-Holsteiner Bund*. Frankfurt a.M., 1993. - S. 186 - 188.

²⁸ Rietzler R. *Kampf in der Nordmark* / R. Rietzler. - Neumunster, 1982. - S. 307 - 308.

либеральной ДВП, также требовал, чтобы датчане признали, что немецкий *'Volkstum* и спящие в нём силы... должны... быть окружены мерцанием мистического почитания, в котором мы замечаем с уважением жизненные силы, которые приведут нас к новому будущему»²⁹.

Самая маленькая либеральная партия Шлезвиг-Гольштейна, *Liberale Landespartei*, проявляла ещё больший расизм и антисемитизм, хотя и представляла себя более «республиканской» и «демократической», чем её основные либеральные собраты. Уже в 1919, *Landespartei* объединилась с другими партикуляристскими группами в Национальной Ассамблее Веймара в целях поддержки федеральной конституции, которая допускала широкое самоуправление и этническую автономию. В 1921, *Landespartei* открыто поддержала создание расовой демократии, основанной на взаимном конституционном признании и защите всех немецких *Stämme*, баварских или саксонских, датских или фризских. Полностью впитав расистские теории естественного отбора, *Landespartei* настаивала на превосходстве северных немцев над всеми прочими немцами, и германской расы над всеми прочими расами, этого «либерального» принципа, который лидер партии, Хинрих Лохсе, позже с отменным старанием проведёт в жизнь, будучи нацистским *Gauleiter* в Прибалтике³⁰.

Также перед приходом Третьего Рейха в 1933 широкая коалиция шлезвиг-гольштейнских либералов потребовала возвращения «потерянных территорий» и к защите немцев, живущих за границей. Но их мотивы были лишь слабым отголоском универсализма, который побуждал к действию лидеров Запада – Вудро Вильсона и Аристиды Бриана. По замечанию историка Брюса Фрая, поддержка либералов самоопределению немцев была, в конце концов «иронической, вызывавшей равнодушие к подобным вопросам до 1919 даже у левых либералов»³¹. Проще говоря, проблема самоопределения может быть поднята большим количеством деятелей, от Теодора Хойса до Адольфа Гитлера, как с универсалистской, так и с расистской точки зрения. Эта понятийная неопределённость весьма осложняет определение того, политика какого рода лежала за призывом к самоопределению в Nordmark³². Когда ведущие либералы пустили в ход политику, направленную на «усиление самоуправления для всех немецких племён», это предполагало своего рода демократический федерализм, но это была привилегия, которая могла быть предоставлена только по расовому принципу. И если многие сторонники ассимиляции сводили свою риторику к датскому вопросу, то это потому, что датчан, в отличие от поляков, они считали родственной северной расой, расположение которой требовалось, чтобы поддержать немецкий *Volkstum* в Северном Шлезвиге. Точно такая же линия следовала местная нацистская партия. Также многие *völkisch* и универсалистские либералы - даже нацисты – соглашались, что живущие в Северном Шлезвиге датчане имели право самостоятельной ассимиляции и в то же время сохранения собственной культуры и языка, без преследования государством. Логика, лежавшая за этим «мультикультурализмом», была с ним несоизмерима.

²⁹ Rietzler R. Kampf in der Nordmark / R. Rietzler. - Neumunster, 1982. - S. 308.

³⁰ Heberle R. From Democracy to Nazism / R. Heberle. - NY., 1979. - P. 46 - 47, 53; Rietzler R. Kampf in der Nordmark / R. Rietzler. - Neumunster, 1982. - S. 306.

³¹ Frye B.R. Liberal Democrats in the Weimar Republic. - Carbondale, 1985. - P. 129 - 131.

³² Deutsch-Demokratische Beiträge. - 4.02.1921.

Мы живём в мире, где новая метафора интеграции и мультикультурализма заняла место ассимиляционной модели, примером которой является классическая американская концепция «плавильного котла» ассимиляции. Вдохновлённые современными направлениями этнографии и литературоведения, политики, особенно либералы, в последние годы проявили понимание в отношении подчинённых культур. Эта «постколониальная» сознательность освободила классический либерализм от многих мелочных предрассудков, которые раньше постоянно сопутствовали попыткам привести «третий мир» к независимости, вместе с тем подавив его культуру и общество «теориями модернизации» и «западными образцами». Новая идея мультикультурализма помогла избавиться от налёта альтруистического универсализма и открыла его истинные ценности. Таким образом, мультикультурализм попытался свести идею социальной реальности к её органичным компонентам, вернуть право голоса и силу маргинальным этническим, культурным и социальным группам, которые до этого были в тени *Leitkultur*.

Действительно, смягчённый универсализмом мультикультурализм может привести к более разнообразной и вместе с тем сплочённой европейской политике; невозможно спорить, что члены Европейского союза сознательно уступят свою культурную специфику во имя одной, всеохватывающей *Leitkultur*. Тем не менее, есть опасность, что мультикультурализм, не ограниченный всеохватывающим универсалистским согласием, создаст такую же нетерпимость, как этноцентричная, поддерживаемая государством, ассимилирующая *Leitkultur*. Ибо мультикультурализм, как показало наше исследование *Nordmark*, способен превратиться в любое число этнических партикуляризов, расовая и религиозная сущность станут двумя главными проявлениями которых. Ассимилирующая модель интеграции приведёт к нетерпимости в интересах включения. Но мультикультурное общество может окончательно распасться или перевернуться, если наиболее могущественная общественная группа исключит те группы, которые наименее на неё похожи. Что удивительного в том, что многие шлезвиг-гольштейнские либералы, столько лет перевозившие достоинства федерального *Volksgemeinschaft*, куда входили австрийцы, датчане, фризы и голландцы, но из которого исключались славяне и евреи, вошли в нацистскую партию? Если серьезно отнестись к этому спору в *Nordmark*, станет ясно, что этноцентричный мультикультурализм может сохранить разобщённость, предрассудки и ксенофобию, и всё это под ярлыком либерализма.

Различие между либералами-ассимиляционистами и либералами-мультикультуралистами намного меньше на практике, чем в теории. Идеологические несоответствия между ними часто заключаются лишь в определениях, и зависят от национальной обстановки и соответствующего критерия для включения или исключения. Возьмём, к примеру, политику, требующую признания конституцией национального меньшинства и усилия в изучении языка, но при этом допускающую полную языковую, религиозную и культурную свободу, даже поддержку культуры этнического меньшинства на государственном или местном уровне. В исторически универсалистской, но сильно ассимиляционистской Франции такая политика, с её невмешательским отношением к созданию французского национального единства может «разбиться» о мультикультурализм.

Между тем в Америке много «мультикультуралистов», которые сочтут эту политику минимального государственного вмешательства и, возможно, поддержки культуры этнических меньшинств ассимилирующей, так как эта политика способна привести к постепенному объединению меньшинств в интересах образования национального консенсуса. Конечно же, есть определённое число учёных, которые считают американскую модель «плавильного котла» поверхностной, подавляющей культуру и полностью ассимиляторской³³. Государство, которое отвергает уничерсализм во имя мультикультурализма, может прийти до проповеди такой же дискриминации, как и государство, превозносящее *Leitkultur*. По крайней мере, этот случай должен предостеречь нас от того, чтобы принимать определённые варианты интеграции как базовую ценность. Если либеральные требования в отношении мультикультурализма могут быть использованы для нелиберальных способов интеграции этнических меньшинств, *Leitkultur* в исторической перспективе оказывается носящей не столь этническую, сколько всеобъемлющую сущность – в большей степени, чем допускают многие её критики. Немецких христианских демократов трудно поймать на слове.

Так же, как и в консервативных призывах Джорджа Буша, в доктрине *Leitkultur* Федеральной Республики есть доля цинизма, плохо завуалированное убеждение, что определённые народы – как в своё время – поляки, а теперь – турки – попросту не захотят или не смогут достичь культурного уровня, необходимого для их полной интеграции. Отказывая в двойном гражданстве и требуя экзамена на владение языком, европейские консерваторы, возможно, и надеются сократить возможность эмигрантов получить полное гражданство, при этом постоянно упоминая классические либеральные цели всеобщего объединения. Но нет причин подозревать их в столь дурных намерениях. Если концепция *Leitkultur*, предполагающая создание всеохватывающего политического и культурного единства, остаются во многих вопросах проблематичной, то же самое происходит и с мультикультурной парадигмой, которая, вместо того, чтобы искать разных путей интеграции на универсальной основе, поддерживает лишь сохранение чистоты одной этнической группы, а интересы других остаются лишь пустыми словами.

---

³³ Rawls J. Political Liberalism / J. Rawls. - N.Y., 1993. - P. 134-147.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.

А.А. Акопов - к.и.н., Пятигорский государственный лингвистический университет
А.В. Акульшина - к.и.н., зам.директора РЦАМДС, ВГУ
Йозеф Берхольд - доктор философии, адъюнкт-профессор, Вена - Рим
Карла Билунг - доктор истории, Бердинская галерея искусств, Бердин, ФРГ
Ю.А. Борко – д.и.н., Институт Европы РАН, Москва
Софи А. Велиш - доктор философии, Буковинское общество Америки
Т. Гундорова - д.ф.н., Львовский национальный университет им. И. Франко, Украина
О.В. Дзяд - к.э.н., Днепропетровский национальный университет, Украина
С.П. Касьянов - народный депутат Украины, глава подкомитета сотрудничества с ВТО и ЕС и Комитета вопросов европейской интеграции
М.В. Кирчанов - аспирант, Воронежский государственный университет
И.В. Крючков - д.и.н., Ставропольский государственный университет
Эрик Курляндер - доктор философии, Стетсонский университет, Флорида, США
Герд Лангут - доктор философии, преподаватель Боннского Университета, Бонн, ФРГ
О.Г. Лекаренко - к.и.н., Томский государственный университет
А.А. Лютых - д.и.н., профессор кафедры международных отношений и регионоведения факультета международных отношений, Воронежский государственный университет
П.В. Макаренко - к.и.н., доцент, Воронежская государственная лесотехническая академия
М. М. Мусаев - аспирант, Дагестанский государственный университет
Б.С. Орлов - д.и.н., главный научный сотрудник ИНИОН РАН
Д.В. Офицеров-Бельский - к.и.н., Пермский государственный университет
А.В.Перепелицын - к.и.н. Воронежский государственный педагогический университет
В.В. Руссков - Томский государственный университет
А.А. Синдеев - к.и.н., Тверской государственный университет
Д.А. Смирнов - к.и.н., Ивановский государственный университет
И.А. Суздальцева - к.и.н., Дагестанский государственный педагогический университет
Л.В. Табунищикова - к.и.н., Ростовский государственный университет
Петер Талер - доктор философии, профессор факультета истории, Миннесотский университет
Н.П.Тимофеева - к.и.н. Воронежский государственный педагогический университет
Хильди Ф. Тиссен - доктор философии, свободный исследователь, Канада
В.А. Тонких - д.и.н., профессор, Воронежский филиал Российского государственного торгово-экономического университета
Петер Феслер - доктор философии, Фрайбургский университет, Фрайбург, ФРГ
И.В. Форет - аспирантка, Воронежский государственный университет
А.Б. Цфасман - д.и.н., профессор, Челябинский государственный университет
В. Л. Черноёров - д.и.н., профессор, Ивановский государственный университет, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
С.А. Шпагин - Директор Ростовского ЦЕД, заместитель председателя Ростовского Отделения АЕВИС.

Научное издание

**Германия:
история и современность.**

Сборник статей памяти профессора
Виктора Александровича Артемова.

Часть 2.

Германия и мир: образы, взаимоотношения, идентичности

Оригинал-макет
М.В. Кирчанов

Факультет международных отношений
Воронежский государственный университет
Воронеж, Московский проспект, 88
Тираж 100